

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Сало Виктория Эдуардовна

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАФОР
В ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА
«АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ» НА АНГЛИЙСКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Алексеева Мария Леонардовна
доктор филологических наук, доцент

Екатеринбург – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. Теоретические основы изучения метафор в аспекте перевода	11
1.1. Базовые положения теории метафоры.....	11
1.1.1. Механизм метафоризации.....	11
1.1.2. Понятие метафоры: анализ определений в сопоставительной метафорологии и теории перевода.....	15
1.1.3. Семантическая структура метафорических единиц.....	18
1.1.4. Классификации метафор.....	23
1.2. Метафора как единица теории перевода.....	28
1.2.1. Трудности передачи метафор на иностранный язык.....	28
1.2.2. Приемы перевода метафор: обзор классификаций.....	31
1.2.3. Типология приемов передачи метафор на иностранный язык.....	35
1.2.4. Методика сопоставительно-переводческого анализа.....	41
1.3. Проблема оценки качества перевода метафор в художественном тексте.....	43
1.3.1. Критика перевода художественного текста как научное направление.....	47
1.3.2. Критика переводов произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».....	50
1.3.2.1. Критика перевода произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» на английский язык, выполненного Т. Уитни.....	51
1.3.2.2. Критика перевода произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» на немецкий язык, выполненного А. Петурниг.....	54
Выводы по первой главе.....	56
ГЛАВА 2. Особенности техники и оценка качества передачи метафор произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» в английском и немецком переводах	59

2.1. Сопоставительный анализ техники перевода русских метафор различных типов на английский и немецкий языки.....	60
2.1.1. Зооморфная метафора.....	61
2.1.2. Фитоморфная метафора.....	87
2.1.3. Метафора неживой природы.....	96
2.1.4. Физиологическая метафора.....	107
2.1.5. Морбиальная метафора.....	116
2.1.6. Милитарная метафора	131
2.1.7. Театральная метафора	146
2.1.8. Артефактная метафора	153
2.1.8.1. Техническая метафора.....	154
2.1.8.2. Артефактная метафора непромышленной сферы.....	167
2.2. Сопоставительный анализ адекватности переводов русских метафор	171
2.2.1. Оценка качества передачи русских метафор на английский язык	171
2.2.2. Оценка качества передачи русских метафор на немецкий язык.....	174
2.2.3. Сопоставительный анализ адекватности переводов метафор на английский и немецкий языки	176
Выводы по второй главе	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	183
Библиографический список	188
Приложение	211

ВВЕДЕНИЕ

По словам американского исследователя Натана Лейтеса, изучавшего советский язык как ключ к механизмам большевистского (русского) мышления, деятелям русской культуры удалось рельефно запечатлеть в своих произведениях характерный тип национального характера [Будаев 2011: 14]. Представители научного лингвистического сообщества Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, А. Вежбицкая, Е. С. Кубрякова, И. М. Кобозева, Дж. Лакофф, А. П. Чудинов и другие подчеркивают связь метафоры и культуры. Метафоры генерируются и оформляются в рамках общекультурного контекста. Специфика метафоры как способа вторичной номинации детерминирована коллективным национальным языковым сознанием, включающим в себя особенности национальной образности мышления и коннотативную зону языка [Корнилов 2003], что объясняет научный интерес переводоведов к метафоре.

Актуальность данного исследования обусловлена, **во-первых**, тем, что оценка качества перевода литературных произведений является развивающимся направлением в переводоведении. В частности, определение критериев воссоздания метафорических единиц является актуальным вопросом теории и практики художественного перевода. **Во-вторых**, в связи с тем, что процесс перевода подразумевает межъязыковое и, следовательно, межкультурное взаимодействие, данное сопоставительное исследование предполагает выявление как общих, так и национально-специфических компонентов в языках, что в перспективе способствует повышению эффективности межкультурного взаимодействия. **В-третьих**, перевод произведений А. И. Солженицына на иностранные языки представляет особую сложность в связи с уникальностью его языковой личности [Веред 2021]. Творчество А. И. Солженицына в аспекте перевода представляет научный интерес в силу его недостаточной изученности. До настоящего времени исследователи уделяли внимание общим трудностям перевода на английский и немецкий языки с фрагментарным анализом переводов метафор, сопровождающимся комментированием переводческих ошибок

[Bond 1983], а также трудностям перевода лагерной лексики и фразеологических единиц на английский язык [Харитоновна 2007; Хасибулина 2017], однако данный материал ранее не привлекался для научного изучения метафор в сопоставительном аспекте.

Объектом исследования являются структурные метафоры в переводе. **Предмет исследования** составляют русские структурные метафоры в произведении «Архипелаг ГУЛАГ» и их варианты перевода на английский (Т. Уитни, 1974) и немецкий (А. Петурниг, 1974) языки.

Степень разработанности темы. Переводческие аспекты передачи метафор на иностранный язык в художественном дискурсе анализировались в трудах Н. И. Борковец (2002), А. С. Назина (2007), Я. А. Евстафовой (2011), В. Т. Веред (2021). Исследование переводных произведений А. И. Солженицына было проведено А. Бондом (1983), Е. В. Харитоновой (2007), Д. А. Хасибулиной (2017). Системный сопоставительный анализ переводов метафор рассматриваемого произведения как самостоятельный объект исследования ранее не проводился.

Цель исследования: выявление особенностей передачи структурных метафор в немецком и английском переводах произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Для достижения этой цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

- 1) уточнить специфику понятия «структурная метафора» как единицы теории перевода;
- 2) выявить пласт русских структурных метафор в произведении А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»;
- 3) уточнить классификацию и систематизировать выявленные русские метафоры;
- 4) разработать типологию приемов перевода метафор;
- 5) разработать методику сопоставительно-переводческого анализа метафор;

б) описать особенности техники передачи структурных метафор в английском и немецком переводах произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»;

7) оценить качество передачи русских метафор в английском и немецком переводах произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Материалом исследования послужили 524 метафорические единицы из первого тома произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и их переводы (1048) на английский язык, выполненный Томасом Уитни в 1974 году («The Gulag Archipelago»), и на немецкий язык, выполненный Анной Петурниг в 1974 году («Der Archipel GULAG»).

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых по теории и практике перевода (М. Л. Алексеева, Л. С. Бархударов, Н. К. Гарбовский, В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев, Л. Л. Нелюбин, Я. И. Рецкер, P. Newmark, N. Mandelblit, M. Snell-Hornby), проблемам художественного перевода (Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов), теории метафоры (Н. Д. Арутюнова, М. Блэк, Э. В. Будаев, В. Н. Вовк, В. Г. Гак, И. М. Кобозева, Е. М. Семенова, Г. Н. Склярская, Дж. Лакофф, М. Джонсон), когнитивной лингвистике (И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Е. А. Нахимова, О. А. Солопова, Т. В. Хвесько), теории регулярной многозначности (Ю. Д. Апресян, Л. В. Балашова, И. А. Стернин, А. П. Чудинов), лингвистической семантике и прагматике (Ю. Д. Апресян, А. Вежицкая, В. Г. Гак, Н. Н. Кошкарлова, Е. С. Кубрякова).

Для решения поставленных задач была использована комплексная методика исследования, которая включает следующие **методы**:

- метод сплошной выборки;
- структурно-логический метод с использованием методик систематизации, классификации и понятийного анализа;
- фреймово-слотовый анализ метафорических моделей;
- метод анализа словарных дефиниций;
- метод компонентного и контекстуального анализа;

- метод сопоставительно-переводческого анализа;
- метод количественной обработки данных.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- исследуются структурные метафоры произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» в сопоставительном аспекте на материале английского и немецкого переводов;
- комплексно описываются и систематизируются метафоры произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» на основе семантического принципа;
- разработана новая методика анализа вариантов перевода метафор;
- создана новая типология приемов перевода метафор;
- проводится комплексный анализ техники и адекватности передачи метафорических единиц на материале параллельных переводов произведения «Архипелаг ГУЛАГ» на английский и немецкий языки.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в разработке методики сопоставительно-переводческого анализа и типологии приемов перевода метафор. Новая методика анализа вариантов перевода метафор и систематизация переводческих операций при передаче метафорических единиц способствуют совершенствованию общей теории перевода. Проведенный сопоставительно-переводческий анализ метафор и анализ критики переводов произведения на английский и немецкий языки вносят вклад в развитие критики перевода и в дальнейшую разработку теории метафоры путем уточнения понятия «структурная метафора».

Практическая значимость диссертации определяется возможностью применения ее материалов при подготовке лекционных и семинарских занятий по художественному переводу и стилистике, при разработке спецкурсов по актуальным проблемам перевода, также материалы могут быть полезны специалистам в области межкультурной коммуникации и практики перевода. Полученные результаты могут быть использованы для научно обоснованной оценки новых переводов произведения на иностранный язык. Материалы

диссертации могут применяться в дальнейших теоретических исследованиях по проблемам общей теории метафорического моделирования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Согласно классификации метафор по семантическому признаку продуктивными источниками метафоризации в произведении А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» являются семантические сферы «животный мир», «природа», «человек», «общество», «артефакты», в рамках которых выявлены следующие типы метафор: зооморфная, фитоморфная, метафора неживой природы, физиологическая, морбиальная, милитарная, театральная, техническая и артефактная метафоры.

2. В основе разработанной типологии приемов передачи метафор на иностранный язык лежит принцип сохранения оригинальной образной основы, что позволяет выделить три типа приемов: сохраняющие, трансформирующие и нейтрализующие образную основу. В зависимости от способа передачи формы и содержания, сохранения или стирания экстралингвистической информации каждый тип разделен на подтипы.

3. Для изучения техники передачи и оценки адекватности вариантов переводов метафор в паре языков (русский-английский и русский-немецкий) разработана методика сопоставительно-переводческого анализа **метафор**, в ее основе лежит сопоставление формы, ядерно-периферийного содержания, коннотаций, эмоционально-оценочного заряда переводных эквивалентов оригинальных метафор.

4. Анализ техники передачи различных типов метафор выявил следующие закономерности в переводах Т. Уитни и А. Петурниг:

– при переводе зооморфных метафор на английский язык доминирует прием подстановки переносного значения, на немецкий язык – прием функционально-адекватной замены;

– при переводе милитарных, фитоморфных и морбиальных метафор на английский и немецкий языки ведущим приемом является подстановка переносного значения;

- при переводе метафор неживой природы на английский и немецкий языки активно используется прием функционально-адекватной замены;
- при переводе театральных и технических метафор на английский и немецкий языки доминирует прием калькирования прямого значения;
- при переводе физиологических метафор на английский язык ведущими являются приемы подстановки и калькирования переносного значения, на немецкий язык – приемы функционально-адекватной замены и деметафоризации.

5. Сопоставительно-переводческий анализ метафорических единиц и их эквивалентов показал принципиальное различие техники перевода на английский и немецкий языки. В то время как Т. Уитни делает акцент на форме языкового знака, воспроизводя формальные характеристики оригинала за счет более широкого использования приемов, сохраняющих образную основу, А. Петурниг более активно использует приемы, трансформирующие образную основу метафорических единиц.

6. На снижение степени адекватности перевода метафор влияют следующие факторы: 1) отказ от воссоздания метафорического образа, который негативно сказывается на экспрессивности и выразительности (41,7%), 2) нейтрализация коннотаций русских метафор в переводе (25%), 3) преобразование коммуникативно значимых сем или коннотаций (19,3%), 4) опущение метафоры (14%). На основе их анализа выявлена более высокая степень адекватности перевода А. Петурниг (90,67%) по сравнению с переводом Т. Уитни (84,7%), что согласуется с выводами критиков перевода Т. Уитни.

Достоверность результатов исследования определяется обширной теоретической базой, значительным объемом проанализированного материала, опорой на сочетание взаимодополняющих классических и современных методов, обеспечивающих комплексный подход к анализу языкового материала.

Апробация результатов работы. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на международной научно-практической конференции «Тестирование и оценка учебных результатов по иностранному языку: традиции и инновации» (Сургут, 2016), международной научной

конференции «Лингвистическое образование на современном этапе: российский и зарубежный опыт» (Сургут, 2017), международной научно-практической конференции «Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences» (CILDIАН-2019), V международной научной конференции «Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма» (Грозный, 2022), всероссийской научно-практической конференции «Искусство перевода» (Санкт-Петербург, 2024), международной научно-практической конференции «Родной и иностранные языки в поликультурном пространстве» (Сургут, 2024). По теме исследования опубликовано 14 работ, в том числе 8 статей в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ (один из которых индексируется в Web of Science Core Collection), одна статья – в сборнике статей, проиндексированном в Web of Science Core Collection.

Структура работы определяется поставленной целью, задачами и концепцией исследования. Диссертация состоит из введения, теоретической и практической глав, заключения, библиографического списка и приложения. В **первой главе** представлены теоретические аспекты в изучении метафоры, рассмотрена специфика метафоры, обоснована проблема перевода метафоры в художественном дискурсе. Рассмотрена специфика критики перевода как одного из направлений в переводоведении. Приведена критика англоязычного и немецкоязычного переводов исследуемого произведения. **Вторая глава** посвящена анализу особенностей техники перевода и оценке качества передачи различных типов структурных метафор в переводах Т. Уитни и А. Петурниг. В **заключении** обобщены основные результаты, представлены выводы и намечены перспективы исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАФОР В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Целью переводчика является создание в переводном тексте равноценного коммуникативного эффекта, что невозможно без определения коммуникативной интенции автора. В связи с тем, что определение коммуникативного намерения носит интерпретационный характер, целесообразно обратиться к смысловой стороне языка. В рамках нашей работы анализ содержательной стороны исследуемого феномена требует прежде всего рассмотрения вопроса принципов метафоризации.

1.1. Базовые положения теории метафоры

1.1.1. Механизм метафоризации

С точки зрения представителя семантического подхода М. Блэка, метафора обусловлена ассоциативным смешением двух разнородных по своей когнитивной специфике референтов – первичного или главного субъекта и вторичного или вспомогательного субъекта. Процесс метафоризации заключается в выборе и организации характеристик главного субъекта с помощью характеристик вспомогательного субъекта [Black 1962: 44–45]. Во время метафоризации происходит актуализация системы ассоциаций, которые в сознании говорящего связаны со вспомогательным субъектом. М. Блэк называет ее «системой общепринятых ассоциаций». Эти ассоциации применяются к главному субъекту метафоры. При этом в системе ассоциаций одни признаки выходят на передний план, а другие затемняются. Получается, что метафора действует как фильтр, который структурирует систему ассоциаций и отбирает те, которые могут быть соотнесены с главным субъектом.

Ученые рассматривают метафору сквозь призму семантической деривации [Апресян 1995; Гак 1988; цит. по: Балашова 2015: 171]. С позиции семантического подхода метафоре присущи 3 основные характеристики: «производность»,

«связь» между первичным и вторичным значением и «перенос», т. е. «семантическое движение», обнаруживаемое при формировании метафорического значения. Семантическое движение представляет собой сдвиг денотативной соотнесенности и появление новой референциальной соотнесенности, при этом новая референциальная соотнесенность определяется как результат совмещения узуального денотата и окказионального референта [Веред 2021: 106].

Метафорическое значение возникает благодаря тому, что сопоставляемые денотаты или обладают одной определенной общей чертой, или – чаще – целым рядом инвариантных черт, или вызывают тождественные эмоции / ассоциации, в последнем случае при метафоризации не следует искать общих схем, свойственных словарным определениям двух слов [Гак 1988: 15]. Ассоциативность мировосприятия говорящего субъекта позволяет ему замечать подобное сходство между «неожиданно» сопоставляемыми денотатами [Лагута 2003: 40].

Вариативный характер установления тождества между понятиями / объектами по тем или иным релевантным параметрам и относительная независимость от конвенций гарантируют возможность обозначения нового, качественно иного понятийного содержания. Так, в рассматриваемом произведении представители органов власти уподобляются палачам на основании общего признака «источник смерти», советские граждане – насекомым и кроликам на основании общего признака «беззащитности и уязвимости», а система судебной-исполнительной власти – мясорубке на основании общего признака «необратимости происходящего».

Ассоциативный аналог, возникающий в сознании в качестве основания сравнения, является, с одной стороны, интуитивно найденным, а с другой – не единственным возможным способом языковой презентации мысленного представления. Чтобы вскрыть тонкость метафорического значения, интерпретирующий механизм должен быть в состоянии задействовать весь комплекс ассоциаций, связанных с оболочкой метафоры, определить, как

выражаются те или иные свойства обозначаемого ею явления. Толкование механизма метафорообразования необходимо строить на основе наглядных, опытных знаний об означаемом, учитывать энциклопедический характер семантики слова и стоящий за ним когнитивный фрейм [Рыжкова 2001: 52].

Н. Д. Арутюнова настаивает, что базой для метафорического переосмысления являются наиболее когнитивно значимые для языковой личности явления действительности, поскольку для оценки концептуальной сущности обозначенного метафорически объекта ей приходится «пропустить» его через призму коллективного национального сознания и своего самосознания [Арутюнова 2003: 181].

Осмысление метафорического значения происходит вследствие возникновения ассоциаций, которые, в свою очередь, являются результатом действия квалификаторов 4 типов: контекстуальных, являющихся следствием лингвистического или ситуативного контекста, общественных – суммы знаний, присущей определенной общности людей, архетипических, следующих из общечеловеческого опыта, и частных, возникающих в результате личного переживания / осмысления ситуации [Семенова 2022: 95].

Во многих языках, независимо друг от друга, развиваются сходные метафорические обозначения. Такое параллельное семантическое развитие слов свидетельствует о единстве закономерностей мышления и сходстве опыта у народов, говорящих на разных языках. Сопоставляя многозначность или данные этимологии самых различных языков, можно обнаружить множество совпадений в метафорических переносах. Сходство образов и параллелизм в метафорических переносах проявляются в пространстве и во времени. В пространстве это проявляется в том, что разные языки автономно прибегают к одинаковым метафорическим переносам. Временной аспект состоит в том, что в пределах одной группы языков и даже одного языка на разных этапах развития воспроизводятся одни и те же переносы. Сочетание временного и пространственного параллелизма прослеживается в языках, имеющих общее происхождение [Гак 1988: 22]. Сходство денотатов позволяет декодировать

метафоры, не подвергающиеся узуализации в данном языковом коллективе, но встречающиеся в узусе у других национальных сообществ, при условии, что специфические характеристики сопоставляемых денотатов известны приблизительно в равной степени носителям разных языков. Однако ответ на вопрос об адекватности такой декодировки не всегда однозначен [Лагута 2003: 40], так как историко-культурологические факторы действительности предопределяют многообразие экстралингвистической каузации порождения и функционирования метафоры [Будаев 2011: 90]. Таким образом, к переносным значениям в отдельных языках могут добавиться специфические, не имеющие параллелей в других [Гак 1988: 20].

Каждый отдельный язык антропоцентричен по своей сути, поэтому, отражая мир, он интерпретирует его с точки зрения национальной культуры. Национальный язык создает множество когнитивных установок понимания окружающего мира, отличающихся от когнитивных установок других языков своей концептуальной спецификой. Данный факт объясняет наличие специфичного в языковой метафоре. В разных языках с различной интенсивностью используются в качестве исходного материала при метафорическом переносе слова одних и тех же лексико-семантических групп. Иногда данный феномен объясняется сложившимися традициями в использовании тех или иных тематических групп слов. Например, в русском языке относительно чаще, чем во французском, используются в качестве исходного элемента метафоры слова, обозначающие звуковые впечатления (например, *глухая вода, глухое место, глухое платье*), тогда как во французском чаще используются слова, обозначающие цвета и краски [Гак 1988: 24].

Различия между языками могут проявляться в ономаσιологическом плане: один и тот же референт обозначается различными видами метафорических обозначений, восходящих к разным словам с прямым значением [Гак 1988: 25]. Например, деталь часов по-русски называется *стрелки*, а по-английски *hands* «руки». В данном случае английское обозначение более метафорично: оно

представляет собой «чистую» метафору, тогда как слово *стрелки* в этом случае можно интерпретировать как результат функционального переноса.

Механизм образования метафор основывается на приращении когнитивных смыслов к исходному лексико-семантическому варианту (далее – ЛСВ), при этом подобное приращение возможно благодаря явлению семантической деривации. Таким образом, семантическая деривация является составной частью концептуализации нового, еще недостаточно ясного когнитивного смысла. Единство закономерностей мышления и сходство опыта у народов, говорящих на разных языках, объясняют совпадения в метафорических переносах. Тем не менее культурные традиции могут по-разному влиять на результат метафорического переосмысления концептов, имеющих особую важность для того или иного национального самосознания. В результате возникают лингвокультурные различия в метафорическом видении и интерпретации мира, общества и человека. Рассмотрим различные подходы к определению понятия «метафора».

1.1.2. Понятие метафоры: анализ определений в сопоставительной метафорологии и теории перевода

Метафора является распространенным языковым явлением и обычно определяется как скрытое сравнение, которое осуществляется путем применения названия одного предмета к другому и выявляет какую-нибудь важную черту второго [Арнольд 2019: 99]. В лингвистике метафора может рассматриваться не только как лингвистическая или языковая единица (в рамках семантического направления), но и как ментальная операция (в рамках когнитивного направления). Рассмотрим данные подходы.

Согласно традициям семантического подхода А. Ричардс рассматривает метафору как двухкомпонентную структуру: «содержание» (подразумеваемая идея) и «оболочка» (фигура речи). При помощи (экстра)лингвистического контекста «содержание» подсказывает всем другим участникам вербальной коммуникации концептуальный смысл целевого референта [Ричардс 1990: 46, 48].

Г. Н. Склярская подразумевает под метафорой «вторичную косвенную номинацию, характеризующуюся семантической двуплановостью и наличием образного элемента» [Склярская 1993: 12].

Согласно определению В. П. Москвина, метафора – это двусторонняя производная единица, имеющая определенную знаковую структуру, обладающую внутренней формой. Как любой языковой знак метафора имеет внутреннюю и внешнюю форму. Ключ к пониманию лингвистической сущности метафоры следует искать в плоскости смысла [Москвин 2006].

В работах переводоведов подход к определению метафоры не противоречит семантическому. Метафора определяется как использование названия объекта А для обозначения (свойств) объекта В, прямое значение которого лексикографически не закреплено за денотатом А [Newmark 2008: 104]. В своей работе Ю. П. Солодуб определяет метафору как «особый прием выразительности речи, заключающийся в переносе свойств с денотата В на денотат А на основе определенного их сходства, а иногда и явного логического и предметно-вещественного противопоставления: жизнь без свободы (А) – это смерть (В)» [Солодуб 2005: 146].

Многие распространенные дефиниции метафоры обусловлены спецификой ассоциативного мышления, имеющего свои особенности не только в каждой отдельной языковой картине мира, но и в каждом отдельном произведении художественной литературы. Так, например, ориентация внимания на свойственный ей скрытый смысл приводит к дефиниции метафоры как «принципа необычного словоупотребления, отражающего индивидуально-творческие особенности в субъективном содержании мира» [Прокопьева 2007: 7] тем или иным писателем.

В когнитивной семантике метафора трактуется как перенос когнитивной структуры, прототипически связанной с некоторым языковым выражением, из той содержательной области, к которой она исконно принадлежит, в другую область. Тем самым при метафоре происходит проекция одной концептуальной области на другую, своего рода экспансия концептов области-источника, в

результате которой происходят захват и освоение ими новой области – области цели [Кобозева 2002]. Именно последнее обстоятельство обеспечивает главные функции метафоры – конструктивную функцию осмысления новых реалий и деконструктивную функцию разрушения сложившихся стереотипов сознания.

Теория концептуальной метафоры (далее – ТКМ) признает метафору в качестве когнитивного механизма. Метафора рассматривается как когнитивная операция над понятиями, как средство концептуализации, позволяющее осмыслить ту или иную область действительности в терминах понятийных структур, изначально сложившихся на базе опыта, полученного в других областях. Согласно ТКМ «переносу» подвергается не изолированное имя (с присущим ему прямым номинативным значением), а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), активируемая некоторым словом (фокусом метафоры) в сознании носителя языка благодаря конвенциональной связи данного слова с данной концептуальной структурой [Кобозева 2002].

В терминологии Дж. Лакоффа метафора – это «концептуальное проецирование», иными словами, переложение признаков одного понятия на другое [Лакофф 2008: 6]. Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний: структуры-«источника» и структуры-«цели». Область источника в когнитивной теории представляет собой опыт человека. Область цели – менее конкретное знание, «знание по определению». По мнению авторов ТКМ, содержание нашего мышления (существующие в нем понятия и системы понятий) предопределяется физическими ощущениями и телесным опытом, которые широко используются в метафорических процессах, что, безусловно, наблюдается в исследуемом нами произведении: *Через 11 лет во время реабилитации дали мне перечитать эти протоколы – и охватило меня ощущение душевной **тошноты*** [Солженицын 2011: 118]. Или: *Может быть, только в 20 веке, если верить рассказам, застоявшаяся их сытость привела к моральной **изжоге*** [Солженицын 2011: 272].

Вслед за А. П. Чудиновым в рамках данного исследования специфика созданной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном теории концептуальной метафоры

будет рассмотрена на фоне теории регулярной многозначности (как одного из вариантов структурно-семантического описания словесной семантики) в силу того, что детально разработанная терминология ТКМ поможет систематизировать и упорядочить отобранный языковой материал, а также «обрисовать» систему авторских образов с целью последующего сопоставительно-переводческого анализа.

В данной работе под метафорой мы будем понимать лексико-семантический вариант, который в процессе концептуального «переформатирования» приобретает статус единицы вторичной знаковой системы, применяемой с целью актуализации определенных скрытых смыслов в совершенно иной (порой неожиданной) содержательной области. В связи с тем, что при формировании метафорического значения происходит семантическое движение, сохраняющее в определенной степени связь первичного и вторичного значения, метафора представляет собой сложный конструкт, обладающий структурой. Рассмотрим **специфику** структуры метафорических единиц. Знание структурных особенностей исследуемых метафор поможет понять, насколько полно и точно переданы все составляющие элементы метафорической единицы на иностранный язык.

1.1.3. Семантическая структура метафорических единиц

Основная проблема перевода слова сводится к возможности адекватной передачи на другие языки именно его лексического значения [Солодуб 2005: 54]. Согласно теории художественного перевода лексическое значение представляет собой многокомпонентную структуру, в которой объединены в их взаимодействии и взаимозависимости три облигаторных (сигнификативный, денотативный, структурный) и два факультативных (коннотативный и этнокультурный) компонента. При этом многокомпонентность как характеристика присуща структуре любого лексического значения вне зависимости от его типа (будь то прямое или производное) [Солодуб 2005: 100].

Сигнификативный компонент лексического значения (далее – ЛЗ) представляет собой отражение в человеческом сознании предметов и явлений в форме понятия, являющегося средоточием наиболее важных, основополагающих признаков. Сигнификат определяет предметно-вещественную (денотативную) направленность ЛЗ, очерчивая круг денотатов (объектов действительности), на которые он распространяется. Денотативный компонент – это скорее конкретное представление о предметах и явлениях действительности, обозначаемых этим понятием [Солодуб 2005: 56]. При переводе денотативный компонент подвергается наибольшим семантическим изменениям в речи [Алексеева 2007: 47].

Структурный компонент отражает реальные структурные связи слова в его конкретном значении со значениями других слов того же лексико-семантического поля (лексико-семантической группы). Таким образом, данный компонент обеспечивает функционирование слова в общей семантической структуре языка [Солодуб 2005: 66].

Коннотативный компонент, являясь вариативным элементом структуры ЛЗ, может послужить валидным источником важной дополнительной (по отношению к сигнификативно-денотативному значению) информации. Коннотация представляет собой семантическую сущность, узуально или окказионально входящую в семантику языковых единиц и выражающую эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к ситуации, описываемой в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект [Телия 1988].

Коннотация зачастую имеет ценностный аспект. Категория оценки – социально закрепленное явление, т. е. оценки определяются общепринятыми в человеческом коллективе эталонами в сфере социальных, интеллектуальных, моральных явлений, общественно сложившимися нормами представления о хорошем и плохом. Соответствующая оценка также детерминирована мировоззрением народа-носителя языка, историей его развития, системой существующих в данном языковом коллективе критериев оценки [Сагова 2016: 65].

Здесь стоит подчеркнуть, что метафорическая форма выражения нередко направлена говорящим на оценку действительности [Кошкарлова 2021: 238].

Коннотативный компонент выполняет важную роль в формировании прагматического значения, которое не является обязательной характеристикой языкового знака и возникает в тех случаях, когда отношение членов языкового коллектива к языковому знаку становится частью семантической структуры самого знака, т. е. культурно обусловлено [Бархударов 2017: 107; Алексеева 2007: 44]. В случае ярко выраженной асимметрии языковых знаков исходного языка (далее – ИЯ) и переводящего языка (далее – ПЯ) приоритет воспроизведения коннотативного компонента оправдывает выбор переводческого эквивалента, обеспечивающего адекватность слов / словосочетаний на уровне их коннотативного компонента при отсутствии такой адекватности на уровне сигнификативно-денотативного содержания ЛЗ [Солодуб 2005: 65].

Здесь важно отметить, что в структуре метафорической единицы коннотативный компонент находится в отношениях взаимообусловленности с таким феноменом, как образ, который лежит в основе метафорического сопоставления, и именно его когнитивная обработка дает новую информацию о конкретной ситуации и выявляет эту информацию в ситуации. Образность трактуется как полноправный компонент семантики слова, «актуализирующий образные ассоциации (представления), связанные с определенным словом» [цит. по Складневской 1993: 18]. Образность, создаваемая метафорой, обеспечивает коммуникативно-прагматический успех в силу того, что условием его достижения является обращение к эмоциональному восприятию сообщения. Метафора обладает мощным коннотативным ореолом: сема эмотивности, яркая внутренняя форма, образность – все это дает разнообразные дополнительные приращения смысла и влияет на восприятие текста адресатом [Чудинов 2001: 49].

Как указывает В. В. Красных, для языковой личности лексическое значение каждого отдельного метафорически переосмысленного слова «не является монолитным», «может быть разложено на ряд составляющих, степень выраженности которых поддается количественному измерению; этот подход

связан с методом Ч. Осгуда, который измеряет коннотативное значение слова» [Красных 2002: 38]. Семантика метафорических единиц представляет собой единство денотативного компонента, отражающего связь между знаком и понятием, и коннотативного компонента, заключающего в себе информацию об эмоциях, оценке, образности и интенсивности проявления признака. Удельный вес каждого компонента на уровне языкового знака не является константой и пропорционально варьируется [Алексеева 2007: 41].

В художественном тексте при любых индивидуально-авторских трансформациях семантики слова их основой, как правило, является его первичное значение [Солодуб 2005: 53]. Это утверждение указывает на целесообразность использования в рамках проводимого исследования метода анализа словарных дефиниций. При анализе содержательной стороны окказиональных метафор семантика полного первичного (номинативного, коннотативного) значения с учетом контекста помогает выявить признак (нередко отсутствующий в системе значений), выступающий основанием метафорического переноса. Именно этот признак формирует связь между прямым ЛЗ и образующимся на его основе метафорическим [Лагута 2003: 13]. Выявление метафоризирующего признака возможно при описании семного состава ЛЗ, которое в научной методологии получило название семный или компонентный анализ.

Семантические компоненты, выделенные в результате компонентного анализа, в лингвистической литературе обозначаются по-разному: семантические маркеры, элементарные смыслы, семантические примитивы и др. В нашем исследовании мы будем использовать термин «сема», подразумевая «микроэлемент значения, обозначающий реальный или воображаемый признак денотата» [Гак 1988].

В своей работе А. В. Кунин приводит следующую классификацию сем: узуальные и окказиональные (по отношению к системе языка), интегральные и дифференциальные (по различительной силе в контексте синонимов и антонимов), ядерные и периферийные (с точки зрения (не)обязательности признака), эксплицитные и имплицитные (по характеру выявленности в значении),

постоянные и вероятностные (по характеру конкретного содержания), четкие и нечеткие (в зависимости от степени объективизма), позитивные и негативные (в зависимости от наличия / отсутствия признака у денотата) [Кунин 1972: 150].

Особый онтологический статус при описании метафор имеют потенциальные семы (по В. Г. Гаку) (=ассоциативные признаки (Селиверстова, 1976), латентные семы (Телия, 1976), импликационал (Никитин, 1974)). В. Г. Гак утверждал, что «потенциальные свойства предметов могут отражаться в значении слова в виде потенциальных сем, которые могут актуализироваться в определенных условиях, предопределяя возможность сочетания слов либо приводя к сдвигам в значениях слов» [Гак 1988]. С точки зрения В. Г. Гака, функция потенциальных сем заключается в отражении побочных характеристик обозначаемого объекта. Потенциальные семы не осмысливаются в качестве существенных при изолированном употреблении первичной номинации, но способны актуализироваться во вторичных номинациях, эта «способность» является неотъемлемым условием возникновения метафоры как знака и метафоричности как свойства.

В процессе метафоризации выполнять эту роль могут и другие виды сем (периферийные, окказиональные и др.). Семная структура метафорического ЛСВ существенно отличается от семной структуры номинативного ЛСВ, это связано с актуализацией определенной семы / сем, зачастую влекущей к «погашению» остальных сем [Гак 1988]. Эти особенности механизма метафорообразования, а также функционирования метафор (с целью достижения определенного прагматического эффекта) делают допустимым и адекватным подбор переводческого соответствия по принципу ассоциативного сопряжения. Такой эквивалент не имеет в своем содержании формальных общих сем с соответствующим словом оригинала, но способен вызвать у читателя перевода те же эмоции и ту же реакцию [Алексеева 2007: 44]. Таким образом, если в целях достижения равноценного коммуникативного эффекта на читателей текста перевода принимающие культура / менталитет / язык требуют замены образа (или

формы, которые в силу специфики проводимого исследования считаются тождественными понятиями), то это не снижает адекватность перевода в целом.

В заключение подчеркнем, что метафора представляет собой достаточно сложный конструкт, семантическая структура которого может включать (в частном случае – не одновременно) такие элементы, как: форма, которая непосредственно связана с образом, периферийно-ядерное содержание, коннотации, эмоциональная оценка.

В процессе перевода необходимо учитывать ряд факторов, способствующих достижению коммуникативного эффекта: наличие культурно обусловленного отношения языкового коллектива к денотату языкового знака, наличие потенциальных сем у денотативного компонента, ассоциативный и эмоциональный аспекты, которые влияют на аксиологическое восприятие плана содержания. Воспроизведение всех реализованных в метафорически употребленном слове компонентов представляет собой достаточно сложную задачу, но анализ содержательной стороны метафоры, бесспорно, дает возможность подобрать переводное соответствие с высокой степенью адекватности.

В связи с широким разнообразием разновидностей метафор возникает вопрос о структурировании их состава. С целью решения этой проблемы необходимо рассмотреть существующие классификации метафорических единиц для последующего выбора и применения оптимального варианта на нашем материале.

1.1.4. Классификации метафор

При осуществлении лингвистического анализа применительно к большим совокупностям слов особое значение приобретает вопрос о систематизации, т. е. определения места, занимаемого изучаемым языковым знаком в классификации [Алексеева 2007: 26]. Интенсивный интерес к метафоре экспертов в области стилистики, прагматики, лексикологии, фразеологии и семиологии привел к желанию дать различные **классификации** метафоре, обращая внимание прежде

всего на частоту использования, понятность метафорически производного значения для большинства носителей языка, концептосферу и когнитивную область, породившие ее, а также концептосферу и когнитивную область, в которой она закрепились в своем метафорически производном значении.

В зависимости от соотнесенности с определенной группой реалий Н. А. Лукьянова выделяет метафоры предметного мира; метафоры, непосредственно связанные с человеком; метафоры, связанные с животным миром, насекомыми, растениями, болезнями, мифологией и религией [Лукьянова 1986: 100–102].

Лингвистические исследования последних лет рассматривают метафоры с точки зрения типа дискурса, в котором они используются. Выделяют производственные, химические, политические, экономические, социологические, компьютерные [Будаев 2008; 2011; Чудинов 2006; Игнатенко 2013; Ревво 2014 и др.] метафоры и т. п. Подобный подход позволяет учитывать широкий лингвистический контекст, подразумевающий культурные, исторические, национальные, личностные и иные факторы, при анализе возникновения, функционирования и восприятия метафоры [Будаев, Чудинов 2006].

Двоякость сущности, которая позволяет метафоре функционировать и как языковому средству, и как поэтической фигуре, указывает на существование своеобразной «оппозиции» языковой и поэтической метафор, которые впервые были противопоставлены Ш. Балли [Балли 1961: 333]. Обращая внимание на то, в какой степени той или иной метафоре свойственен имплицитный или скрытый смысл, лингвисты выделяют индивидуально-авторскую (креативную, речевую, окказиональную) и конвенциональную (языковую, узуальную) метафоры [Арутюнова 1990; Телия 1988; Складаревская 1993; Некрасова 2003; Бакланова 2006; Прокопьева 2007; Ермакова 2010; Яковенко 2013; Шапиева 2014; Ревво 2014 и др.]. В отечественных публикациях фигурируют различные наименования.

Индивидуально-авторскими метафорами изобилуют сленг, жаргон, разговорная речь и тексты художественной литературы. Она имеет динамический характер и характеризуется неуверенностью языковой личности в том, как ее

следует интерпретировать, в связи с этим представляет огромную проблему для перевода по причине своего отсутствия в словаре и отсутствия достаточно точной формулировки ее скрытого смысла [Быкова 2003; Виноградов 2017; Крюкова 2004; Алексеева 2012; Губернаторова 2014 и др.]. Возникновение конвенциональной метафоры зачастую обусловлено необходимостью наименования того или иного понятия, это приводит к тому, что она широко представлена в словарях.

В целом важно учитывать, что в художественном дискурсе противопоставление индивидуально-авторской и конвенциональной метафоры не всегда однозначно. Имеется огромный ассортимент концептуальных метафор, в значительной степени сохраняющих свойственный индивидуально-авторской метафоре скрытый / имплицитный смысл, высокую степень экспрессивности и эмоциональности [МакКормак 1990; Арутюнова 1990; Апресян 1995; Деменский 2000; Шабалина 2007; Лакофф 2008; Анохина 2010; Будаев 2011 и др.]. Данный факт объясняется тем, что конвенциональная метафора и индивидуально-авторская метафора сходны по принципам семантических процессов, и сферы их применения взаимопроницаемы. В художественном тексте возможно наполнение конвенциональной метафоры свежей образностью [Скляревская 1993: 32].

Многоаспектность, возникающая при метафоризации каждого отдельного слова, во многих случаях приводит к хаотичности классификаций метафор, отсутствию четкого разграничения между метафорами различного типа, прежде всего конвенциональной и индивидуально-авторской.

Согласно ТКМ в основе метафоры лежит когнитивный механизм. В результате «срабатывания» этого механизма концептуальная метафора, которая по своей сути представляет собой концептуальный перенос по типу СЧАСТЬЕ – ЭТО ВЕРХ или ДЕНЬГИ – ЭТО ВОДА в сознании, может лингвистически проявиться в трех ипостасях. Дж. Лакофф и М. Джонсон подразделяют концептуальную метафору на 1) структурную – метафорически структурирует одно понятие в терминах другого, 2) ориентационную – организует целую систему понятий сквозь призму пространственной ориентации, с противопоставлениями типа «верх – низ», «внутри – снаружи», «глубокий –

мелкий», «центральный – периферийный», 3) онтологическую – трактующую недискретные и абстрактные сущности (события, действия, эмоции) как предметы и вещества [Лакофф, Джонсон 2008].

Анализируя концептуальные структурные метафоры, характерные для русского политического дискурса, А. П. Чудинов использует семантическую классификацию метафор, которая получила широкое распространение в отечественном языкознании [Скляревская 1993; Москвин 2006]. Данная классификация основана на принадлежности лексики сферы-источника метафорического моделирования той или иной понятийной области. В когнитивной лингвистике под структурными метафорами понимаются ментальные операции, которые используют потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы, при этом с целью отображения несмежных предметов / явлений, обычно новых и плохо знакомых, проецирование свойств и признаков осуществляется из иного, знакомого, понятийного поля [Чудинов 2001: 37]. В когнитивной лингвистике структурная метафора противопоставляется ориентационным и онтологическим (Дж. Лакофф и М. Джонсон) и обладает высоким индексом персуазивности [Калинин 2020], именно поэтому для нашего исследования были отобраны структурные метафоры. В связи с тем, что данное исследование выполнено в русле переводоведения, что обуславливает необходимость анализа языковых единиц, под структурной метафорой мы будем понимать лексическую единицу, получившую новую референциальную соотнесенность в результате сдвига денотативной соотнесенности, целью которого является актуализация (с опорой на экстралингвистический контекст) определенных скрытых смыслов в совершенно иной понятийной области.

Классификация А. П. Чудинова предполагает выделение четырех основных разрядов метафор: антропоморфной, социоморфной, природоморфной и артефактной. Характер сигнификативных дескрипторов позволяет выделить в рамках каждого разряда следующие разновидности метафор:

- антропоморфная метафора: физиологическая, морбиальная, сексуальная метафоры и метафора родства;
- социоморфная метафора: криминальная, милитарная, театральная, спортивная и игровая метафоры;
- природоморфная метафора: зооморфная и фитоморфная метафоры;
- артефактная метафора: метафора дома и механизма [Чудинов 2001].

Анализ понятийных областей сопровождается фрагментированием на фреймы и слоты. Фрейм представляет собой многокомпонентный концепт, включающий совокупность данных для представления стереотипной ситуации. Как лингвистический термин фрейм впервые употребляется Ч. Филлмором в середине 1970-х гг. в его работе «Фреймы и семантика понимания». Фрейм является родовым понятием по отношению к слотам, таким образом, структура фрейма подразделяется на слоты, которые заполняются данными о параметрах ситуации [Плотникова 2005: 22].

При этом стоит отметить, что спектр источников метафорической экспансии в рамках семантической классификации не является исчерпывающим и может быть подвергнут разворачиванию при условии достаточной структурированности исходного семантического поля и соответствующей степени частотности и продуктивности рассматриваемой метафорической модели.

Итак, анализ различных подходов к классификации метафор, проведенный в данном параграфе, позволил выявить основные принципы классификации метафор: степень выраженности эмоциональной оценки или коннотаций, морфологические характеристики, тип дискурса, в котором они используются, степень выраженности имплицитного смысла.

В нашем исследовании при сопоставлении переводов метафор мы будем опираться на классификацию метафор А. П. Чудинова, поскольку ее основополагающий принцип, который представляет собой определение концептуальной сферы-источника, является логичным подготовительным этапом анализа метафорических значений отобранных лексико-семантических вариантов. Для анализа были отобраны русские структурные метафоры из произведения

А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», которые подразделяются на восемь подтипов: зооморфные, фитоморфные, метафоры неживой природы, физиологические, морбиальные, милитарные, театральные и артефактные.

1.2. Метафора как единица теории перевода

1.2.1. Трудности передачи метафор на иностранный язык

В ходе переводческой деятельности происходит своеобразный лингвистический эксперимент по коммуникативному приравниванию высказываний и текстов на двух языках. При этом обнаруживаются сходства и различия в употреблении единиц и структур каждого из этих языков для выражения одинаковых функций и описания одинаковых ситуаций [Комиссаров 2017: 15].

Основные трудности, с которыми сталкивается переводчик, связаны с особенностями языков и способами их использования для наименования объектов и описания ситуаций. Здесь можно выделить три типа трудностей. Во-первых, семантика языковых единиц специфична: случаи полного совпадения лексических единиц разных языков во всем объеме их референциального значения относительно редки [Бархударов 2017: 75, 76; Комиссаров 2017: 15]. Во-вторых, каждый язык по-своему членит действительность, создавая своеобразную «языковую картину мира». Так, в русском языке нет прямых соответствий таким фрагментам действительности британской / американской языковой картины мира, как *fortnight* (*British English* 2 недели), *afterthought* (мысль, пришедшая в голову слишком поздно; позднее раздумье). И, наконец, сама реальность, описываемая в переводимых текстах, может иметь отличия лингвокультурного характера.

Ученые неоднократно отмечали особую сложность перевода метафоры (А. Н. Баранов, Н. Л. Галеева, В. Г. Гак, В. Н. Вовк, И. А. Стернин и др.). В силу того, что метафора является и художественным тропом, что говорит о необходимости сохранения формы при переводе, и носителем скрытых смыслов,

что обуславливает необходимость сохранения содержания, перевод метафор требует особого внимания.

В переводе метафоры концентрируются и особенно отчетливо проявляются все те проблемы и задачи, которые свойственны переводу вообще. В каждом языке содержание организовано по-разному, поэтому при переводе приходится перераспределять содержание, иногда существенно изменяя само содержание и форму его выражения. При этом коммуникативное задание определяет содержание, актуализируя одни компоненты и игнорируя другие [Алексеева 2007: 41]. На переводчика здесь возлагается самая сложная и ответственная задача – сделать все так, чтобы читатель мог максимально приблизить себя к носителю языка оригинала и почерпнуть всю глубину смысла и ассоциаций, заложенных в данной фигуре. Адекватность при передаче метафор достигается только тогда, когда читатель перевода не только осознает смысл, но, что, может быть, и важнее, ощутит весь эмоциональный эффект, адресованный читателю оригинала.

Метафора, являясь средством передачи сложной информации, естественно требует в переводе полного сохранения всей своей информативности, иначе возникает угроза утраты ее семантической сложности, а значит, и самой метафоры. Здесь дает о себе знать онтологическая сущность метафоры – *metaphora* «транспорт», которая требует обязательно транспортировать из одного языка в другой всю многослойность значений и эмоций. <...> В самой метафоре изначально уже заложена двусмысленность. Переводчику необходимо довести до читателя не только основной, но и подразумеваемый, вторичный смысл, заложенный где-то на периферии лексического понятия, но который имеет равноценное основное значение, а часто, может быть, даже главенствующее [Вовк 1986: 130].

А. И. Стернин указывает на вероятность наличия в семантике слова национально-культурного компонента, который представляет определенную совокупность денотативных, коннотативных и эмпирических признаков, отличающих конкретное значение от возможных переводных эквивалентов [цит. по: Алексеева 2007: 30–31]. Таким образом, метафора обладает потенциалом

генерирования определенной ассоциативной цепи в сознании, исходящей из основного лексического образа. Переводчику необходимо подобрать такие лексические средства, которые от основного образа дадут в языке перевода именно такую же цепь ассоциаций, какую предполагал автор оригинала. Это может составлять определенную трудность при переводе не столько из-за различия культурно-исторических традиций, сколько из-за возможного несовпадения лексико-семантического объема значения слов [Вовк 1986: 131]. Необходимо стремиться к тому, чтобы элементы метафоры, воссоздаваемой в переводе, были связаны между собой не только в переносном смысле, но и в прямом. Соблюдение данного переводческого принципа способствует сохранению эстетического и прагматического эффекта. Метафорический образ должен быть транспортирован в переводящий язык с сохранением параллельных ассоциативных планов по мере возможности, что не исключает применения трансформаций. Опушения метафор оригинала, как отмечает В. Н. Вовк, являются «серьезными и весьма распространенными средствами искажения» авторского замысла [Вовк 1986: 130].

Сложность перевода метафоры в значительной степени связана с различиями между метафорическими системами, существующими в соответствующих языках. Так, метафорические образы, характерные для английского языка, нередко отсутствуют в русском, и наоборот. В силу этого простой перенос метафор из русского текста в английский или наоборот далеко не всегда возможен, что обуславливает необходимость изменения метафорического образа. Такая замена помогает сохранить уровень экспрессии оригинала и сделать перевод максимально адекватным. С целью максимального сохранения семантики метафор переводчики используют различные приемы перевода, которые представлены в следующем параграфе.

1.2.2. Приемы перевода метафор: обзор классификаций

Воссоздание метафорического значения в его полном объеме относится к разряду трудностей перевода в силу межъязыковой лексико-семантической асимметрии и высокого ассоциативного потенциала метафор. При передаче метафор переводчикам необходимо выявить метафору, понять ее особенности в исходном тексте и передать содержание, точнее коммуникативно-релевантные семы, выбирая переводческие операции с учетом вида метафоры (конвенциональная или креативная), семантического типа (аллегория, перифраз, синестезия, персонификация), структуры (одночленная или многочленная), минимального контекста (в рамках одного предложения в тексте) и широкого контекста (национальной лингвокультуры в целом).

Следует отметить, что проблема систематизации приемов передачи метафор находится в фокусе переводческих исследований с 50-х гг. XX века. Под приемом перевода мы понимаем конкретные операции, вызванные возникшими трудностями в процессе перевода [Нелюбин 2018: 165]. Были предложены различные классификации как отечественными (Я. И. Рецкер, В. Н. Комиссаров, Н. К. Гарбовский, Ю. П. Солодуб), так и зарубежными переводоведами (П. Ньюмарк, Н. Мандельблит, А. Дейгнан, Д. Габрис, А. Сольска). Сравнительное изучение классификаций показало, что фокус направлен на анализ соотношения таких параметров, как смысловое содержание и внутренняя форма (образность). Все переводческие операции можно разбить на два класса: подстановки и трансформации. Подстановки предполагают перевод отрезка текста «слово в слово», трансформации предполагают преобразование фрагмента в силу семантических и структурных различий взаимодействующих языков [Алексеева 2007: 52].

Ранние классификации приемов перевода метафор Я. И. Рецкера (1982) и В. Н. Комиссарова (1990) представляют собой первый опыт систематизации переводческих операций, применяемых при передаче конвенциональных метафор. В связи с этим целесообразно обратиться к традиционному разграничению

метафор на конвенциональные (языковые, традиционные) и креативные (речевые, художественные) [Баранов 1994; Кобозева 2002], где критерием соотнесенности является тип содержания (коллективно закрепленный или авторский), закрепленный за метафорой в результате семантического сдвига. Стоит отметить, что граница между конвенциональной и креативной метафорами является подвижной [Кобозева 2002; Борковец 2002], поэтому в рамках данного исследования подобное разграничение не носит принципиального характера.

Первая попытка разработки и систематизации приемов перевода метафорических единиц была предпринята Я. И. Рецкером, который предложил следующую классификацию:

1) использование эквивалентных соответствий – в результате данной переводческой операции иноязычный образ полностью сохраняется; переводящий язык дает такие возможности, если существуют регулярные соответствия, зафиксированные в лексикографических источниках (*a ray of hope* – *луч надежды*, *gebrochenes Deutsch* – *ломаная немецкая речь*);

2) использование вариантных соответствий – данная переводческая операция позволяет сохранить в переводе образную основу, но при этом фиксируются изменения лексического либо грамматического характера (*jacket potatoes* – *картошка в мундире*, *alter Hase* – *стреляный воробей*);

3) трансформация – переводческое преобразование единиц оригинала, которое заключается в изменении денотата, исходного признака или действия, в результате чего происходит полная замена образной основы, но актуализируются коммуникативно-релевантные семы в принимающей лингвокультуре (*puppet* – *пешка*, *kalte Schraube* – *худое сверло*);

4) калька представляет собой копирование структуры оригинальной метафоры средствами переводящего языка [Рецкер 1982: 110] (*as black as sin* – *черен как грех*, *Ich bin nur ein Schräubchen*. – *Я всего только винтик*).

Анализ показал, что основным принципом классификации является сохранение образа при передаче метафоры на иностранный язык. Я. И. Рецкер выделил четыре приема перевода метафорических единиц, из которых один

приводит к полной замене образа – трансформация – и три способа с сохранением образной основы: эквивалентные соответствия, вариантные соответствия и калька. В случае отсутствия эквивалентных и вариантных соответствий в словарях переводчик прибегает к приемам трансформации и кальки. Данная классификация исключает случай возможности передачи метафоры без сохранения образности.

В работе В. Н. Комиссарова и А. Л. Кораловой рассматриваются четыре приема перевода конвенциональных метафор:

1) перевод, основывающийся на том же самом образе (*a ray of hope* – **луч** надежды, *gebrochenes Deutsch* – **ломаная немецкая речь**);

2) перевод, основывающийся на ином схожем образе (*jacket potatoes* – **картошка в мундире**, *alter Hase* – **стреляный воробей**);

3) дословный перевод метафоры (*as black as sin* – **черен как грех**, *Ich bin nur ein Schräubchen*. – **Я всего только винтик**);

4) неметафорическое объяснение [Комиссаров, Коралова 1990: 115–116] (*ill manners* – **плохие манеры**, *etw. aus dem Gedächtnis verlieren* – **забыть что-л.**).

Данная классификация также основывается на степени близости (при наличии) оригинального образа к образу принимающей культуры. Эта классификация не учитывает случая, когда схожее коммуникативное намерение может быть реализовано метафорическим выражением иной внутренней формы (т. е. трансформация по классификации Я. И. Рецкера).

Классификация зарубежного переводоведа П. Ньюмарка является более подробной и содержит перечень приемов, используемых при передаче метафор с разной степенью конвенциональности с указанием типичности применения рассматриваемого приема в отношении конкретного типа метафоры. Данная классификация включает семь приемов перевода:

1) воспроизведение идентичного метафорического образа (*a ray of hope* – **луч** надежды, *gebrochenes Deutsch* – **ломаная немецкая речь**);

2) замена исходного образа на прототипичный образ в принимающей культуре в связи с различиями на уровне ассоциаций (*jacket potatoes* – картошка в мундире, *alter Hase* – стреляный воробей);

3) перевод метафоры сравнением (*in a mouse manner* – словно мышка, *Die Ladenberger Windjackenkerbe haben ihn in der Mache.* – Парни из Ладенберга обтачивают его как болванку.);

4) перевод метафоры сравнением с экспликацией смысла (*Ihn zog der Reindl.* – Его, как магнитом, влекло к Рейндлю.);

5) калькирование метафоры с экспликацией смысла (*His wings were a hurricane.* – Крылья несли его с быстрой урагана. *Ihm ist, als ob er in glühenden Pantoffeln liefe.* – Ему кажется, что на ногах у него сапоги из раскаленного железа.);

6) преобразование метафоры в смысл (*ill manners* – плохие манеры, *Wir werden unsere neuen staatlichen Stellen einsschalten.* – Будем действовать через государственные учреждения.);

7) полная элиминация метафоры [Newmark 2008] (*He had lamp-like eyes.* – Он прекрасно видел. *Frag mich, lauf nicht in offene Messer, das könnte deiner Haut schaden.* – Спроси меня и не лезь на рожон. Это может стоить тебе жизни [Борковец 2002: 165].).

Отличие данной классификации от предыдущих заключается в том, что она дополнена приемом экспликации, который направлен на раскрытие подразумеваемых смыслов. Кроме того, П. Ньюмарк акцентирует внимание на возможности использования сравнения как тропа с аналогичным механизмом образования.

Н. Мандельблит оперирует другой терминологией при работе с метафорическими единицами, используя для наименования переводческих операций термин «сценарии перевода». В рамках своей «гипотезы когнитивного перевода» Н. Мандельблит выделяет два сценария метафорического проецирования: аналогичное (с сохранением исходного образа) и иное (с изменением образа). Два диаметрально противоположных сценария являются

следствием сходства либо различий принципов концептуализации окружающей действительности в сознании носителей исходного и переводящего языков. Его подход получил дальнейшее развитие в трудах некоторых зарубежных лингвистов. А. Дейгнан, Д. Габрис и А. Сольска взяли данную гипотезу за основу и предложили четыре возможных сценария, т. е. четыре переводческие операции при передаче метафор: 1) использование аналогичной концептуальной метафоры, имеющей эквивалентное лингвистическое выражение (=эквивалентное соответствие по Рецкеру); 2) использование аналогичной концептуальной метафоры, имеющей иное лингвистическое выражение (=вариантное соответствие по Рецкеру); 3) замена другой концептуальной метафорой (=трансформация по Рецкеру); 4) использование слов и выражений с аналогичными прямыми, но разными метафорическими значениями [Deignan, Gabrys, Solska 1997].

Обзор классификаций приемов перевода метафор выявил различия в перечне переводческих операций. Для наименования схожих по содержанию приемов используются различные термины. При этом переводческие операции не подвергаются группировке в более крупные классы.

1.2.3. Типология приемов передачи метафор на иностранный язык

Для описания специфики техники передачи метафор в научном исследовании необходимы пересмотр существующих классификаций, а также унификация терминологии, выявление принципов систематизации, уточнение объема и содержания переводческих операций.

В нашей работе мы обратимся к исследованиям отечественного переводоведа Л. К. Латышева и его коллег. В своих трудах Л. К. Латышев не предлагает систематизированную классификацию приемов передачи метафор, однако представленная подробная характеристика системы подстановок и трансформаций позволяет выделить конкретные приемы, используемые для перевода метафорических единиц [Латышев, Семенов 2003: 122–150]. В перечень данных приемов входят следующие способы: *подбор лексически неадекватного*

переводческого соответствия, функционально-адекватная замена, деме́тафоризация, калькирование. Рассмотрим суть данных переводческих операций.

Подбор лексически неадекватного переводческого соответствия – переводческая операция, в которой в качестве взаимозвзаимноэквивалентных элементов исходного текста и переводного текста выступают слова, не являющиеся системными (парадигматическими) эквивалентами. В данном случае происходит замена образа, которая обусловлена наличием зафиксированной в словаре сигнификативно-коннотативной симметричности и тождественности языковых знаков, которые на первый взгляд не кажутся взаимозвзаимноэквивалентными в силу различной денотативной соотнесенности. Рассматриваемая операция является разновидностью позиционно обусловленной подстановки. В связи с тем, что термин *неадекватный* в контексте нашего исследования носит исключительно оценочный характер, считаем целесообразным заменить название данного приема на название аналогичного по сути приема *перевод вариантным соответствием* (по терминологии Я. И. Рецкера).

Функционально-адекватные замены – преобразование фрагмента высказывания, при котором часть исходного содержания заменяется иным содержанием, способным выполнять в данном контексте те же речевые функции. В этом случае замена образа инициирована переводчиком с целью передачи сигнификативно-коннотативного потенциала слова оригинала и формирования запланированной реакции реципиента. Зачастую данная трансформация обусловлена расхождением преинформационных запасов носителей ИЯ и носителей ПЯ [Латышев, Семенов 2003: 145]. В процессе перевода преобразование содержания может происходить с опорой на прием ситуативно-семантической трансформации. Данный вид преобразования видоизменяет и перераспределяет состав и структуру ситуации действительности. Смена выбора составляющих ситуации, используемых для ее описания, может иметь разные комбинации заменяемых и замещающих признаков ситуации, например:

состояние – действие, субъект – объект, условие ситуации – конечный результат и т. д.

Деметафоризация является разновидностью приема выпрямления содержания (преобразование, при котором косвенное высказывание преобразуется в прямое), прием направлен на поиск формы, более четко очерчивающей обстоятельства, и представляет собой замену метафорического способа выражения мысли прямым.

Калькирование представляет собой переводческую операцию, при которой метафорически употребленная лексическая единица переводится буквальным соответствием ПЯ.

Сопоставительный анализ механизма рассмотренных переводческих приемов показал, что классификации Я. И. Рецкера, В. Н. Комиссарова, Л. К. Латышева и П. Ньюмарка содержат схожие переводческие операции, отличающиеся распределением по классам и терминологией. Взаимная соотнесенность приемов данных классификаций представлена в таблице 1 (приложение) и носит условный характер.

Таким образом, мы видим, что в концепциях разных переводоведов наименования и суть некоторых приемов полностью совпадают, другие приемы получают различное наименование при сохранении сути операции, третьи уникальны для концепции того или иного исследователя.

Анализ практического материала выявил, что при переводе метафорических единиц прием калькирования требует уточнения, а именно возможно провести более подробную дифференциацию переводческих операций этого типа, выделив принципы и стержень классификации. При уточнении названия приемов, традиционно связанных с приемами калькирования и дословного перевода и, соответственно, позволяющих сохранить образ, мы руководствовались следующей логикой. Не за всеми метафорически употребленными словами закреплены в толковом словаре переносные, соответственно, узуальные значения. При этом при наличии таковых не у всех слов ИЯ с прямым и переносным узуальным значениями имеется аналогичный (полный) эквивалент в ПЯ. В условиях

осуществления переводческой деятельности переход от ИЯ к ПЯ можно условно свести к четырем вариантам:

- 1) слово в прямом значении (ИЯ) → слово в прямом значении (ПЯ);
- 2) слово в прямом значении (ИЯ) (→ слово в прямом значении (ПЯ)) → слово в переносном узуальном значении (ПЯ);
- 3) слово в переносном узуальном значении (ИЯ) → слово в прямом значении (ПЯ);
- 4) слово в переносном узуальном значении (ИЯ) → слово в переносном узуальном значении (ПЯ).

Таким образом, при переводе возможны 4 траектории перехода единиц ИЯ к единицам ПЯ, которые лягут в основу уточнения названий рассматриваемого подтипа приемов.

В случае отсутствия у лексических единиц ИЯ и ПЯ переносного узуального значения реализуется переход по траектории: слово в прямом значении (ИЯ) → слово в прямом значении (ПЯ) (вариант 1). Подобную переводческую операцию мы обозначим как *калькирование прямого значения*. В случае отсутствия у лексемы ИЯ переносного узуального значения теоретически возможен переход по траектории: слово в прямом значении (ИЯ) → слово в переносном узуальном значении (ПЯ) (вариант 2). В подобном переходе прямое значение лексической единицы ПЯ выступает промежуточным звеном, а актуализация переносного узуального значения лексемы ПЯ происходит только за счет апелляции к денотату слова (ПЯ) в прямом значении. По сути, данный переход можно схематически представить следующим образом: слово в прямом значении (ИЯ) → слово в прямом значении (ПЯ) → слово в переносном узуальном значении (ПЯ). Актуализация переносного значения в переводящем языке при этом носит случайный характер, поэтому данная переводческая операция также будет рассматриваться как *калькирование прямого значения*.

Если у лексической единицы ПЯ отсутствует переносное узуальное значение, но, в свою очередь, оно имеется и актуализируется в оригинале у слова в ИЯ, реализуется переход по траектории слово в переносном узуальном значении

(ИЯ) → слово в прямом значении (ПЯ) (вариант 3). В результате дословного перевода в ПЯ появляется окказиональная метафора. Данный прием будет обозначен как *калькирование переносного значения*.

В случае наличия у лексических единиц ИЯ и ПЯ схожих переносных узуальных значений реализуется переход по траектории слово в переносном узуальном значении (ИЯ) → слово в переносном узуальном значении (ПЯ) (вариант 4). В данном случае имеет место переводческая операция, которую можно охарактеризовать как подстановка, а именно: *подстановка переносного значения*.

Таким образом, мы уточнили названия приемов, в основе которых лежит принцип калькирования: *калькирование прямого значения, калькирование переносного значения*, направленные на создание нового тропа в ПЯ, и *подстановка переносного значения*. В рамках разрабатываемой нами расширенной типологии приемов перевода метафор данная группа приемов будет объединена в тип приемов, обеспечивающих сохранение оригинальной образной основы.

При систематизации приемов в первую очередь мы будем руководствоваться принципом сохранения оригинальной образной основы (сохранена, трансформирована, нейтрализована). При выделении подтипов целесообразно ориентироваться на принцип, предложенный Х. Шмидт: языковые отношения (формальные и семантические), типизирующие возможные языковые отношения между элементами текста оригинала и перевода и коммуникативно эквивалентные в рамках данного текста и контекста [цит. по: Алексеева 2007: 69]. В зависимости от способа передачи формы и содержания и сохранения или стирания экстралингвистических компонентов можно выделить 2 крупных подтипа:

1) приемы создания нового тропа, основой которого является создание метафоры по модели языка источника с помощью языковых средств языка перевода, что помогает сохранить форму, при этом раскрытию содержательной стороны способствует контекст;

2) уподобляющие приемы, включающие замены различного рода, в том числе и родовидовые, которые зачастую приводят к замене образа при сохранении образной основы; в данный подтип мы включаем перевод вариантным соответствием и функционально-адекватные замены.

Проведенный нами анализ выявленных структурных метафор на материале немецкого и английского переводов произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и сопоставительный анализ классификаций приемов перевода метафор (таблица 1) свидетельствуют о целесообразности включения в расширенную классификацию двух приемов из классификации П. Ньюмарка: **замена метафоры сравнением**, который мы включаем в тип приемов, позволяющих сохранить оригинальную образную основу, и отказ от метафоры и ее смысловой экспликации (в переводоведении этот прием известен как **опущение метафоры**), который мы отнесем в тип нейтрализующих приемов. Анализ практического материала также показал необходимость введения нового приема: **замена метафоры фразеологизмом**, которая подразумевает трансформацию образа в связи с необходимостью соблюдения речевых или узуальных норм.

Таким образом, систематизируя отобранные приемы по типам и подтипам, мы получаем типологию со следующей структурой.

Типология приемов перевода структурных метафор

1. Сохранение образа.
  - 1.1. *Подстановка переносного значения.*
  - 1.2. Создание нового тропа:
    - 1.2.1. *Калькирование переносного значения.*
    - 1.2.2. *Калькирование прямого значения.*
  - 1.3. *Замена метафоры сравнением.*
2. Замена образа.
  - 2.1. Уподобляющие приемы:
    - 2.1.1. *Перевод вариантным соответствием (подстановка).*
    - 2.1.2. *Функционально-адекватная замена.*
  - 2.2. *Замена метафоры фразеологизмом.*

3. Нейтрализация образа.

3.1. Деметафоризация.

3.2. Оупущение.

Спектр данных приемов помогает переводчикам преодолеть трудности, определяя пути поиска переводческих решений, способствующих адекватной передаче метафорических единиц.

Итак, анализ существующих классификаций приемов перевода метафор позволил нам разработать расширенную типологию, включающую девять переводческих операций для передачи концептуальных структурных метафор. В зависимости от степени межъязыковой лексико-семантической асимметрии и близости ассоциативного потенциала лексических единиц рассмотренные переводческие операции помогают передать скрытый смысл метафор текста оригинала. Эти переводческие операции являются базовыми при поиске оптимальных переводческих решений для передачи метафорических единиц и могут служить методологической основой при работе с данными выразительными средствами на материале других языков и других типов текстов.

1.2.4. Методика сопоставительно-переводческого анализа

Методика сопоставительно-переводческого анализа предназначена для сопоставления (формы и плана содержания) переводных эквивалентов оригинальных метафор с целью выявления техники перевода и обеспечиваемого ею качества перевода. Под техникой перевода мы понимаем «совокупность профессиональных приемов, которые используются в процессе переводческой деятельности в двуязычной ситуации» [Нелюбин 2018: 225]. В контексте данного исследования результатом применения методики становится определение наиболее точного эквивалента в паре языков (русский-английский и русский-немецкий). При разработке этой методики мы опираемся на опыт анализа вариантов перевода, изложенный в работах М. Л. Алексеевой в аспекте перевода реалий и безэквивалентной лексики [Алексеева 2007; 2015], Г. Шенкал в аспекте

перевода образных средств [Шенкал 2017] и В. Т. Веред в аспекте перевода метафор [Веред 2021]. Составляющими компонентами применяемой методики являются контекстуальный и компонентный анализ, а также элементы сопоставительного метода. При декодировании метафорического смысла с целью оценки качества передачи метафор мы использовали контекстуальный и компонентный анализ. Данные виды анализа помогают установить коммуникативную значимость оригинальных метафор и их эквивалентов в переводных произведениях с целью сопоставления формы и плана содержания и выявления степени соответствия. В процессе выполнения исследовательской части работы были проанализированы 524 метафорические единицы из первого тома оригинала произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», 524 соответствующих им переводных эквивалента на английский язык (Томас Уитни) и 524 переводных соответствия на немецкий язык (Анна Петурниг).

Анализ включает следующие этапы:

- 1) отбор русских метафор в тексте оригинала методом сплошной выборки и поиск соответствующих им переводных эквивалентов в переводных текстах;
- 2) систематизация метафорических единиц по типам согласно классификации А. П. Чудинова (подробнее см. 1.1.4);
- 3) анализ словарных дефиниций с помощью толковых словарей русского, английского и немецкого языков;
- 4) анализ семного состава и актуализированных в нем признаков метафорически употребленной единицы и ее переводного эквивалента с опорой на метод компонентного и контекстуального метода (подробнее см. 1.1.3);
- 5) определение приема передачи метафоры (подробнее см. 1.2.3);
- б) выявление степени адекватности передачи метафоры на английский и немецкий языки на основе оценки сохранения в переводе ее формы, смыслового содержания, коннотаций и реализации коммуникативного эффекта.

С целью анализа семного состава лексической единицы, послужившей основой для формирования вторичного значения, и установления природы метафорического переноса мы опирались на словарные дефиниции, приведенные

в следующих лексикографических источниках: Большой академический словарь русского языка (БАС), Малый академический словарь русского языка (МАС), Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache (Langenscheidts), Wahrig Deutsches Wörterbuch (Wahrig), Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language (Webster). В качестве источников информации экстралингвистического характера мы использовали диссертационные исследования Н. И. Борковец (2002), И. Устуньера (2004), Л. Ф. Пуцилевой (2009), Я. А. Евстафовой (2011), М. Б. Саговой (2016).

Заключительный этап сопоставительно-переводческого анализа требует особого внимания, поэтому будет освещен в следующем параграфе.

1.3. Проблема оценки качества перевода метафор в художественном тексте

По своей природе оценочная деятельность предполагает определение системы координат, в рамках которой она будет осуществляться. В рамках теории перевода тема оценки качества перевода неоднократно возникала при обсуждении иных переводоведческих проблем [Рецкер 1982; Комиссаров 2017; Швейцер 1988; Горбачевский 2001; Гарбовский 2007; Солодуб, Альбрехт, Кузнецов 2005]. При этом ей были посвящены отдельные исследования переводоведов [Сдобников 2008; Княжева 2013; Гильмуллина 2016]. При рассмотрении данного вопроса актуальной для нас задачей является определение понятий «эквивалентность» и «адекватность», рассматриваемых в качестве критериев оценки качества перевода [Швейцер 1988; Алексеева 2007; Гарбовский 2007; Виноградов 2017; Сдобников 2008; Гильмуллина 2016].

Ведущие отечественные и зарубежные переводоведы указывают на неопределенность содержания, многозначность и многоаспектность рассматриваемых нормативно-оценочных категорий [Алексеева 2015; Сдобников 2016; Княжева 2018]. Представители различных переводоведческих школ (А. Д. Швейцер, В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев, Н. К. Гарбовский, В. С. Виноградов, А. В. Федоров, Ю. Найда, А. Нойберт, Дж. Кэтфорд,

М. Я. Цвиллинг, К. Райс, Х. Фермеер и др.) предлагают разные концепции адекватности и эквивалентности, акцентируя внимание на тех или иных аспектах переводческой деятельности, что свидетельствует об отсутствии единого подхода к их пониманию. Более того, некоторые теоретики придерживаются точки зрения, согласно которой данные категории тождественны [Горбачевский 2001: 39].

Согласно В. Н. Комиссарову под эквивалентностью понимается максимально возможная смысловая близость текста перевода к тексту оригинала [Комиссаров 2017: 403]. Н. К. Гарбовский понимает под эквивалентностью «взаимозаменяемость сравниваемых объектов», делая акцент на том, что отношения соответствия между исходным текстом и текстом перевода по заданным параметрам носят относительный характер [Гарбовский 2007: 265]. В. С. Виноградов предлагает более детальную формулировку, определяющую эквивалентность как «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [Виноградов 2017: 19].

Однако эквивалентный перевод, обеспечивающий смысловую, семантическую и стилистическую тождественность, не всегда гарантирует соответствие коммуникативного эффекта коммуникативной интенции автора исходного текста в связи со спецификой соотношения двух языков в плане нормы и в плане речевого узуса [Сдобников 2016: 43; Петрова 2009: 120]. Особое значение приобретает прагматический уровень, составляющими которого являются коммуникативная интенция, коммуникативный эффект и установка на адресата. По мнению В. Г. Гака, прагматический уровень должен быть включен в область термина «адекватность».

Рассмотрим взгляды переводоведов на содержание понятия «адекватность». В. Н. Комиссаров трактует адекватность перевода как реализацию прагматических установок «на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и

соответствуя общественно-признанной конвенциональной норме перевода» [Комиссаров 1990].

С точки зрения Л. К. Латышева, в основе категории адекватности лежит равноценность регулятивного воздействия оригинала и перевода, т. е. способность исходного и переводного текстов вызывать сходные реакции у своих адресатов [Латышев 2003].

Под адекватностью А. В. Федоров подразумевает «функциональное соответствие текста перевода тексту оригинала», что обеспечивает его полноценность. «Полноценность перевода состоит в передаче специфического для подлинника соотношения содержания и формы путем воспроизведения особенностей последней (если это возможно по языковым условиям) или создания функциональных соответствий этим особенностям» [Федоров 2002: 125–126].

В русле коммуникативно-функционального подхода В. В. Сдобников и О. В. Петрова предлагают оценивать качество перевода сквозь призму функционально-коммуникативной адекватности, содержательная сторона которой предполагает «воспроизведение в максимально возможной степени доминантной функции текста, формируемой на основе коммуникативной интенции отправителя сообщения и направленной на обеспечение определенного коммуникативного эффекта» [Сдобников, Петрова 2007: 203].

Е. А. Княжева отмечает, что оценка степени адекватности может осуществляться участниками коммуникативного акта, и производится данное «измерение», как правило, интуитивно, в контексте (не)соответствия перевода ожиданиям участников коммуникативного акта. «Измерение» степени эквивалентности находится только в компетенции субъектов промежуточной оценки в силу возможности сравнить оригинал и переводной текст [Княжева 2018: 63].

Проанализировав взгляды переводоведов на содержание ключевых понятий, которыми оперируют при оценке продукта переводческой деятельности, мы пришли к выводу, что эквивалентность можно рассматривать как средство достижения желаемого воздействия на рецептора перевода. При этом при оценке

качества перевода метафор считаем целесообразным опираться на оценочную категорию «адекватность», под которой будем понимать функциональную тождественность текстов, обеспечиваемую за счет учета факторов, детерминируемых коммуникативной ситуацией.

Для нашего исследования принципиально важно утверждение, что категория эквивалентности может быть применена для определения (а)симметричности отношений как между текстами, так и между знаками. Если рассуждать об эквивалентности можно на уровне слов, а также более крупных сегментов текста, то для оценки адекватности перевода метафор следует учитывать минимальный (предложение) и максимальный (текст в целом) контекст [Алексеева 2007: 45]. При этом сопоставительный анализ английского и немецкого вариантов переводов метафор подразумевает обязательный анализ степени соответствия конкретного фрагмента перевода соответствующему фрагменту оригинала. С этой целью необходимо сопоставить форму, смысловое содержание, коннотации и производимый коммуникативный эффект переводного эквивалента с соответствующими составляющими оригинальной метафоры. При этом обнаруживаются определенные модификации и преобразования, происходящие при замене единицы оригинала эквивалентной ей единицей текста перевода. Подобный анализ дает возможность выяснить, как преодолеваются типовые трудности перевода, связанные со спецификой каждого из языков, а также какие элементы языкового знака оригинала остаются переданными в переводе, т. е. определить переводческие потери.

Оценка качества различных вариантов перевода метафор предполагает анализ формы (=образ), смыслового содержания, коннотаций и коммуникативного эффекта, производимого переводными эквивалентами. Для «измерения» коммуникативного эффекта важное значение имеет как минимальный, так и широкий контекст, который помогает установить коммуникативно-релевантные семы метафорической единицы. Под коммуникативно-релевантными семами мы подразумеваем семы, которые входят в коммуникативное намерение автора высказывания. В силу того, что наряду с

семантическими компонентами структура метафорической единицы включает образ и коннотации, высокая степень адекватности перевода метафоры подразумевает передачу максимального перечня коммуникативно-релевантных сем, сохранение образа и всего спектра коннотаций (при наличии). Чем больше компонентов метафорического значения сохранено в переводе, тем выше адекватность перевода метафоры. Отсутствие каждого дополнительного компонента снижает степень адекватности. Сохранение образа является важным условием обеспечения достаточной степени адекватности, однако если образ не несет значительной коммуникативной нагрузки в минимальном контексте, прием деметафоризации способен обеспечить достаточную степень адекватности при условии сохранения остальных компонентов метафорического значения. Данные принципы легли в основу этапа определения степени адекватности перевода метафорической единицы (подробнее см. 1.2.4).

Для более глубокого и полного анализа техники и оценки качества перевода метафорических единиц в произведении «Архипелаг ГУЛАГ» обратимся к опыту, представленному в таком направлении переводоведения, как критика перевода, которое занимается оценкой качества переведенного текста, а также учтем имеющийся опыт критики существующих переводов произведения А. И. Солженицына на немецкий и английский языки.

1.3.1. Критика перевода художественного текста как научное направление

На протяжении веков результаты переводческого труда подвергаются критике. Причиной подобного стремления является онтологическая сущность перевода. Продукт переводческой деятельности является по своей природе вторичным. Следовательно, появляется возможность сопоставления «вторичного» (перевод) и «первичного» (оригинал) продуктов, в результате чего выявляются недостатки и коммуникативные потери. Однако эти изъяны и дефекты неизбежны, так как переводной текст не способен быть точной копией оригинала.

В свою очередь, анализ и оценка переводного произведения являются фактором эволюции переводческой деятельности.

Критика перевода есть «специфическая оригинальная творческая деятельность, отражающая субъективное восприятие, толкование и оценку критиком художественно-эстетических качеств оригинального текста и художественно-эстетической передачи его в новом языковом бытии его перевода» [Лилова 1992: 186].

Целью критики перевода является оценка качества переводного текста, что не сводится исключительно к соответствию стилю и нормам переводящего языка. В круг интересов переводческой критики попадают непосредственно переводческие действия, их рациональность и обусловленность. Современные подходы к переводческой критике предполагают анализ и оценку действий переводчика в контексте межъязыковой и межкультурной коммуникации [Костикова 2008: 87].

Переводческая критика выступает своеобразным связующим звеном между теорией перевода и переводческой практикой. Теория перевода предоставляет переводческой критике научный инструментарий, который помогает критике ориентироваться в выборе предмета анализа и способствует разработке методологии критических исследований.

В процессе перевода смыслы, воплощенные в знаках исходного языка, могут оставаться неизменными, трансформироваться или деформироваться. Трансформации рассматриваются как результат определенной стратегии перевода и преимущественно затрагивают прагматический уровень. Трансформации призваны отражать замысел переводчика, изначально планирующего внесение соответствующих изменений. Данные изменения происходят в системе смыслов, заключенных в тексте оригинального произведения, либо в способе формального отражения этой системы. Так, примером трансформации системы смыслов являются добавления либо опущения, которые могут как привносить, так и устранять некоторые «кванты смыслов». Примером трансформации формы отражения может являться перевод стихотворного произведения прозой

[Костикова 2008: 92]. Что касается переводческих деформаций, неоправданное искажение заданной оригиналом системы смыслов позволяет квалифицировать их как «переводческие ошибки», «неточности», «искажения».

Для четкого определения смысла и создания адекватного перевода необходимо учитывать факторы, влияющие на конечный результат перевода. Эти факторы сводятся к 3 составляющим: автор, текст и читатель. Текст оригинала должен рассматриваться критиком как с позиции автора, так и с позиции читателя. Глубокое понимание и анализ текста обеспечивают максимальное выполнение требований, предъявляемых к переводу. Работа критика предполагает анализ языковых особенностей текстов, который сводится к выявлению существенных типологических особенностей языка оригинала и языка перевода и сравнению эмоционального воздействия на читателя текста оригинала и текста перевода [Селиверстова, Парфенова 2017: 173].

Целью объективной критики перевода является вывод суждения о качестве перевода (определение адекватности перевода), что предполагает определенный алгоритм действий. Во-первых, необходимо сопоставить перевод исследуемых категорий с соответствующими категориями в оригинале. Во-вторых, необходимо определить роль данных категорий в формировании коммуникативно-прагматического эффекта текста как целого. В заключение необходимо оценить степень соответствия концепции переводного произведения авторской концепции оригинала [Селиверстова, Парфенова 2017: 175].

Вне зависимости от выработанных критериев оценка критика не лишена доли субъективности, так как в основе переводческой критики лежит интерпретирующая деятельность, которая по своей природе субъективна. Ключевыми факторами становятся индивидуальность критика, его когнитивный опыт и концептуальное видение конечного продукта. В процессе ознакомления с текстом оригинала переводчик расшифровывает систему смыслов и формирует свой виртуальный объект, требующий реконструкции в языке перевода. Далее переводчик осуществляет поиск подходящих для этого средств. В связи с этим очевидна неизбежная субъективная составляющая любого переводческого

процесса, которая проявляется как на этапе интерпретации, так и на этапе создания нового текста на языке перевода.

С другой стороны, возникновение подобной проблемы не исключает целесообразности и возможности поиска объективных критериев оценки перевода. Основу субъективной интерпретации составляют определенные объективные закономерности, которые необходимо выявить с целью разработки методологии переводческой критики. В свою очередь, теория перевода уже выработала отдельные критерии, позволяющие оценить неизбежные преобразования и возможные утраты.

Таким образом, несмотря на то что переводческая критика располагает научным инструментарием теории перевода, который может быть использован в целях разработки методологии критического анализа, в настоящее время данный аспект переводоведения все еще находится в стадии становления и не располагает системой единых объективных общепринятых критериев оценки качества перевода художественного текста. На данном этапе исследования представляется целесообразным рассмотреть теоретическое осмысление качества одновременных (1974 г.) версий англоязычного перевода, выполненного Т. Уитни, и немецкоязычного перевода, выполненного А. Петурниг. Необходимо учитывать имеющийся опыт критического анализа переводов для проведения системного анализа специфики передачи метафор различных типов в исследуемых текстах. Следует обратить внимание на общий фон и ключевые моменты критики с целью уточнения аспектов, требующих более детального анализа в рамках проводимого исследования.

1.3.2. Критика переводов произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»

Творчество литераторов-диссидентов вызывало огромный интерес у зарубежных читателей, но публикация их произведений за пределами Советского Союза, помимо опасности преследования со стороны властей, была сопряжена с

трудностями перевода на иностранные языки. Попытки перевода на язык иностранной аудитории зачастую сопровождались искажением смысловых доминант, утратой художественного своеобразия произведения, а также потерями выразительности авторского текста. Весьма показательной в этом отношении является и история перевода на английский язык «Архипелага ГУЛАГ».

Работа над англоязычным переводом первого тома велась в обстановке строжайшей секретности переводчиком американского происхождения Томасом Уитни (Thomas P. Whitney (1917–2007)), который также являлся автором перевода повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Возможности консультации с русскоязычными специалистами и самим автором были ограничены. По словам критика Э. Пэйса, в процессе работы Т. Уитни неукоснительно опирался на словарь Владимира Даля, лексикографические работы которого в свое время оказали значительное влияние на стиль А. И. Солженицына [Bond 1983: 14].

Т. Уитни трудился над переводом с удивительной скоростью, закончив перевод первого и второго томов еще до конца 1969 года. Однако ответ писателя о своем согласии на публикацию перевода долгое время не поступал. Позднее выяснилось, что предложенный им вариант перевода вызвал напряженные размышления, сомнения и колебания самого А. И. Солженицына, ощутившего, что многие скрытые смыслы, по сути дела, «вся соль» его произведения, оказались выражены достаточно поверхностно.

1.3.2.1. Критика перевода произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» на английский язык, выполненного Т. Уитни

Перевод произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», выполненный Т. Уитни в 1974–1975 гг., по мнению критиков, оказался неудачным и слабым с точки зрения выбора переводчиком различных лексических, фразеологических, синтаксических и стилистических средств, что отразилось на экспрессивности англоязычной версии произведения и степени

отражения скрытого интенционального смысла широкого ассортимента метафор и многих других фигур речи.

Одним из первых критиков данного варианта перевода был А. С. Климов, по мнению которого перевод Т. Уитни передает художественное своеобразие взглядов А. И. Солженицына на социальную и политическую обстановку в стране чрезвычайно поверхностно, мешая читателю проникнуть в архитектуру перекликающихся скрытых смыслов данного произведения [Klimoff 1975: 637]. Подробный анализ перевода и его сравнение с оригиналом позволили исследователю прийти к выводу о том, что художественное своеобразие подлинника в переводе было потеряно: «Metaphors have been ignored or changed, descriptive passages have been rendered unintelligible, and the style all too often oscillates between reductive paraphrase and hyper-literal renditions of Russian phraseology. It is regrettable that Solzhenitsyn's immensely important work has not been presented in a more worthy English translation» [Klimoff 1975: 649].

Неблагосклонным к переводу Т. Уитни был и Дж. Бейли, высказавший свой упрек относительно воспроизведения в переводе метафор, сравнений, идиоматических выражений, аллюзий, иронии, эмоционально и экспрессивно богатой разговорной речи [Bailey 1974: 194].

В своем исследовании «A Study of the English and the German Translations of Alexander I. Solzhenitsyn's: The Gulag Archipelago, Volume I» А. Бонд указывает на шаблонность и стереотипность данной версии перевода [Bond 1983]. Критика переводческих решений Т. Уитни сопровождается более адекватными вариантами перевода А. Бонда. Демонстрируются масштабность применения приема калькирования, а именно дословного и буквального воспроизведения лексической структуры развернутой метафоры, и нежелание Т. Уитни передать ее скрытый смысл, опираясь на прием контекстуальной замены, помогающей сделать перевод стилистически более корректным и понятным максимально широкой читательской аудитории.

В своем письме Солженицыну от 28.07.1978 Т. Уитни пояснил, что в своей работе руководствовался следующим: «Моей целью была дословная

максимальная точность при передаче содержания, а также воссоздание в максимально возможной для языка, не являющегося славянским, степени индивидуального авторского стиля» (*перевод наш – В. С.*) [Bond 1983: 14].

Стремление сохранить и максимально передать своеобразие авторского повествования вызвали появление шероховатостей текста. В одной из статей, опубликованной в издании *The New York Times Book Review*, переводу Т. Уитни была дана низкая оценка: попытка передать стиль автора привела к игнорированию речевых норм английского языка и форенизации перевода [Blake 1975: 23]. По словам О. Андреевой-Карлайл, автор переводом не был доволен, считая его искаженным, неверно толкующим некоторые скрытые смыслы [Андреева-Карлайл 2004: 140].

Таким образом, стремление Т. Уитни сохранить и максимально передать своеобразие авторского повествования привело к шаблонности передачи некоторых выразительных средств, связанной с масштабностью применения приема калькирования. По мнению вышеупомянутых критиков, неудачный выбор переводческих соответствий исказил степень отражения скрытого интенционального смысла ряда метафор. Подобная переводческая стратегия нарушила прагматику переводного текста и отрицательно сказалась на экспрессивности англоязычной версии произведения. Обзор критики американского варианта переводного произведения поднимает вопрос о причинах неблагоприятных отзывов критиков о переводческих решениях, а также о степени объективности и лингвистической обоснованности их замечаний.

Следует подчеркнуть, что анализ опыта критического осмысления англоязычной версии не только выявил общие тенденции к низкой оценке качества перевода и наряду с этим субъективный подход, но и показал необходимость проведения системного анализа единиц с учетом широкого контекста всего произведения и разработки методики, учитывающей адекватность передачи метафор.

1.3.2.2. Критика перевода произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» на немецкий язык, выполненного А. Петурниг

Благодаря стараниям переводчицы австрийского происхождения Элизабет Маркштайн, осуществляющей переводческую деятельность под псевдонимом Анна Петурниг (Anna Peturnig), в 1974 году в Берне и Мюнхене в издательстве «Шерц Верлаг» (Scherz Verlag) появляется немецкоязычная версия переводного произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Хотя родным языком А. Петурниг являлся немецкий язык, ее по праву можно считать билингом, так как она продолжительное время прожила на территории Советского Союза, в связи с чем в совершенстве владела русским языком. В процессе работы над переводом она имела возможность консультироваться с автором. Подробные комментарии к переводу А. Петурниг привела в отдельной статье «Einige Gedanken zur Übersetzungsarbeit an Solschenizyns Archipel Gulag» [Peturnig 1975]. В своих комментариях А. Петурниг сравнивала произведения А. И. Солженицына с творчеством Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова. По ее мнению, «Архипелаг ГУЛАГ» занимает особое место в русской литературе. «На самом деле литературоведам, которые в скором времени сменят современных рецензентов, будет непросто дать определение родовому понятию “художественное исследование” (компонент подзаголовка), так как это произведение действительно является прецедентным и сочетает в себе характеристики научно-популярной, художественной и документальной литературы, являясь значимым произведением в истории литературы» (*перевод наш – В. С.*) [Bond 1983: 20].

При переводе оригинального произведения А. Петурниг стремилась максимально сохранить как содержание, так и форму («полную силу и красочность»), определяющую авторский стиль. Перевод на немецкий язык достаточно хорошо передает скрытые интенциональные смыслы, заключенные в метафорах и иных стилистических средствах. Тщательно подобранные переводческие соответствия с определенной точностью передают различные

краски и оттенки подсознания героев, восприятия ими собственного ареста и тюремного заключения и/или ареста и тюремного заключения дорогих им людей (родственников, друзей, знакомых, коллег по работе) [Bond 1983].

Несмотря на незначительные замечания касаясь перевода заголовка и подзаголовка произведения, М. Гёбель (Max Göbel) положительно высказывается о переводе в целом: проделанная работа «заслуживает уважения, точный перевод многих отрывков достоин восхищения» (*перевод наш – В. С.*) [Bond 1983: 25].

Лауреат Нобелевской премии Генрих Бёлль также обратил внимание на достоинства переводного произведения. «Как только читатель сам погружается в мир / содержание данной книги, вся пагубная преждевременная похвала отходит на второй план, переводчик профессионально справился с задачей воссоздания атмосферы...» (*перевод наш – В. С.*) [Bond 1983: 26]. Комментарии Бёлля основаны исключительно на переводном произведении.

Перевод А. Петурниг также получил положительную оценку от лауреата многочисленных национальных премий Хорста Бинека, который по личному опыту был знаком с реалиями лагерной жизни. «Впрочем, как уже было сказано ранее, перевод произведения Солженицына отличается отличным качеством и является в высшей степени точным и гибким» (*перевод наш – В. С.*) [Bond 1983: 26].

В своей аналитической работе А. Бонд указывает на то, что некоторые метафоры остаются без перевода, лишая текст перевода характерной тексту оригинала эмоциональности и полифоничности. Контекстуальные замены, используемые А. Петурниг, в отдельных случаях оказываются недостаточно выразительными, что отрицательно сказывается на экспрессивности. В статье, упомянутой в начале параграфа, А. Петурниг, помимо трудностей, связанных с переводом определенных лексических единиц, ссылается на проблему сохранения авторского стиля: «... подобное стилистическое многообразие и смысловая неоднозначность текстов “ГУЛАГа” представляют сложность для переводчика, более того, возникают особые трудности терминологического характера, главным

образом при воссоздании реалий, касающихся ГУЛАГа и советских ведомств» (*перевод наш – В. С.*) [Bond 1983: 27].

Несмотря на критические замечания исследователя, перевод А. Петурниг выполнен на высоком уровне и максимально сохраняет авторский стиль, следовательно, может быть охарактеризован как стилистически и прагматически адекватный.

Опыт критического анализа немецкоязычной версии перевода рассматриваемого произведения указывает на высокую степень его адекватности, позволившую воспроизвести прагматику и импликации с максимальным сохранением образности. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать, насколько лингвистически обоснованы данные выводы с точки зрения современной теории перевода на основе разработанной нами методики анализа адекватности.

Выводы по первой главе

Окружающий нас мир меняется быстрыми темпами, предлагая нашему вниманию новые объекты и фрагменты действительности, появление которых приводит к возникновению новых понятий, что находит отражение на языковом уровне. Появление новых понятий – это когнитивный процесс, обусловленный постижением сущности привлекающего внимание объекта действительности. Новые когнитивные смыслы могут быть реализованы на уровне уже имеющегося языкового знака, использованного в качестве вторичной номинации, что возможно благодаря явлению семантической деривации. Семантическая деривация в данном случае является составной частью концептуализации нового, еще недостаточно ясного когнитивного смысла.

Процесс метафоризации имеет когнитивно-семантическую природу. С точки зрения семантики мы наблюдаем имплицитное отождествление двух понятий на основе общих семантических компонентов; а с точки зрения

когнитивной теории имеет место пересечение двух концептов, относящихся к разным доменам (областям знаний).

Отличительной чертой структурной метафоры является образование вторичного значения на фоне изменения денотативной сферы. В результате подобного метафорического переноса происходит актуализация целевых элементов смысла, в роли которых обычно выступают дифференциальные либо ассоциативные семы первичной номинации, что наделяет метафору смысловой вариативностью.

Являясь сложным конструктом, метафора требует особого внимания при переходе от одного языка к другому. Элементы метафорического значения, включающие наряду со смысловым содержанием коннотативные компоненты, закрепленные за конкретным образом, подлежат максимальной транспортировке в принимающую лингвокультуру. Первым этапом межъязыкового перехода является корректная интерпретация скрытого смысла метафоры оригинала, что требует обращения к лингвистическому и к экстралингвистическому контексту, который включает разные аспекты (культурологический, исторический, социальный, экономический, психологический, эстетический и т. п.). В целях расшифровки скрытого смысла оригинальных метафор и их переводных соответствий целесообразно использовать многоаспектную методику анализа содержательной стороны языковых знаков, включающую денотативный, коннотативный и прагматический уровни.

Отношения функциональной равнозначности переводного соответствия и оригинальной метафоры могут быть обеспечены в относительно полной мере разными приемами, которые были систематизированы нами в расширенной типологии. Проанализировав взгляды переводоведов на содержание ключевых понятий оценки продукта переводческой деятельности, мы пришли к выводу о целесообразности использования термина «адекватность перевода» в качестве оценочной категории. Под адекватностью мы понимаем функциональную тождественность текстов, обеспечиваемую за счет учета факторов, детерминируемых коммуникативной ситуацией. Высокая степень адекватности

перевода метафоры подразумевает передачу максимального перечня коммуникативно-релевантных сем, сохранение образа и всего спектра коннотаций (при наличии). Чем больше компонентов метафорического значения сохранено в переводе, тем выше адекватность перевода метафоры. Отсутствие каждого дополнительного компонента снижает степень адекватности. Сохранение образа является важным условием обеспечения достаточной степени адекватности, однако если образ не несет значительной коммуникативной нагрузки в минимальном контексте, прием деметафоризации способен обеспечить достаточную степень адекватности при условии сохранения остальных компонентов метафорического значения.

Обзор критики одновременных (1974 г.) версий англоязычного перевода, выполненного Т. Уитни, и немецкоязычного перевода, выполненного А. Петурниг, показал, что критики оценивали качество передачи всего текста с поверхностным указанием слабых сторон, переводы метафор глубокому системному анализу не подвергались. Под системным анализом мы понимаем анализ техники перевода метафор и адекватность их передачи. Во второй главе мы проведем сопоставительно-переводческий анализ метафор, сосредоточившись на выявленных типах метафор.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ТЕХНИКИ И ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПЕРЕДАЧИ МЕТАФОР ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ» В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ПЕРЕВОДАХ

Данная глава посвящена сопоставительному анализу переводов метафор с целью определения наиболее точного эквивалента в паре языков (русский-английский, русский-немецкий). Сопоставление формы и плана содержания переводных соответствий оригинальных метафорических единиц позволяет проанализировать технику перевода и оценить его качество.

В своем произведении А. И. Солженицын представляет и дает оценку событиям, происходившим на территории страны в описываемый период, апеллируя к различным метафорическим образам. В процессе статистического анализа было установлено, что в исследуемом произведении самыми продуктивными источниками метафоризации являются семантические сферы «животный мир», «природа», «человек», «общество», «артефакты» (подробнее см. таблицу 1). Анализ выявил высокий «удельный вес» зооморфных метафорических единиц (21,73%, что соответствует 118 единицам). А. И. Солженицын также широко использует, но в меньшем объеме метафоры, относящиеся к физиологической сфере, сфере неживой природы, милитарным и морбиальным образам. Они представлены в произведении относительно равномерно (соответственно 14%, 12,7%, 12,34% и 10,31%).

Представим результаты статистического анализа количественного соотношения структурных метафор в произведении на основе семантического принципа в таблице 1.

Классификация структурных метафор произведения
А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» по семантическому признаку

Природоморфные метафоры	
зооморфные метафоры	118 единиц
фитоморфные метафоры	30 единиц
метафоры неживой природы	69 единиц
Антропоморфные метафоры	
физиологические метафоры	76 единиц
морбиальные метафоры	56 единиц
Социоморфные метафоры	
милитарные метафоры	67 единиц
театральные метафоры	34 единицы
Артефактные метафоры	
технические метафоры	46 единиц
артефактные метафоры непромышленной сферы	28 единиц

Согласно таблице фокус исследования в рамках данной главы направлен на анализ указанных типов метафор: зооморфной, фитоморфной, метафоры неживой природы, физиологической, морбиальной, военной, театральной, технической и артефактной метафор. Сопоставительно-переводческий анализ техники передачи каждого типа метафор, систематизированных в таблице, будет оформлен отдельным параграфом в рамках данной главы.

2.1. Сопоставительный анализ техники перевода русских метафор различных типов на английский и немецкий языки

В рамках данного исследования различные метафорические образы были систематизированы по фреймам и слотам. Схема анализа включает декодирование метафорической единицы путем ее толкования согласно авторской задумке с учетом контекста и затекстовой информации, в том числе

лексикографических источников. Данный этап является обязательным для последующего анализа техники перевода и адекватности передачи каждой метафоры на английский и немецкий языки.

Каждая метафора вводится в минимальном контексте (одно предложение) на языке оригинала и сопровождается переводом на английский (Т. Уитни, 1974) и немецкий (А. Петурниг, 1974) языки (также в рамках минимального контекста). Сопоставление переводных эквивалентов проводится на основе разработанной нами методики сопоставительно-переводческого анализа, представленной в первой главе данного исследования. Описываются тип метафоры, ее семный состав, прием перевода, дается оценка степени сохранения формы, смыслового содержания, коннотаций и реализации коммуникативного эффекта (подробнее см. параграф 1.2.4).

Согласно таблице 1 наибольшее количество метафорических единиц относится к природоморфной сфере и представлено зооморфными метафорами, с анализа которых нам представляется целесообразным начать следующий параграф.

2.1.1. Зооморфная метафора

Представим результаты сопоставительно-переводческого анализа зооморфных метафор с опорой на фреймово-слотовый анализ оригинальных русских метафорических единиц.

1. Фрейм «состав царства животных».

Слот 1.1. Рыбы

В анализируемом произведении деятельность правоохранительных органов уподобляется рыбалке. Номинативная метафора *рыба* обозначает граждан, впоследствии потенциальных заключенных. Согласно лексикографическому источнику данная номинация может использоваться в переносном значении при описании человека как «вялого, медлительного, равнодушного» [БАС 2014, т. 24: 129]. В русской ментальности с образом рыбы связаны следующие ассоциации:

не издающая звуков, чувствующая себя свободно только в своей стихии [Устуньер 2004: 24]. В своей работе Л. Ф. Пуцилева пишет, что в русской языковой картине мира при описании личностно-поведенческих характеристик человека переносное значение зоонима **рыба** актуализирует такие признаки, как бесстрастный, вялый, пассивный [Пуцилева 2009: 68]. Таким образом, данный зооморфизм подчеркивает смирение и ригидность.

Рассмотрим технику перевода данной метафоры на английский и затем на немецкий язык:

*В губерниях и уездах там и здесь арестованы были митрополиты архиреи, а уж за **крупной рыбой**, как всегда, шли косяки мелкой – протоиереи, монахи и дьяконы, о которых в газетах не сообщалось [Солженицын 2011: 52].*

– *Here and there in the provincial centers and even further down in the administrative districts, metropolitans and bishops were arrested, and, as always, in the wake of **the big fish**, followed shoals of smaller fry: archpriests, monks, and deacons [Whitney 1974: 36-37].*

– *In den Gouvernements und Landkreisen wurden hier und dort Metropolitane und Erzbischöfe verhaftet; **den großen Fängen** folgten, wie immer, Schwärme von kleineren **Fischen**, Oberpriestern, Mönchen und Diakonen, die in den Zeitungen unerwähnt blieben [Peturnig 1974: 44].*

При переводе рассматриваемой метафоры Т. Уитни использует прием калькирования переносного значения. Слово **fish**, используемое в качестве вторичной номинации, обладает потенциалом метафорического маркирования (хотя в определенных кругах) возможности стать жертвой с акцентом на некомпетентности объекта сферы-мишени: 5) (*inf*) a person, 8) cards slang, an incompetent player whose incompetence can be exploited [Webster 1993] / 5) разг. человек, 8) карточный сленг, некомпетентный игрок, чьей некомпетенцией можно воспользоваться в своих интересах [перевод наш – В. С.]. Очевидно, что в контексте американской лингвокультуры номинация **fish** генерирует тождественные ядерные семы «человек» и «лично-поведенческая характеристика», но иные периферийные семы: «некомпетентность» и «жертва /

объект манипуляций», что привносит сему отрицательной оценки, снижая степень адекватности. Однако данный вариант сохраняет форму и корректно воспроизводит ядерные семы смыслового содержания. Коммуникативный эффект достигнут, что позволяет говорить об адекватности перевода.

С целью передачи прагматического значения (агрессия органов по отношению к гражданам) немецкий переводчик А. Петурниг калькирует переносное значение, дополняя оригинальный фрейм «состав царства животных» фреймом «обращение с животными» (слот «животные как объект агрессии»): *der Fang* /ловля, лов; улов, добыча/ – 1) *das Fangen von Tieren*; 2) *alle Tiere, die man gefangen hat*; 3) *(fig) einen gesuchten Verbrecher gefangennehmen* [Wahrig 1994] / 1) ловля животных; 2) все животные, которых поймали; 3) перен. арестовать разыскиваемого преступника [перевод наш – В. С.]. Экспликация, основанная на приеме смыслового развития, транслирует ядерную сему «агрессия», но при этом вносит свои коррективы в образ граждан. Последнее значение указывает на возможность актуализации «лишней» периферийной семы «виновности» граждан (возникновение образа преступника), что снижает степень адекватности. В целом конкретизация образа позволяет сохранить форму и ядерные компоненты значения. Данный вариант не искажает первичную коммуникативную интенцию, поэтому перевод является адекватным.

Слот 1.2. Млекопитающие животные

В произведении граждане также предстают в кроличьем образе. Несмотря на то, что русскоязычный лексикографический источник фиксирует только прямое значение наименования животного (*кролик* – *небольшое животное семейства зайцев* [БАС 2013, т. 22: 669]), стоит отметить, что в русском языке данный зооним однозначно несет в себе скрытый смысл. Номинация *кролик* в русской лингвокультуре содержит следующее прагматическое значение: послушное существо, которое нетрудно запугать; представитель дискриминированных слоев населения, бесправный человек, объект для различных социальных, правовых и юридических экспериментов. Рассмотрим технику перевода данной метафоры:

He скажешь этого о кроликах, нас [Солженицын 2011: 24].

– *You couldn't say that about helpless rabbits like us* [Whitney 1974: 9].

– *Anders wir, die Karnickel* [Peturnig 1974: 16].

В американской лингвокультуре лексическая единица **rabbit** не является узуальным знаком вторичной системы номинации, о чем говорит лексикографический источник (*rabbit – a small, long-eared, burrowing lagomorph* [Webster 1993] / *кролик – маленький, длинноухий, роющий норы лагоморф* [перевод наш – В. С.]). С целью передачи скрытого смысла наряду с приемом калькирования прямого значения Т. Уитни использует лексическое добавление **helpless**, что представляет собой прямой способ выражения мысли, позволяющий передать периферийные семы «манипулирование» и «дискриминация» и коннотативную сему «бесправие». При сохранении формы подобный подход приводит к появлению запланированной реакции у американского читателя, что свидетельствует об адекватности перевода.

Немецкое соответствие **Karnickel** /*кролик*/ продуктивно используется в качестве знака вторичной языковой системы: *Sündenbock (jemand, dem man alle Schuld zuschiebt)*, *Dummkopf (dummer Mensch)*, *Einfaltspinsel (törichter, allzu argloser Mensch)* [Wahrig 1994] / *козел отпущения (человек, на которого сваливают вину)*, *болван (глупый человек)*, *простофиля (глупый, слишком простодушный человек)* [перевод наш – В. С.], актуализируя ядерную сему невиновности и периферийные семы бесхарактерности, глупости и простодушия, что говорит об изменении периферийных компонентов смыслового содержания. Прием калькирования прямого значения позволяет сохранить форму и ядерные семы, обеспечивая необходимый коммуникативный эффект. При этом стоит отметить, что данная языковая единица не является нейтральным эквивалентом литературного немецкого языка и относится к категории южно-немецкого диалекта. Подобное переводческое решение можно объяснить австрийским происхождением переводчицы. Перевод получает дополнительную стилистическую окраску, что не противоречит коммуникативному намерению автора, и может быть охарактеризован как адекватный.

Слот 1.3. Агрессивные / дикие животные

Намерение автора сделать акцент на враждебном отношении органов власти к гражданам объясняет выбор в качестве сферы источника метафорического моделирования именно образа диких животных. Подобные зоосемантические метафоры обладают прагматическим потенциалом транслирования агрессивной инвективы [Кошкарлова 2021: 140]. Так, органы власти позиционируются как волки:

Волчьим смехом расхохоталось собрание, и со всеми шестью своими ртами пошел новый орденосец в ссылку [Солженицын 2011: 88].

– *A wolflike laugh rocketed through the hall, and the newly decorated hero went off to exile, together with all six of those dependent mouths* [Whitney 1974: 76].

– *Wölfisches Gelächter schlug ihm entgegen, und es wanderte der neue Ordensträger samt seinen sechs Mäulern in die Verbannung* [Peturnig 1974: 81].

Прототипом данного окказионального варианта послужило устойчивое словосочетание *волчьи законы (беззаконие, основанное на грубом насилии* [БАС 2005, т. 3: 105]), что говорит об актуализации сем жестокости, насилия и нечестности. В связи с тем, что в лексикографическом источнике за прилагательным *волчий* закреплено значение *свойственный волку, такой как у волка* [БАС 2005, т. 3: 105], целесообразно рассмотреть семный состав и коннотации лексической единицы *волк*. В русской лингвокультуре доминантными характеристиками восприятия образа волка и проекции их на человека являются: *злой (злобный), опасный хищник, вечно голодный, привыкший к борьбе за выживание, недоверчивый, живущий по своим, волчьим законам* [Устуньер 2004: 28]. Примечательно, что в русской политической метафорологии *волк* – это типичный образ агрессивности, безжалостности и жадности [Чудинов 2001: 137], что высвечивает коннотативную область метафорического значения. В американском переводе денотат метафорической единицы калькируется с использованием сравнительного элемента *like*, что указывает на прием трансформации тропа, который представляет собой замену метафоры сравнением. Английский зооним *wolf* несет в себе отрицательный эмотивно-оценочный заряд и актуализирует в языковом сознании носителей английского языка такие

характеристики, как хитрый, кровожадный, одинокий [Сагова 2016]. Анализ словарной статьи **wolf** /волк/ (*a cruelly rapacious (having or showing a strong wish to take things for yourself, usually using unfair methods or force) person* [Webster 1993] / жестокый от жадности (проявляющий ярко выраженное стремление отбирать, обычно прибегая к нечестным методам и насилию) человек [перевод наш – В. С.] свидетельствует о наличии ядерных сем «человек», «жестокость», «жадность» и периферийных сем нечестности и насилия. Таким образом, апеллирование к авторскому образу (=сохранение формы) порождает коррелирующие семы (человек, жестокость, жадность, нечестность) и схожие отрицательные коннотации агрессивного настроения, что позволяет добиться равноценного коммуникативного воздействия на реципиента. Данный вариант перевода является адекватным.

А. Петурниг передает смысл метафоры при помощи приема калькирования переносного значения. Анализ словарной статьи показывает отсутствие у рассматриваемого слова **wölfisch** /волчий/ узуального переносного значения: *wie ein Wolf* [Wahrig 1994] / как волк [перевод наш – В. С.], однако зооним **der Wolf** является потенциальным носителем сем «человек», «лично-поведенческая характеристика», «злоба» и «опасность», подтверждением чему является устойчивое выражение *ein Wolf im Schafspelz – jemand, der einen harmlosen Eindruck macht, aber trotzdem böse oder gefährlich ist* [Wahrig 1994] / волк в овечьей шкуре – человек, производящий впечатление безобидной личности, но все же являющийся злым и опасным [перевод наш – В. С.]. При сохранении формы данный вариант передает основные ядерные семы и отрицательные коннотации (источник опасности), позволяя реализовать коммуникативное намерение автора, поэтому перевод является адекватным.

Для создания негативного образа политического лидера А. И. Солженицын апеллирует к образу **шакала** (*хищное животное семейства псовых, питающееся преимущественно падалью* [МАС]), актуализирующему в сознании носителя русского языка ядерные семы «личные качества», «жадность», «руководство инстинктами» (*перен. о жадном, хищном человеке* [Кузнецов 2001]) и

соответствующие коннотативные семы отсутствия моральных ценностей, а именно «подлость, низость»:

<...> как всегда, Сталин не выговаривал последнего слова, подчиненные сами должны были догадаться, а он оставлял себе **шакалью** лазейку отступить и написать «Головокружение от успехов» [Солженицын 2011: 112].

– *As always, Stalin did not pronounce that final word, and his subordinates had to guess what he wanted. Thus, **like a jackal**, he left himself an escape hole, so that he could, if he wanted, beat a retreat and write about “dizziness from success”* [Whitney 1974: 102].

– *Wie immer sprach Stalin das letzte Wort nicht aus, die Untergebenen hatten es selbst zu finden, während er sich einen **füchsischen, schakalischen** Durchschlupf zum Rückzug freiließ und das „Vor Erfolgen von Schwindel befallen“ schrieb* [Peturnig 1974: 106].

В американской лингвокультуре слово **jackal** (*one who performs dishonest or base deeds for his own or another's gain* [Webster 1993] / человек, который ведет себя нечестно и подло в целях личной выгоды либо выгоды третьих лиц [перевод наш – В. С.]) актуализирует коррелирующие ядерные семы морально-этической характеристики, нечестности (*dishonest* – нечестный), низости (*base* – низменный, низкий) и извлечения выгоды. Преобразование вторичной номинации с тождественным семным составом в сравнение, обусловленное требованиями речевых норм переводящего языка, способствует сохранению формы, смыслового содержания и коннотаций, корректно передает коммуникативное намерение автора, поэтому перевод является адекватным.

С точки зрения А. Петурниг, в немецкой переводной версии зоообраза **schakalisch** /шакалий/ недостаточно для передачи смысла, заложенного в метафорически употребленное прилагательное **шакалий**. В немецкой языковой традиции образ **der Schakal** не вызывает таких же ассоциаций, как образ шакала у носителя русского языка. Немецкие лексикографические источники фиксируют лишь дифференциальные признаки животного. В связи с этим наряду с приемом калькирования переносного значения переводчица также использует образ лисы:

füchsisch /лисий/. Образ *Fuchs* /лиса/ является более продуктивным и частотным для описания черт характера и поведенческих особенностей человека [Галимова 2004: 102]. Согласно лексикографическому источнику денотат лексической единицы *der Fuchs* (*j-d, der sehr listig, schlau oder raffiniert ist* [Langenscheidts 1993] / очень хитрый, лукавый или коварный человек [перевод наш – В. С.] актуализирует семы хитрости, лукавства, изворотливости и коварства. Введение дополнительного образа способствует более точной передаче ядерных сем и коннотаций, что позволяет вызвать запланированную реакцию у немецкого читателя, обеспечивая адекватность перевода.

В следующем примере дериватив *тигриный* (свойственный тигру, такой, как у тигра [МАС]) зоонима *тигр* (крупное хищное млекопитающее семейства кошачьих, оранжево-желтой с черными полосами окраски [МАС]) использован с целью положительной характеристики военных за счет актуализации сем благородства, решительности и неустрашимости:

<...> мы отрабатывали *тигриную* офицерскую походку и металлический голос команд [Солженицын 2011: 166].

– <...> we developed a *tigerlike* stride and a metallic voice of command [Whitney 1974: 162].

– *Derweilen übten wir <...> den tigerhaften Offiziersgang und den metallischen Befehlston* [Peturnig 1974: 161].

Т. Уитни переводит метафору с использованием аффикса *like*, имеющего сравнительный семантический оттенок, что позволяет сохранить исходный зооморфный образ. По сути, происходит трансформация тропа, в основе которой лежит экспликация сравнения. Здесь стоит обратить внимание на то, что в русской литературной традиции образ тигра имеет позитивную эмоциональную окраску [Чудинов 2001: 136]. Денотат лексической единицы *tiger* (*a person resembling a tiger in fierceness, courage, etc.* [Webster 1993] / человек, похожий по поведенческим характеристикам на тигра своей свирепостью, неустрашимостью и т. д. [перевод наш – В. С.] содержит ядерную сему «лично-поведенческая характеристика», но в английском языке образ *tiger* сопровождается ассоциацией с

жестоким человеком, опасным противником, задирой и хулиганом [Бархударов 2017: 76]. Таким образом, асимметрия периферийных компонентов значения и коннотаций порождает конфликт прагматических значений. Переводной эквивалент, сохраняющий форму, обладает потенциалом изменения эмоционального восприятия референта, что не согласовывается с намерением автора и ведет к снижению степени адекватности перевода.

В немецком языке зооморфная метафора **тигриная** передается с опорой на прием калькирования прямого значения: прилагательное *tigerhaft* /*тигриный*/ образовано от существительного *der Tiger* /*тигр*/ (*Großkatze, deren gelbliches Fell eine typische dunkle Querstreifung zeigt und die gelegentlich auch dem Menschen gefährlich wird* [Wahrig 1994] / *большая кошка, чья шкура имеет желтоватый окрас с поперечными темными полосами, при случае может представлять опасность для человека* [перевод наш – В. С.]). При сохранении формы и актуализации ядерной семы личностно-поведенческой характеристики данный вариант перевода не маркируется коннотацией положительной оценки со стороны говорящего, но при этом и не вызывает ложных ассоциаций, позволяя реализовать коммуникативное задание. Коннотативная нейтральность влечет за собой снижение экспрессивности, что незначительно снижает степень адекватности перевода.

Слот 1.4. Паразиты

Адвокат, не оправдавший ожидания властей, позиционируется в образе **пьявки** (=пиявки). Лексическая единица **пиявка** содержит ядерные семы «образ жизни», «безделие», «за чужой счет» и отрицательную морально-этическую оценку (*о том, кто живет за счет чужого труда, ведет паразитический образ жизни* (разг.) [БАС 2011, т. 16: 620]):

*Крыленко добился там, в Метрополе, чтобы следователям врезали по 10 лет, а **пьявке-адвокату** – 5 с полной конфискацией* [Солженицын 2011: 312].

– “*to punish without limitation,*” *did Krylenko, there in the Metropole, continue to hang ten-year sentences on the interrogators and five on **the lawyer**, plus full confiscation of his property* [Whitney 1974: 313].

– *gelang es Krylenko, den Untersuchungsrichtern je zehn Jahre und dem blutsaugenden Advokaten fünf mit Konfiskation des Vermögens zu verpassen* [Peturnig 1974: 304].

Т. Уитни отказывается как от зооморфного образа, так и от его смысловой экспликации. Данный пример ярко демонстрирует неадекватность приема опущения метафоры.

А. Петурниг трансформирует образ пиявки, опираясь на прием смыслового развития (переход от актанта *пьявка* к осуществляемым им действиям *высасывать кровь*). Причастие *blutsaugend* /*высасывающий кровь*/ образовано от существительного *Blutsauger* /*кровопийца*/ (*ein Insekt, das sticht und Blut saugt* [Langenscheidts 1993] / *насекомое, которое кусает и высасывает кровь* [перевод наш – В. С.]), генерализирующего образ животного. Функционально-адекватная замена актуализирует ядерные семы «образ жизни», «эксплуатация» и коннотацию несправедливости (*Blutsauger – ein Mensch, der andere (wirtschaftlich) ausbeutet* [Langenscheidts 1993] / *человек, (экономически) эксплуатирующий других* [перевод наш – В. С.]), что решает коммуникативную задачу и обеспечивает высокую степень адекватности перевода.

2. Фрейм «части тела животных».

Слот 2.1. Органы агрессии

При описании органов власти сквозь зооморфную призму продуктивно используются названия частей тела животных, используемых для проявления агрессии. Собирательный «животный» образ властей складывается из таких составляющих, как *пасть, щупальцы, когти, копыта*.

Метафорическое использование лексической единицы *щупальца* (*перен. употр. для обозначения чего-н., что захватывает, забирает целиком (ритор. неодобрит.)* [Ушаков 1998]) культурно обусловлено. Образ спрута имел особое распространение в русской политической речи в силу культурно-исторических причин. А именно: спрут – крупный осьминог, хищный, жадный, всеохватывающий и всепроникающий, якобы способен высасывать кровь из своей жертвы [Чудинов 2001: 137]. Метафорическая единица *щупальцы* содержит

ядерные семы полного подчинения, пагубного влияния и неизбежности, а также коннотацию неодобрения деятельности разведки автором высказывания:

...ведь разведка может протянуть **щупальцы** к своему любимцу и в лагерь... [Солженицын 2011: 77].

– ... *for, after all, an intelligence service might reach out **its tentacles** to its protege even in a camp...* [Whitney 1974: 64].

– ... *der fremde Geheimdienst könnte ja **die Fäden** zu seinem Schützling bis ins Lager hinein spinnen...* [Peturnig 1974: 70].

Англоязычный лексикографический источник фиксирует переносное значение **tentacles** /щупальца/: *(usually disapproving) the influence that a large place, organisation or system has and that is hard to avoid* [Webster 1993] / (обычно неодобрительно) влияние, которое оказывает крупное место, организация или система и которого трудно избежать [перевод наш – В. С.]. Прием подстановки переносного значения позволяет актуализировать ядерные семы «система», «влияние» и «неизбежность». Коннотативная часть семантики **tentacles** носит отрицательный оценочный характер (неодобрение). Следовательно, сохранение формы сопровождается воспроизведением коррелирующих ядерных сем и идентичных коннотаций, что обеспечивает адекватную передачу содержания метафорической единицы.

В результате функционально-адекватной замены А. Петурниг денотативная соотнесенность метафорической единицы преобразуется из зооморфной в артефактную: **die Fäden** /нить, волокно/. В немецком языке данная лексическая единица является достаточно продуктивной при образовании вторичных языковых знаков: *die (zerrissenen) Fäden wieder anknüpfen – (fig.) Verbindungen wieder aufnehmen; alle Fäden laufen hier zusammen – (fig.) von hier aus wird alles geleitet* [Wahrig 1994] / снова связывать (порванные) нити – перен. восстановит связи; все нити сходятся здесь – перен. отсюда всем руководят [перевод наш – В. С.]. Вторичная номинация **die Fäden** корректно передает смысловое содержание, актуализируя сему всестороннего охвата и безвыходности ситуации. В данном контексте подобное видоизменение образа не противоречит

коммуникативному намерению автора, сохраняет основные ядерные компоненты значения, но выпускает коннотацию неодобрения. В целом прием функционально-адекватной замены обеспечивает адекватный перевод.

В анализируемом произведении признак агрессивного и жестокого поведения представителей органов власти также метафорически маркирован посредством вторичной номинации **когти** (*перен. символ хищничества, насилия, злобы* [Ушаков 1998]) в составе выражения *не выпускать из когтей* (*проявлять по отношению к кому-либо враждебность, злые намерения* [БАС 2007, т. 8: 184]), актуализирующего ядерные семы «физическое воздействие», «с целью лишения свободы», а также коннотации враждебности и злых намерений:

МГБ же не искало истины и не имело намерения кого-либо взятого выпускать из когтей [Солженицын 2011: 151].

– *The MGB wasn't interested in the truth and had no intention of letting anyone out of its grip once he was arrested* [Whitney 1974: 145].

– *Dem MGB war die Wahrheit egal, und es hatte nicht die Absicht, einen einmal Verhafteten wieder aus den Klauen zu lassen* [Peturnig 1974: 145].

Т. Уитни прибегает к функционально-адекватной замене, в основе которой лежит прием смыслового развития, а именно: имя предмета заменяется на наименование процесса, в котором данный предмет участвует. Подобная трансформация транслирует семы «физическое воздействие» и «лишение свободы»: при помощи когтей животное может схватить свою жертву (**когти** → **grip** /*хватка, захват/ the act of grasping; a seizing and holding fast; firm grasp; a grasp, hold or control* [Webster 1994] / *акт схватывания; быстрое движение с целью схватить и удержать; крепкая хватка; хватка, удерживание или контроль* [перевод наш – В. С.]). Образ когтей, как и образ животного, в англоязычном переводе исчезает, так как схватить может не только животное, но и человек. В этом случае переводческая трансформация приводит к стиранию образа, снижая степень экспрессивности, а также к сглаживанию коннотаций агрессии и жестокости, что препятствует реализации эмотивной функции в полной мере. Данный вариант перевода производит соответствующее

коммуникативное воздействие на реципиента, однако снижение степени экспрессивности и эмоциональной насыщенности указывает на снижение степени адекватности.

В немецком языке прямым эквивалентом слова *когти* является *Krallen* /*когту*/ (*scharfer, gebogener Zehennagel von Vögeln sowie manchen Säugetieren and Kriechtieren* [Wahrig 1994] / *острый, изогнутый ноготь птиц, а также некоторых млекопитающих и пресмыкающихся* [перевод наш – В. С.]). Однако при переводе А. Петурниг использует прием функционально-адекватной замены. Переводчик отдает предпочтение номинации *Klauen* /*копыта, когти, вилообразный инструмент*/ (*verhornte Zehe der Wiederkäuer und Schweine; Krallen der Raubvögel; Nagel des Haarraubwildes; gabelhakenförmiges Werkzeug, Haken, Greifer* [Wahrig 1994] / *ороговевшие пальцы жвачных животных и свиней; когти хищных птиц; ногти пушной дичи; вилообразные приспособления, крюки, инструменты для захвата* [перевод наш – В. С.]) с более широкой семантикой. Помимо ядерных сем «физическое воздействие» и «захват» слово *Klauen* содержит коннотации агрессии и жестокости. Данная трансформация привносит новые образы (парнокопытных и свиньи) в описание сотрудников МГБ в переводном произведении, что не противоречит прагматике текста. Использование данного приема способствует корректной передаче ядерных сем и коннотаций, что позволяет реализовать коммуникативное задание и достичь высокой степени адекватности перевода.

3. Фрейм «объединения животных и иерархические отношения».

Слот 3.1. Объединения животных

Руководимые животными инстинктами представители органов власти объединяются в группы (*косяк, волчье племя*). Целью подобного метафорического моделирования является акцент на целенаправленности объединения с последующим проявлением враждебности и агрессии по отношению к гражданам:

<...> *какие-то косяки гебистов должны были класть головы с неуклонностью* <...> [Солженицын 2011: 161].

– <...> *a certain number of “schools” of gaybisty had to sacrifice themselves* [Whitney 1974: 156].

– <...> *zwang bestimmte **Fischschwärme** von Gebisfen, ihre Haut zu Markte zu tragen* [Peturnig 1974: 156].

Анализ словарной статьи показал, что лексическая единица **косяк** не обладает выраженной коннотативной зоной: **косяк** – *скопление рыб в период икрометания* [БАС 2007, т. 8: 541]. В американской лингвокультуре слово *school* /*косяк (рыб)*/ (*a large number of fish, porpoises, whales, or the like, feeding or migrating together* [Webster 1993] / *большая группа рыб, дельфинов, китов и других морских животных, которые питаются или мигрируют сообща* [перевод наш – В. С.]) также является коннотативно нейтральным. В целях обеспечения экспрессивности прием калькирования прямого значения дополнен графическими средствами (кавычки). В данном случае можно говорить о воспроизведении ядерных сем «объединение» и «целенаправленность», а также коннотаций агрессии и враждебности, генерируемых контекстом. Коммуникативное намерение реализовано корректно. Перевод является адекватным.

При переводе на немецкий язык А. Петурниг также использует прием калькирования прямого значения. При этом стоит обратить внимание, что в отличие от оригинальной метафоры, которая является окказиональной, в переводе метафорическая единица **Schwarm** /*рой, стая (птиц), косяк (рыб)*/ получает статус узуальной (*viele Menschen* [Langenscheidts 1993] / *много людей* [перевод наш – В. С.]). В связи с этим в контексте предложения переводная метафора может в некоторой степени утратить экспрессивность. Более того, лексическое значение слова **Schwarm** /*рой, стая (птиц), косяк (рыб)*/ (*eine große Zahl von Fischen, Vögeln oder Insekten, die zusammen leben* [Langenscheidts 1993] / *большое количество рыб, птиц либо насекомых, которые ведут совместный образ жизни* [перевод наш – В. С.]) шире, чем у его частичного эквивалента **school** /*косяк (рыб)*/ в английском языке, и вызывает в зависимости от контекста образ насекомых, птиц или рыб. С целью обеспечения корректной интерпретации образа немецкоговорящим читателем А. Петурниг трансформирует переводческое соответствие, добавляя

номинацию *Fisch* /рыба/. Появление данного образа коррелирует с коммуникативным намерением автора, поэтому перевод является адекватным.

Представители органов власти объединены общей целью выполнить план, т. е. они находятся в одной *упряжке* (*несколько лошадей, собак, оленей, запряженных одной упряжью* [МАС 1999, т. 4: 509]). Слово *упряжка* содержит ядерные семы «деятельность», «объединение усилий» и «общая цель»:

Отчего они все такую рьяной упряжкой включились в эту гонку не за истиной, а за ЦИФРАМИ обработанных и осужденных? [Солженицын 2011: 152]

– *What prompted them all to slip into harness and pursue so zealously not truth but totals of the processed and condemned?* [Whitney 1974: 146]

– *Warum haben sie sich alle bloß so wild ins Zeug gelegt, nicht die Wahrheit, sondern die Ziffern der Verarbeiteten und Verurteilten zu erzielen?* [Peturnig 1974: 146]

Т. Уитни использует лексическую единицу *harness* /упряжь/ (*the combination of straps, bands, and other parts forming the working gear of a draft animal* [Webster 1993] / комбинация ремней и различных элементов и креплений, формирующих снаряжение тяглового животного [перевод наш – В. С.]). В контексте американской лингвокультуры денотат рассматриваемой единицы имеет аналогичное метафорическое переосмысление: *in harness* – a) *engaged in one's usual routine of work*, b) *together as cooperating partners or equals* [Webster 1993] / в упряжке – а) выполняющие совместную рутинную работу; б) совместно в качестве сотрудничающих партнеров или коллег [перевод наш – В. С.]). В данном случае мы имеем дело с подстановкой переносного значения, сохраняющей ядерные семы русской метафоры. Однако обращаем внимание на то, что слово *harness* генерализирует животный образ (*any draft animal*), стирая прототипичный для русской культуры образ лошади. Генерализация образа в силу его второстепенной роли в тексте незначительно снижает степень экспрессивности, не искажая коммуникативный эффект. Данный перевод является адекватным.

Переосмыслив подтекст зооморфной метафоры, переводчица делает выбор в пользу разговорного фразеологического оборота *sich ins Zeug legen* /разг.

взяться за дело/ (sich viel Mühe geben und alles tun, um etwas zu erreichen [Wahrig 1994] / *прилагать большие усилия и делать все, чтобы достичь цели* [перевод наш – В. С.]), в котором денотат *das Zeug* апеллирует к референту *снаряжение, оснащение / оборудование*. Несмотря на элиминацию оригинального образа лошади в переводящем языке, прием трансформации тропа, в основу которого легла замена метафорического выражения на фразеологическое, позволяет сохранить ядерные семы и образность, что помогает эффективно реализовать коммуникативную интенцию и добиться адекватного перевода.

4. Фрейм «обращение с животными».

Слот 4.1. Животные как объект агрессии

Согласно сюжетной линии произведения органы власти являются источником агрессии и ведут охоту (что буквально означает: сажают в тюрьму). Роль животного-жертвы, на которого идет охота, отведена гражданам. Таким образом, именно они становятся сферой-мишенью в рамках данного слота. Как было отмечено ранее, в произведении граждане предстают в образе рыб, которые являются мишенью. Проанализируем технику перевода метафоры *улов* (*количество пойманной добычи (рыбы, птицы, зверя)* [МАС]), актуализирующей ядерные семы «деятельность», «показатель эффективности» и коннотацию обреченности:

Священнослужители текли обязательной частью каждодневного улова, серебряные седины их мелькали в каждом соловецком этане [Солженицын 2011: 52].

– *Men of religion were an inevitable part of every annual “catch,” and their silver locks gleamed in every cell and in every prisoner transport en route to the Solovetsky Islands* [Whitney 1974: 37].

– *Die Geistlichen stellten den Pflichtteil eines jeden Jahresfanges; die silbergrauen Popenhäupter waren in jeder Gefängniszelle, später in allen nach den Solowki abgehenden Häftlingspartien zu finden* [Peturnig 1974: 45].

При переводе Т. Уитни использует прием функционально-адекватной замены, смещающей акцент с результата на действие: *catch* (*act of capturing, esp.*

after pursuit; act of trapping or ensnaring [Webster 1993] / *действие по захвату силой, особенно после погони; действие по заманиванию в ловушку* [перевод наш – В. С.]). Метафорически употребленное слово **catch** обладает достаточно широкой семантикой, что отрицательно сказывается на образности в этом контексте. Трансформация приводит к нивелированию «рыбного» образа. Ведь поймать мы можем не только рыбу, но и животное, ребенка, другого человека и т. д. С целью компенсации потерянного образа и сохранения минимальной экспрессивности переводчик использует графические средства – кавычки. Экспликация коннотативной семы «обреченности» объекта агрессии происходит за счет дополнения перевода прилагательным **inevitable** /*неизбежный*/, что является уместным в силу того, что в отличие от американской культурной традиции для русского этнического типа личности типична тенденция к фатализму. Именно наша картина мира основана на предположении о том, что существуют высшие силы, управляющие человеком и окружающей его реальностью [Сергеева 2008]. В целом данный прием позволяет точно передать ядерные семы, сохраняет прагматику высказывания и реализует коммуникативное намерение, поэтому перевод можно охарактеризовать как адекватный.

Немецкое соответствие **der Fang** /*ловля, лов; улов, добыча*/ сохраняет ядерные компоненты значения, но генерализирует «рыбный» образ граждан до всего царства животных (1) *das Fangen von Tieren*; 2) *alle Tiere, die man gefangen hat*; 3) *(fig) einen gesuchten Verbrecher gefangennehmen* [Wahrig 1994] / 1) *ловля животных*; 2) *все животные, которых поймали*; 3) *перен. арестовать разыскиваемого преступника* [перевод наш – В. С.]). По авторскому замыслу наряду с образом рыб граждане также позиционируются в образе кроликов, ягнят и насекомых, которые не являются прототипичными объектами улова / охоты. В связи с этим возникает вероятность, что в данном контексте при сохранении формы (прием калькирования прямого значения) сигнификат лексической единицы **der Fang** способен сместить акцент на образ разыскиваемых преступников, что может привести к искажению коннотативного компонента и

вызвать негативную реакцию читателя перевода. Степень адекватности перевода снижена.

В рамках данного слота органы власти выступают источником агрессии, а граждане получают роль животного-жертвы, на которого идет охота с использованием капкана, аркана, удавки. Метафорическая единица **капкан** маркирована коннотацией опасности и актуализирует ядерные семы проблемы и отсутствия решения (*перен. безвыходное положение* [БАС 2007, т. 7: 637]):

Что надо, чтобы быть сильнее следователя и всего этого капкана? [Солженицын 2011: 137]

– *What do you need to make you stronger than the interrogator and the whole trap?* [Whitney 1974: 130]

– *Was braucht einer, um stärker zu sein als der Verhörende mitsamt seiner ganzen Mausefalle?* [Peturnig 1974: 131]

В вышеприведенном примере Т. Уитни сохраняет форму (*trap literally means a mechanical contrivance for animals, the main feature usually being a spring* [Webster 1993] / «ловушка, капкан» буквально означает механическое устройство для ловли животных, главным элементом которого является пружина [перевод наш – В. С.]), используя прием подстановки переносного значения. Метафорически употребленная лексическая единица **trap** /ловушка, капкан/ (*figuratively, trap suggests the scheme of one person to take another by surprise and gain an advantage from him* [Webster 1993] / *перен. хитрая уловка, план застать кого-либо врасплох и извлечь из этого выгоду для себя* [перевод наш – В. С.]) также содержит коннотацию опасности, но акцентирует внимание на ядерных семмах «злой умысел», «жертва», «извлечение выгоды», что не противоречит коммуникативной интенции автора и позволяет вызвать нужную реакцию читателя. Данные факторы указывают на адекватность перевода.

В немецком переводе прием функционально-адекватной замены приводит к преобразованию формы и, соответственно, образа. Метафорически употребленное слово **Mausefalle** /мышеловка/ (*Vorrichtung zum Fangen von Mäusen* [Wahrig 1994] / *приспособление для ловли мышей* [перевод наш – В. С.]) транслирует ядерные

семь «захват», «жертва» и коннотацию опасности, т. е. необходимые для реализации коммуникативного задания компоненты содержания. Однако при декодировании смысла метафоры у немецкого читателя возникает образ мыши, что идет вразрез с авторским замыслом изображения граждан преимущественно в образе ягнят, кроликов или насекомых, хотя и позволяет передать коннотацию незащитности. Этот нюанс позволяет нам сделать вывод о снижении степени адекватности перевода.

Рассматриваемый слот также представлен выражением *накинуть удавку* (*бросить на кого-либо, что-либо сверху петлю для удушения, чтобы захватить, стянуть, поймать и т. д.* [МАС]), актуализирующим ядерные семы «захват», «лишение свободы» и коннотацию насилия. Рассмотрим технику перевода данного метафорического выражения:

*Следователю моему не нужно было поэтому ничего изобретать для меня, а только старался он **накинуть удавку** на всех, кому когда-нибудь писал я или кто когда-нибудь писал мне* [Солженицын 2011: 141].

– *Therefore my interrogator did not have to invent anything. He merely tried to **cast his noose** around everyone I had ever written to or received a letter from* [Whitney 1974: 135].

– *Er brauchte sich daher für mich nichts einfallen zu lassen und versuchte bloß, **die Angel** nach jedermann **auszuwerfen**, dem ich jemals geschrieben, bzw. von dem ich jemals einen Brief erhalten habe* [Peturnig 1974: 135].

Прием калькирования прямого значения с опорой на соответствие *noose* /петля/ (*a piece of rope tied in a circle, used to catch animals or to hang (=kill) people* [Webster 1993] / часть веревки, завязанная петлей, используется для ловли животных или повешения (убийства) людей [перевод наш – В. С.] актуализирует ядерные семы захвата, лишения свободы и коннотацию насилия. Данный вариант перевода сохраняет форму, ядерные компоненты значения, коннотации и экспрессивность, что приводит к появлению у американского читателя запланированной реакции и свидетельствует об адекватности перевода.

А. Петурниг использует замену немецким словом *die Angel* /удочка/ (*ein biegsamer Stab, an dem eine Schnur mit einem Haken befestigt ist, mit dem man Fische fangen kann* [Langenscheidts 1993] /предназначенная для ловли рыбы гибкая палка, на которой крепится веревка с крючком [перевод наш – В. С.]), частично основываясь на функции (передает ядерную сему «притянуть», выпуская сему «с целью удушить»). В данном случае функционально-адекватная замена позволяет сохранить в переводе коннотацию проявления агрессии и коррелирует с авторским метафорическим позиционированием граждан в образе рыб, но более целесообразным в данном контексте представляется сохранить образ орудия охоты – удавки. Именно образ удавки интенсифицирует отрицательный эмоциональный заряд. В силу снижения степени экспрессивности данный вариант перевода не обеспечивает реализацию коммуникативного воздействия в полной мере, поэтому степень адекватности перевода снижена.

Слот 4.2. Животные как объект ухода

Глагольная метафора *перековаться* (*перен. изменяться, становиться другим по своему поведению, взглядам, характеру; перевоспитываться* (разг.) [БАС 2011, т. 16: 163]), вызывающая образ ухода человека за животным, актуализирует ядерные семы пересмотра взглядов, изменения поведения и коннотацию корыстных целей. Таким образом автор делает акцент на порочности и лицемерии сотрудников:

А в Восточной – не слышно, значит перековались, ценят их на государственной службе [Солженицын 2011: 178].

– *Meanwhile, in East Germany, nothing of the sort is to be heard. Which means that there they have been shod with new shoes; they are valued in the service of the state* [Whitney 1974: 175].

– *Von der DDR aber hört man darüber wenig. Sind wohl umerzogen worden, stehen hochangesehen in staatlichen Diensten* [Peturnig 1974: 173].

Т. Уитни использует прием калькирования переносного значения. Выражение *to be shod* /обутый/ (*to shoe – to provide or fit with a shoe or shoes* [Webster 1993] /обуть – обеспечить обувью либо надеть на кого-нибудь обувь

[перевод наш – В. С.] не только не содержит необходимых для реализации коммуникативного намерения ядерных сем, но и коннотативно нейтрально. Более того, слово *shoe* /туфля, ботинок/ обладает широкой семантикой (*an external covering for the human foot, usually of leather and consisting of a more or less stiff or heavy sole and a lighter upper part ending a short distance above, at, or below the ankle; an object or part resembling a shoe in form, position, or use; a horseshoe or a similar plate for the hoof of some other animal* [Webster 1993] / элемент одежды для человеческой ноги, обычно из кожи, состоит из умеренно жесткой либо тяжелой подошвы и более легкой верхней части, доходящей до уровня (чуть ниже / выше) лодыжки; объект либо его часть, похожая по форме, расположению либо функции на ботинок / туфлю; подкова либо схожая пластина для копыт других животных [перевод наш – В. С.]), снижающей вероятность возникновения образа подковы. Таким образом, ядерные семы и коннотация не переданы, а широкая семантика лексической единицы не позволяет в точности воспроизвести форму и, следовательно, воссоздать авторский образ, что чревато недопониманием смысла со стороны американского читателя. Содержание данной метафоры не получает адекватного отражения в переводе.

В немецком языке переносное значение русского глагола *перековать* воспроизводится с помощью глагола *umerziehen* /перевоспитать/ ((oft durch Zwang) jemanden dazu bringen, seine Meinungen oder sein Verhalten zu ändern [Langenscheidts 1993] / (зачастую принудительно) убеждать кого-то поменять свое мнение либо отношение [перевод наш – В. С.]), передающего ядерные семы влияния извне и изменения взглядов, а также периферийную сему вынужденности. Транслируемый набор сем не позволяет воспроизвести авторский акцент на лицемерии сотрудников, что снижает степень адекватности. Используя лишенный образности прием демегафоризации, А. Петурниг пытается добавить экспрессивности за счет графических средств (курсив в тексте оригинала), однако «животный» образ полностью исчезает, что не является большой потерей в силу незначительной семантико-стилистической нагрузки

оригинального авторского образа. В целом коммуникативный эффект достигнут и перевод можно охарактеризовать как адекватный.

В рамках данного слота представители органов власти позиционируются как иждивенцы. Носителем этой имплицитной информации является глагольная метафора **кормить** (*давать корм (животным); перен. обеспечивать необходимыми средствами к жизни; содержать на своем иждивении* [БАС 2007, т. 8: 463]), которая содержит ядерные семы «обеспечение», «средства к жизни» и коннотацию зависимости:

<...> *этот поток до самого 1945 года кормил следователей Москвы и Ленинграда* [Солженицын 2011: 93].

– <...> *a wave which kept on providing fodder for the interrogators of Moscow and Leningrad right up to 1945* [Whitney 1974: 80].

– <...> *dieser Strom ernährte bis 1945 die Untersuchungsbehörden von Moskau und Leningrad* [Peturnig 1974: 85].

Т. Уитни использует прием функционально-адекватной замены **kept on providing fodder** /*продолжал снабжать кормом для скота*/. При этом лексическая единица **fodder** (*coarse food for livestock, composed of entire plants, including leaves, stalks, and grain* [Webster 1993] / *грубый корм для скота, состоящий из цельных растений, включая листья, стебли и зерна* [перевод наш – В. С.]) обладает потенциалом метафорического моделирования двух референтов: представителей органов власти (*interrogators*), предстающих в образе животных, а точнее скота (*livestock*), и граждан, предстающих в уничижительном образе корма (**fodder**), акцентирующем внимание на том, что их жизнь не представляет никакой ценности. В американской лингвокультуре слово **fodder** используется в качестве вторичной номинации для характеристики подобной категории людей, о чем свидетельствует следующее значение: *people considered as readily available and of little value* [Webster 1993] / *рядовые люди, не представляющие собой большой ценности* [перевод наш – В. С.]. Оба образа, сгенерированных выражением **providing fodder**, гармонично дополняют оригинальную метафору, коррелируя с композиционной структурой произведения. Сохранение формы и ядерных компонентов, наряду с

расширением спектра коннотаций, позволяет передать коммуникативное намерение, что говорит о высокой степени адекватности перевода.

В контексте немецкой лингвокультуры переводческое соответствие *ernähren* /кормить, вскармливать/ (*jemanden/ ein Tier mit Nahrung versorgen* [Langenscheidts 1993] / *обеспечивать питанием человека, животного* [перевод наш – В. С.]) имеет тождественное метафорическое переосмысление: *fig. für jemandens Unterhalt sorgen* [Langenscheidts 1993] / *перен. обеспечивать чье-либо содержание* [перевод наш – В. С.], актуализируя необходимые ядерные семы (обеспечение и средства к жизни). Прием подстановки переносного значения позволяет реализовать коммуникативное намерение при сохранении формы, ядерных компонентов значения и коннотаций, поэтому перевод является адекватным.

Вторичная номинация *кормушка* продолжает идею изображения представителей органов власти в образе иждивенцев. Экспрессивное переносное значение (*разг. пренебр. неодобр. о месте (обычно службы), где, пользуясь бесконтрольностью, можно пожить (приобрести, заработать) неблагоприятными, незаконными способами; источник личной наживы за счет кого-л., чего-л.* [БАС 2007, т. 8: 466]) указывает на наличие ядерных сем «получение выгоды», «за чужой счет», «бесконтрольность», «несоблюдение норм закона» и коннотацию пренебрежительного отношения к представителям органов власти, обусловленного их непорядочностью.

Низкие же цифры вели бы к разгону и разжалованию, к потере этой кормушки <...> [Солженицын 2011: 152].

– *Low totals led to their being kicked out, to the loss of their **feedbag*** [Whitney 1974: 147].

– *Niedrige Ziffern hingegen führten zur Entlassung und Degradierung, zum Verlust besagten **Futtertrogs*** <...> [Peturnig 1974: 147].

При переводе метафоры данного слота оба переводчика используют прием калькирования переносного значения. Английское соответствие *feedbag* /кормушка/ (*a bag for feeding horses, placed before the mouth and fastened around the head with straps* [Webster 1993] / *емкость для кормления лошадей, крепится*

ремнями на голове лошади около морды [перевод наш – В. С.]) конкретизирует зооморфный образ (появляется образ лошади), транслирует коннотацию зависимости, представляя сотрудников органов власти в образе иждивенцев, но не передает весь спектр ядерных сем оригинальной метафоры. Аналогичная ситуация возникает и в переводе А. Петурниг. Немецкое соответствие *der Futtertrog* /кормушка/ (*ein großes, längliches Gefäß, in das man die Nahrung oder Wasser für Tiere gibt* [Langenscheidts 1993] / большая, продолговатая посуда, из которой едят и пьют животные [перевод наш – В. С.]) позволяет сохранить форму и экспрессивность в сочетании с намеком на иждивение, что способствует формированию соответствующей реакции у читателей. Однако оба соответствия выпускают семы бесконтрольности и незаконности, что снижает степень адекватности обоих вариантов перевода.

5. Фрейм «поведение животных».

Слот 5.1. Агрессивные действия

Метафорами данного слота в основном обозначены действия органов власти, демонстрирующие суть их отношения к гражданам. Представители органов власти «потрошат», «клюют», «терзают», «шипят», что подразумевает безжалостность и необоснованную агрессию.

Негативное отношение органов власти к гражданам моделируется при помощи глагольной метафоры *выклевывать* (*выдергивать, вытаскивать клювом в несколько приемов* [БАС 2005, т. 3: 437]), актуализирующей семы резкости, стремительности, полной ликвидации и коннотацию агрессии:

*Тебе никто слова человеческого не говорил, на тебя человеческим взором никто не глянул – а только **выклевывали** железными клювами **из мозга твоего и из сердца**, ты кричал, ты стонал – а они смеялись* [Солженицын 2011: 183].

– *All they did was **to peck at your brain and heart** with iron beaks, and when you cried out or groaned, they laughed* [Whitney 1974: 181].

– *Keiner sprach zu dir ein menschliches Wort, keiner schenkte dir einen menschlichen Blick, sie **fraßen** dir bloß mit eisernem Schnabel **das Hirn und das Herz ab**, du schriest, du stöhntest – und sie lachten* [Peturnig 1974: 179].

Образный глагол *выклевывать* подвергается переводу с опорой на прием калькирования прямого значения. В данном контексте в силу специфики семантики глагола *to peck* /клевать; есть маленькими порциями/ (1) *to make strokes with the beak or a pointed instrument*; 2) *to pick or nibble at food (esp. followed by "at")* [Webster 1993] / 1) производить удары клювом либо остроконечным предметом; 2) брать и откусывать еду маленькими кусочками [перевод наш – В. С.] в переводе актуализируются семы ликвидации и затаянного характера, что уместно позволяет вызвать эмпатию к объектному актанту. Однако судя по содержанию и иллюстративному материалу соответствующей словарной статьи глагол *to peck* в американской лингвокультуре является коннотативно нейтральным. Здесь компенсаторную функцию принимает на себя образ *iron beaks* и общий контекст, которые воспроизводят коннотацию агрессии в переводе. Несмотря на преобразование сем «резкость» и «стремительность» в сему «затяжной характер», переводчик эффективно справляется с поставленной коммуникативной задачей при сохранении формы, ядерной семы ликвидации и коннотации агрессии, что говорит об адекватности перевода.

Немецкое соответствие *abfressen* /обгладывать, обгрызать/ (*vollständig fressen* [Wahrig 1994] / полностью съесть (о животных), обгладывать [перевод наш – В. С.]) актуализирует сему полного уничтожения / ликвидации. Рассматриваемый глагол категоризирует действие представителей органов власти как действие, осуществляемое животным, но не является эквивалентом глагола *выклевывать*, который описывает действия птиц и способствует возникновению образа хищной птицы. В связи с использованием функционально-адекватной замены образ в переводе генерализируется. С другой стороны, изначально присутствующее в данном фрагменте слово клюв (*Schnabel*) выполняет компенсаторную функцию, актуализируя именно образ птицы. Изменение формы, сохранение основного ядерного компонента значения и коннотации позволяют А. Петурниг справиться с коммуникативным заданием, что говорит об адекватности перевода.

Проведенный сопоставительно-переводческий анализ 116 зооморфных метафор позволил выявить специфику передачи исследуемых единиц с опорой на широкий спектр приемов перевода, используемых обоими переводчиками в той или иной мере. Количественная характеристика техники перевода зооморфных метафор на английский и немецкий языки представлена в таблице 2.

Таблица 2

Количественный сопоставительный анализ приемов перевода
зооморфных метафор

Образ сохранен	Перевод Т. Уитни	Наименование приема	Перевод А. Петурниг	Образ сохранен
63,63%	28,18%	подстановка переносного значения	20,75%	53,77%
	15,45%	калька прямого значения	18,87%	
	14,55%	калька переносного значения	13,21%	
	5,45%	сравнение	0,94%	
Изменен				Изменен
21,81%	6,36%	вариантное соответствие	7,55%	33,96%
	15,45%	функциональная замена	22,64%	
	0	фразеологизм	3,77%	
Исчез				Исчез
14,55%	12,73%	деметафоризация	11,32%	12,26%
	1,82%	опущение	0,94%	

Представленные в таблице данные позволяют сделать следующие выводы. Ведущим приемом при переводе зооморфных метафор на английский язык является подстановка переносного значения. Данный прием составил 28,18%. Особенностью данного приема является его применимость к переводу исключительно узуальных метафор, поэтому этот показатель указывает на сходство (тождественность) метафорического переосмысления рассмотренных денотатов в языковой паре.

При переводе зооморфных метафор на немецкий язык доминирует прием функционально-адекватной замены (22,64%), который допускает трансформацию образа в целях сохранения релевантных содержательных компонентов и коннотаций. В целом А. Петурниг либеральнее (33,96% по сравнению с 21,81% Т. Уитни) относится к вопросу сохранения оригинального образа, о чем также говорит наличие случаев перевода метафоры фразеологизмом (3,77%). При переводе зооморфных метафор Т. Уитни таких случаев зафиксировано не было.

В заключение стоит отметить, что в работе Т. Уитни тенденция к сохранению образа является более выраженной (63,63%), чем в переводе А. Петурниг (53,77%), как за счет использования доминирующего приема подстановки переносного значения, так и за счет более частого использования сравнительных оборотов (5,45%).

2.1.2. Фитоморфная метафора

Доля фитоморфных метафор в исследуемом произведении составила 5,52%. Образы живой природы традиционны для человеческого сознания и составляют модель, которая помогает метафорически концептуализировать окружающую реальность. Этот факт объясняется их связью с архетипическим восприятием мира [Чудинов 2001: 145]. Представим результаты сопоставительно-переводческого анализа фитоморфных метафор с опорой на фреймово-слотовый анализ.

1. Фрейм «состав царства растений».

Негативное восприятие заключенным окружающей его действительности автор передает сквозь призму образа *полынь* (*перен. разг. о ком-либо, чем-либо неприятном, доставляющем огорчения, боль и т. п.* [БАС 2011, т. 18: 576]), актуализирующего ядерные семы эмоционального состояния и неприятных ощущений, а также периферийные семы «боль», «огорчение»:

Полынь во рту! Жизнь, которую Юрий сохраняет, уже не мила ему сама по себе [Солженицын 2011: 215].

– *Wormwood on the tongue! That life which Yuri had preserved was no longer precious to him for its own sake* [Whitney 1974: 218].

– *Bitterkeit auf den Lippen! Das Leben, das sich Jurij bewahrt, ist ihm für sich allein nicht mehr lieb* [Peturnig 1974: 213].

Переводческое соответствие *wormwood* /полынь/ способно актуализировать тождественные ядерные семы и схожие периферийные семы (*something bitter, grievous, or extremely unpleasant; bitterness* [Webster 1993] / что-то горькое, мучительное или чрезвычайно неприятное; горечь, разочарование [перевод наш – В. С.]). Стоит обратить внимание, что денотат *wormwood* обладает потенциалом транслирования смыслов, заложенных в устойчивое словосочетание *gall and wormwood* /нечто ненавистное, постылое/ (*bitterness of spirit; deep resentment* [Webster 1993] / душевное разочарование, глубокое чувство негодования, возмущения [перевод наш – В. С.]), расширяя спектр периферийных сем. Подстановка переносного значения способствует возникновению у американского читателя нужной реакции при сохранении единства плана выражения и плана содержания, что говорит о высокой степени адекватности перевода.

С целью актуализации ядерных сем «эмоциональное состояние» и «неприятные ощущения» А. Петурниг изменяет форму, используя функционально-адекватную замену *Bitterkeit* /горечь/ (*fig bitteres (verbittert, unfroh, an nichts mehr Freude habend) Wesen, Verbitterung* [Wahrig 1994] / перен. горькое (озлобленное, безрадостное) существование, озлобленность, ожесточенность [перевод наш – В.С.]). Переводческое соответствие *Bitterkeit* привносит периферийные семы ожесточенности и озлобленности, что не мешает корректной интерпретации образа. Таким образом, реализация коммуникативного задания потребовала изменения формы, что незначительно снизило степень адекватности перевода.

2. Фрейм «части растения».

Слот 2.1. Плоды, семена, зерна

Образ *плода* (перен. результат, итог какой-либо деятельности, каких-либо действий, усилий [БАС 2011, т. 17: 82]), актуализирующий ядерные семы

«усилия», «результат», задействован для обозначения результативности деятельности в следующем контексте:

*Вероятно, достойный суд есть самый поздний **плод** самого зрелого общества, либо уж надо иметь царя Соломона [Солженицын 2011: 285].*

– *In all probability, an excellent judicial system is the last **fruit** of the most mature **society**, or else one needs a Solomon [Whitney 1974: 287].*

– *Wahrscheinlich ist ein würdiges Gericht die allerspätteste **Frucht** einer Vollreifen **Gesellschaft**, wenn man nicht gerade auf einen König Salomo zurückgreifen kann [Peturnig 1974: 280].*

При сохранении формы анализируемые варианты перевода **fruit** /фрукт, плод/ (*anything produced or accruing; product, result, or effect [Webster 1994]*) / что-либо произведенное или нарастающее в объеме / количестве; продукт, результат или эффект [перевод наш – В. С.] и **Frucht** /плод, фрукт/ (*mst Pl. ein positives Ergebnis einer Anstrengung, einer Handlung [Langenscheidts 1993]*) / положительный результат приложенных усилий, совершенных действий [перевод наш – В. С.] верно транслируют ядерные компоненты смыслового содержания, поэтому способны вызвать у читателя запланированную реакцию. Прием подстановки переносного значения позволяет добиться адекватного перевода в обоих языках.

Результаты деятельности правоохранительных органов также предстают в образе **плодов**, но оба переводчика меняют переводческую тактику:

*И братская жалость разнимала меня к труду того безвестного человека, которого арестовали минувшей ночью, а **плоды** обыска вытряхнули к утру на паркетный пол пыточного кабинета к ногам четырехметрового Сталина [Солженицын 2011: 144].*

– *And brotherly pity ached in me for the labor of that unknown person who had been arrested the previous night, these **spoils** from the search of his premises having been dumped that very morning on the parquet floor of the torture chamber, at the feet of that thirteen-foot Stalin [Whitney 1974: 137].*

– *Brüderliches Mitleid griff mich an: mit dem Unbekannten, den sie in der vergangenen Nacht verhaftet hatten, und mit seinem Werk, das sie am Morgen,*

Ergebnis ihrer Haussuchung, auf dem Parkettboden der Folterkammer zu den Füßendes vier Meter hohen Stalin ausgeschüttet hatten [Peturnig 1974: 137].

С целью передачи ядерных компонентов значения Т. Уитни использует функционально-адекватную замену *spoils* /добыча, награбленное добро/ (*booty, loot or plunder taken in war or robbery* [Webster 1993] / добро или добыча, полученная незаконным путем на войне или при ограблении [перевод наш – В. С.]). Переводческое соответствие *spoils* привносит коннотацию незаконности предпринимаемых действий. В американском переводе представители правоохранительных органов предстают в образе мародеров и грабителей, что в целом не противоречит композиционной структуре произведения. Данный прием помогает сформировать у читателя негативное отношение к их деятельности. Коммуникативная задача выполнена. Перевод обладает высокой степенью адекватности.

Реализуя коммуникативное намерение автора, прием демегафоризации (*Ergebnis* – результат, следствие) нивелирует образность в данном фрагменте, что говорит о сниженной степени адекватности немецкого перевода.

Автор акцентирует внимание читателя на масштабности заговоров, используя метафорически употребленное слово *гроздь* (скопление плодов или цветков на одной ветке [БАС 2006, т. 4: 416]), актуализирующее ядерные семы количества и однородности референтов.

Успевали ли стать хоть ногою на землю Архипелага участники заговоров, раскрывавшихся гроздьями, каждая губерния свой <...> или не успевали и потому не относятся к предмету нашего исследования? [Солженицын 2011: 44]

– *Did the participants in **the clusters** of plots uncovered in every province <...> at least succeed in setting foot on the land of the Archipelago, or did they not – and are they therefore not related to the subject of our investigations?* [Whitney 1974: 29]

– *Und die Teilnehmer an den **zuhauf** entlarvten Verschwörungen in den Provinzen, für jedes Gouvernement eine eigene <...>? Haben sie auch nur mit einem Fuß das Inselreich betreten, oder waren sie nicht mehr dazugekommen, gehören somit nicht zum Gegenstand unserer Untersuchung?* [Peturnig 1974: 37]

Английское соответствие *cluster* /*кисть, гроздь*/ в отличие от оригинальной метафоры, которая является окказиональной, относится к узуальным знакам вторичной системы номинации. В связи с этим экспрессивность переводной метафоры в контексте предложения в некоторой степени утрачена. Переносное значение *a group of things or persons close together* [Webster 1993] (*группа находящихся поблизости предметов или людей* [перевод наш – В. С.]) актуализирует семы определенного количества и однородности референтов. Таким образом, калькирование прямого значения передает метафорический смысл при сохранении формы. Незначительное снижение экспрессивности не мешает реализации коммуникативного задания, поэтому перевод является адекватным.

В немецком языке образная основа вторичной номинации преобразована в результате функционально-адекватной замены *zuhauf* /*кучами, толпами*/ (*in großer Menge oder Zahl* [Langenscheidts 1993] / *в большом количестве или числе* [перевод наш – В. С.]). Трансформация направлена на сохранение ядерных компонентов значения, что необходимо для реализации коммуникативного намерения и обеспечения адекватного перевода.

3. Фрейм «жизненный цикл растений и участие в нем человека».

Слот 3.1. Жизненный цикл растений

Регрессивные тенденции в правовой сфере маркированы глагольной метафорой *обрасти* (*перен. неодобрит. опускаться духовно, погрязать в чем-либо, коснеть* [БАС 2009, т. 13: 284]), которая содержит ядерные семы состояния закрытости и отсталости, а также несет коннотацию регресса и отрицательной оценки (неодобрение).

Все статьи обросли истолкованиями, указаниями, инструкциями [Солженицын 2011: 288].

– *All the articles of the Code had become encrusted with interpretations, directions, instructions* [Whitney 1974: 290].

– *Eine Hecke von Auslegungen, Nachträgen und Instruktionen umrankt einen jeden StGB-Paragraphen* [Peturnig 1974: 283].

Т. Уитни использует функционально-адекватную замену *encrust* /покрываться коркой/ (*to deposit as a crust* [Webster 1993] / сформировать поверхностный слой, корку [перевод наш – В. С.]). Семантика переводного эквивалента *encrust* говорит о его соотнесенности с категорией неживой природы.

А. Петурниг использует более экспрессивную функционально-адекватную замену, которая буквально переводится как «кустарник истолкований <...> окружает усиками» (*die Hecke* /кустарник/ (*Umzäunung aus Büschen und Sträuchern; dichtes Gestrüpp* [Wahrig 1994] / изгородь из кустов и кустарников; густой кустарник [перевод наш – В. С.]), *umranken* (*mit Ranken umgeben* [Wahrig 1994] / окружать усиками (ползучего растения) [перевод наш – В. С.])). Прежде всего стоит отметить высокую степень окказиональности и вытекающей отсюда экспрессивности задействованных переводчиками образов. Оба варианта справляются с задачей сохранения ядерных компонентов значения и негативных оценочных коннотаций, порождая ассоциации возникающих на пути препятствий. В обоих переводах коммуникативное намерение реализовано, поэтому оба варианта являются адекватными.

Глагол *назреть* (*перен. приближаться, становиться неизбежным* [БАС 2008, т. 11: 157]) содержит семы свершения, постепенности, закономерности, отсутствия альтернативы, а также коннотации предсказуемости и неизбежности.

Она стала естественным оправданием уже назревшей всеобщей секретности, запрета информации, закрытых дверей, системы пропусков, огороженных дач и тайных распределителей [Солженицын 2011: 77].

– *It became the natural justification for increasingly widespread secrecy, the withholding of information, closed doors and security passes, fenced-off dachas and secret, restricted special shops* [Whitney 1974: 63].

– *Sie wurde die natürliche Rechtfertigung für die bereits in Mode kommende allgemeine Verheimlichung, für das Informationsverbot, die verschlossenen Türen, das Propusk-System, die abgeschirmten Datschen und die heimlichen Kaufläden* [Peturnig 1974: 70].

В своем переводе Т. Уитни обозначает широкую распространенность атмосферы закрытости посредством приема демегафоризации *increasingly widespread secrecy* (дословно *все более распространившаяся секретность*), стирая семы закономерности и отсутствия альтернативы, а также коннотации предсказуемости и неизбежности. В данном случае экспрессивность оригинальной метафоры является важным элементом при реализации коммуникативного намерения, поэтому степень адекватности снижена.

А. Петурниг апеллирует к образу модных тенденций *in Mode kommende allgemeine Verheimlichung* (дословно *входящая в моду всеобщая секретность*). Функционально-адекватная замена преобразует денотативную соотнесенность метафорической единицы в социоморфную. Замена образа трансформирует ядерные компоненты значения: актуализируются семы актуальности, постепенности и распространенности, что не противоречит коммуникативному намерению автора. Однако в силу нивелирования авторских коннотаций мы считаем степень адекватности перевода сниженной.

Слот 3.2. Уход за растениями и уборка урожая

Образ сеятеля (*перен. тот, кто распространяет какие-либо идеи, мысли, настроения и т. п. среди людей* [БАС 2019, т. 25: 457]) использован для актуализации ядерных сем «распространитель информации» и коннотации «высокая скорость».

В тылу первый же военный поток был – распространители слухов и сеятели паники, по специальному внекодекскому Указу, изданному в первые дни войны [Солженицын 2011: 91].

– *In the rear, the first wartime wave was for those spreading rumors and panic. That was the language of a special decree, outside the Code, issued in the first days of the war* [Whitney 1974: 78].

– *Im Hinterland war der erste Kriegsstrom jener der Gerüchte- und Panikmacher; in den ersten Tagen wurde ein einschlägiger außerordentlicher Ukas erlassen* [Peturnig 1974: 83].

В английском языке в контексте фразы *распространители слухов и сеятели паники* происходит контаминация: *for those spreading rumors and panic* (дословно *для тех, кто распространяет слухи и панику*), возможная благодаря тождественности ядерных сем номинаций *распространители* и *сеятели*, что представляет собой прием опущения и приводит к утрате оригинального образа, коннотирующего высокую скорость распространения информации. Степень адекватности снижена, но коммуникативное задание выполнено.

А. Петурниг использует вариантное соответствие *Panikmacher* /разг. *паникер*/ в комбинации с графическими средствами (выделено курсивом в оригинальном тексте перевода). Обозначающее актант существительное *Panikmacher* образовано от слова *Panikmache* /разг. *паникерство*/ (*gespr pej der Versuch, anderen Angst zu machen, indem man eine Gefahr größer darstellt, als sie tatsächlich ist* [Langenscheidts 1993] / разг. *пренебр. попытка напугать кого-либо, при которой масштабы опасности преувеличены* [перевод наш – В. С.]), категориально относящегося в переводоведении к классу реалий. Подобное решение способствует адекватной передаче содержания метафоры и сохранению образности, что говорит об адекватности перевода.

Проведенный сопоставительно-переводческий анализ 30 фитоморфных метафор позволил выявить специфику передачи исследуемых единиц с преимущественной опорой переводчиков на подстановку переносного значения, функционально-адекватную замену и прием демегафоризации. Количественная характеристика техники перевода фитоморфных метафор на английский и немецкий языки представлена в таблице 3.

Количественный сопоставительный анализ приемов
перевода фитоморфных метафор

Образ сохранен	Перевод Т. Уитни	Наименование приема	Перевод А. Петурниг	Образ сохранен
63,33%	40%	подстановка переносного значения	40%	53,33%
	13,33%	калька прямого значения	10%	
	10%	калька переносного значения	3,33%	
	0	сравнение	0	
Изменен				Изменен
20%	3,33%	вариантное соответствие	6,67%	36,67%
	16,67%	функциональная замена	26,67%	
	0	фразеологизм	3,33%	
Исчез				Исчез
16,66%	13,33%	деметафоризация	10%	10%
	3,33%	опущение	0	

Исходя из данных, приведенных в таблице, ведущим приемом при переводе фитоморфных метафор как на английский, так и на немецкий язык является подстановка переносного значения, на долю которого приходится 40% в обоих языках. Передача рассматриваемого типа метафор характеризуется тенденцией к сохранению оригинального образа в обоих переводах. В англоязычном переводе данная тенденция более выражена (63,33%) за счет более широкого использования приема калькирования переносного значения (10% по сравнению с 3,33%).

При передаче фитоморфных метафор оба переводчика также широко используют прием функционально-адекватной замены. При этом А. Петурниг либеральнее (36,67% по сравнению с 20% Т. Уитни) относится к вопросу сохранения оригинального образа, что обусловлено более частыми функционально-адекватными заменами (26,67%). В англоязычном переводе тенденция к нивелированию образности является более выраженной (16,66% по

сравнению с 10%) за счет более широкого использования приема демегафоризации (13,33%).

Передача фитоморфных метафор на английский язык характеризуется отсутствием случаев использования фразеологизмов и сравнения. В немецком переводе А. Петурниг отсутствуют случаи использования сравнения и опущения фитоморфных метафорических единиц.

2.1.3. Метафора неживой природы

Метафоры неживой природы традиционны для человеческого сознания. Этот факт объясняется их связью с архетипическим восприятием мира [Чудинов 2001: 145]. Важная особенность метафор неживой природы заключается в том, что они привносят перспективу невозможности активного вмешательства в ход событий [Будаев 2024: 32]. Доля метафор неживой природы в исследуемом произведении составила 12,7%. Представим результаты сопоставительно-переводческого анализа метафор неживой природы с опорой на фреймово-слотовый анализ оригинальных русских метафорических единиц.

1. Фрейм «природные явления».

Слот 1.1. Стихия

Образ стихии транслирует ядерные семы «общественное явление», «неорганизованность» и «неконтролируемость» (*какое-либо явление общественной жизни, не поддающееся регулирующему воздействию людей* [БАС, т. 27, 2021: 716]), а также коннотацию высокой интенсивности и риска нежелательных последствий (*явление природы, выступающее как могучая, трудно преодолимая и часто разрушительная сила* [БАС 2021, т. 27: 716]):

*Но в Главной политической тюрьме такое событие не может быть доверено **стихии*** [Солженицын 2011: 203].

– *But in the Chief Political Prison such an important event could not be left to **chance*** [Whitney 1974: 204].

– *In der obersten politischen Strafanstalt kann ein solches Ereignis mitnichten der Spontaneität überlassen bleiben* [Peturnig 1974: 200].

С целью передачи ядерных сем содержания метафорической единицы оба переводчика прибегают к приему демегафоризации. Переводческое соответствие *chance* /шанс; случайность/ (*the way something happens without being planned* [Webster 1993] / когда что-то случается незапланированно [перевод наш – В. С.] содержит ядерную сему незапланированности и коннотацию неожиданности. Семное содержание немецкого соответствия *der Spontaneität* /стихийность; спонтанность/ (*etwas schnell und einem plötzlichen inneren Antrieb folgend* [Wahrig 1994] / события / явления, быстро происходящие в результате внезапно возникшего импульса [перевод наш – В. С.] является более дискретным: отсутствие намерения, внезапность и высокая скорость. Оба переводчика отказываются от сохранения образа с целью передачи оригинальных ядерных сем содержания и коннотаций, поэтому можно говорить о корректной передаче коммуникативного намерения и, соответственно, об адекватности переводческих решений.

В следующем контексте наблюдается яркий акцент на семах «неуправляемость» и «разрушительные последствия»:

Поток – это стихия, это даже сильнее самих Органов, и тут уж никто тебе не поможет, чтобы не быть и самому увлеченному в ту же пропасть [Солженицын 2011: 160].

– *A wave is a natural catastrophe and is even more powerful than the Organs themselves. In this situation, no one was going to help anyone else lest he be drawn into the same abyss himself* [Whitney 1974: 156].

– *Ein Strom ist eine Elementargewalt, stärker sogar als die Organe selbst, und da, da lassen dich alle und jeder im Stich, um nur ja nicht selbst in den gleichen Abgrund geschwemmt zu werden* [Peturnig 1974: 155].

При переводе на английский язык использована функционально-адекватная замена *a natural catastrophe* /природная катастрофа/. Прилагательное *natural* имплицитно содержит сему неуправляемости (зависимости от природы), а также позволяет остаться в рамках фрейма неживой природы и сохранить образность.

При сохранении экспрессивности денотат *catastrophe* (*a sudden and widespread disaster* [Webster 1993] / *внезапное, широко распространенное бедствие* [перевод наш – В. С.]) эксплицирует сему разрушительных последствий благодаря наличию переносного значения *any misfortune, mishap, or failure* [Webster 1993] / *несчастье, неприятное происшествие, неудача или провал* [перевод наш – В. С.]. Коммуникативное задание выполнено, поэтому перевод является адекватным.

В немецком языке прием калькирования переносного значения *eine Elementargewalt* /*стихийная сила*/ воспроизводит оригинальную форму. Контекст наделяет переводческое соответствие семой «общественное явление», семы неуправляемости и разрушительных последствий присутствуют в структуре лексического значения *eine Elementargewalt* (*starke (oft zerstörende) Kraft einer Naturerscheinung* [Wahrig 1994] / *мощная (зачастую) разрушительная сила явления природы* [перевод наш – В. С.]). Коммуникативное намерение реализовано, поэтому перевод является адекватным.

Слот 1.2. Природные явления

В своем произведении автор обращается к образам природных явлений. Образ грозы (ненастья с громом и молнией) используется для метафорической характеристики общественного явления, а именно: для описания последствий войны (*перен. бурное событие, потрясение; беда, опасность* [БАС 2006, т. 4: 416]), актуализируя семы «негативные последствия», «бедствия / лишения», «эмоциональное потрясение».

Когда же утихли все военные грозы, в 1922 г. нарсуды получили право присуждать к десяти годам и потеряли право присуждать меньше, чем к шести месяцам [Солженицын 2011: 300].

– *And in 1922, when all threats of war had died down, the people's courts got the right to impose sentences of up to ten years and lost the right to sentence anyone to less than six months* [Whitney 1974: 302].

– *Als sich dann 1922 alle Stürme des Krieges gelegt hatten, wurde den Volksgerichten das Recht beschert, zu zehn Jahren, und das Recht entzogen, zu weniger als sechs Monaten zu verurteilen* [Peturnig 1974: 294].

В английском языке экспрессивность и адекватность снижена в связи с употреблением слова в прямом значении – угрозы войны (*threats of war*). Т. Уитни использует прием деметафоризации.

Касательно перевода на немецкий язык сложность состоит в том, что за словом *Sturm* закреплены два относящихся к совершенно разным понятийным сферам денотата (гроза / буря и атака), что приводит к неоднозначности образа. При этом окказиональное вторичное значение формируется под влиянием узуального переносного значения немецкого соответствия *Sturm* (*heftige Erregung; Aufruhr, Tumult* [Wahrig 1994] / *сильное волнение; переполох, суматоха* [перевод наш – В. С.]), выводя на первый план семы эмоциональной нестабильности, высокой интенсивности и неконтролируемости. Мы считаем, что в данном контексте трансформация состава ядерных сем не мешает выполнению коммуникативного задания. Прием калькирования переносного значения помогает достичь адекватности перевода при сохранении формы.

Слот 1.3. Стихийные бедствия

Осуществляемое водой действие *затопить* имеет переносное значение *полностью поглощать, охватывать кого-л. (о чувстве, состоянии)* [БАС 2006, т. 6: 567], в структуре которого можно выделить ядерные семы «эмоциональное состояние» и «высокая интенсивность», а также коннотацию утраты способности к рациональному мышлению.

Внутренне переполнение горя затопляет нам глаза – а то какие бы мы были историки для наших мучителей! [Солженицын 2011: 150]

– *A surfeit of inner grief floods our eyes. Otherwise what historians of our torturers we would be!* [Whitney 1974: 144]

– *Das randvolle Leid macht uns blind – was für vorzügliche Chronisten wären wir sonst unseren Peinigern geworden!* [Peturnig 1974: 144].

Английский глагол *to flood* /затоплять/ (*to overwhelm with an abundance of something* [Webster 1993] / *переполнять в результате изобилия / избытка* [перевод наш – В. С.]) имплицитно не содержит сему эмоций, чувств. Однако в этом случае калькирование переносного значения позволяет сохранить образность и

экспрессивность, так как в предложении компенсаторную функцию выполняет прямая номинация чувства (горе), уподобляемого стихийной силе воды. Данный вариант перевода обеспечивает реализацию коммуникативного задания, поэтому его можно назвать адекватным.

В немецком языке функционально-адекватная замена переводит метафору рассматриваемого типа в категорию морбиальной (*macht uns blind* – дословно: *делает нас слепыми* [перевод наш – В. С.]), сохраняя экспрессивность, но трансформируя образность с целью передачи ядерных компонентов значения «интеллектуальная характеристика» и «потеря способности рационально мыслить» (здесь авторская коннотация приобретает статус ядерной семы в переводном произведении). При этом утрата ядерных сем «эмоциональное состояние» и «высокая интенсивность» компенсируется контекстуальным значением слова «горе». Данная трансформация способствует реализации коммуникативного намерения и обеспечивает адекватный перевод.

2. Фрейм «огонь».

Лексические единицы данного фрейма / слота активно задействованы в метафорическом описании чувств и эмоций. Так, слово *жечь* используется в переносном значении *причинять нравственные страдания, тревожить, мучить* [БАС 2006, т. 5: 626], актуализируя семы эмоционального состояния, тревоги, муки, переживаний.

Как потом в лагерях жгло: а что, если бы каждый оперативник, идя ночью арестовывать, не был бы уверен, вернется ли он живым, и прощался бы со своей семьей? [Солженицын 2011: 30]

– *And how we burned in the camps later, thinking: What would things have been like if every Security operative, when he went out at night to make an arrest, had been uncertain whether he would return alive and had to say good-bye to his family?* [Whitney 1974: 14]

– *Im Lager später wurmte es einen: Was, wenn jeder von ihnen nicht sicher gewesen wäre, ob er vom nächtlichen Einsatz zurückkäme; wenn er sich von seiner Familie zu verabschieden gehabt hätte?* [Peturnig 1974: 22]

С одной стороны, переводческое соответствие *burn* /жечь, сжигать/ (*to feel strong emotion or passion* [Webster 1993] / испытывать сильные эмоции или страсть [перевод наш – В. С.]), представляющее собой результат приема калькирования переносного значения, генерализирует категорию испытываемых эмоций, нивелируя авторский акцент на тревоге и страданиях. Однако в силу наличия у глагола *burn* еще одного значения *to feel extreme anger* [Webster 1993] / испытывать сильное чувство гнева [перевод наш – В. С.] появляется высокая вероятность актуализации семы сильного гнева, отсутствующей в оригинале, что приводит к некорректной интерпретации эмоционального состояния, искажая коммуникативное намерение. Таким образом, при переводе на английский язык наблюдается снижение степени адекватности.

Функционально-адекватная замена *wurmen* /раздражать/ (*ständig oder nachhaltig ärgern* [Wahrig 1994] / регулярно или упорно сердить [перевод наш – В. С.]) позволяет сохранить экспрессивность, но порождает аналогичную проблему. В переводе природа эмоций трансформируется: «оригинальная» тревога преобразуется в немецкой версии в гнев. Данный факт снижает степень адекватности обоих вариантов перевода.

В следующем фрагменте подход к переводу метафорически употребленного слова *жгло* иной:

Я не только не готов был перерезать теплые связи с миром, но даже отнятие при аресте сотни трофейных фаберовских карандашей еще долго меня жгло [Солженицын 2011: 140].

– *Not only was I not in the least prepared to cut my cozy ties with earth, I was even quite angry for a long time because a hundred or so Faber pencils had been taken away from me when I was arrested* [Whitney 1974: 133].

– *Nicht nur, daß ich nicht bereit war, die warmen Lebensfäden hinter mir zu durchtrennen, plagte mich auch noch lange der Gedanke an die bei der Verhaftung beschlagnahmten hundert Beute-Bleistifte der Marke Faber* [Peturnig 1974: 134].

Оба переводчика опираются на прием деметафоризации. Однако английское выражение *was quite angry* /был достаточно зол/ эксплицирует эмоцию гнева,

трансформируя природу испытываемых героем эмоций. Наблюдается значительное снижение степени адекватности. В немецком языке выражение *der Gedanke plagte* /мысль терзала/ воспроизводит подразумеваемые автором семы муки и беспокойства. Вариант А. Петурниг является адекватным.

По контексту метафорическое моделирование тревожного эмоционального состояния также осуществляется при помощи глагола *выжигать* (истреблять, уничтожать огнем; перен. предавать забвению, уничтожать [БАС 2005, т. 3: 408]), актуализирующего семы мук, тревоги, высокой интенсивности и коннотацию последующей душевной опустошенности.

Мы еще усиленнее забегали в нашем ящике, нас выжигало [Солженицын 2011: 275].

– *We started running about our box even more agitatedly than before. We were on hot coals* [Whitney 1974: 275].

– *Nun liefen wir mit verdoppelter Unrast in unserem Kasten umher* [Peturnig 1974: 269].

Прилагательное *hot* /горячий/ относится к категории общеупотребительной лексики, поэтому не обладает выраженной экспрессивностью, сохранить некоторую степень которой помогает образ *coals* /угли/. Мы предполагаем, что слово *coals* /угли/ вызовет у американского читателя ассоциации с выражением *to rake over the coals* (to reprimand; scold [Webster 1993] /делать выговор; ругать [перевод наш – В. С.]), актуализирующим семы проступка и последующего наказания. Таким образом, в результате функционально-адекватной замены коммуникативный акцент смещается на факт проступка / преступления, что говорит о снижении степени адекватности, так как в оригинале автор акцентирует внимание прежде всего на психоэмоциональном состоянии заключенных. Более того, на снижение степени адекватности данного варианта перевода указывает его коннотативная нейтральность.

Прием опущения, использованный А. Петурниг, является вполне обоснованным. Смысл оригинальной метафоры имплицитно присутствует на уровне всего предложения, концентрируясь в слове *Unrast* /беспокойство,

суетливость/. В данном случае изменение синтаксической структуры и нивелирование образности не является основанием считать перевод неадекватным.

Рассмотрим технику перевода глагола **выжигать** (*перен. предавать забвению, уничтожать* [БАС 2005, т. 3: 408]), актуализирующего семы «воздействие», «высокая интенсивность» и «полная ликвидация»:

Эту вредную публику Сталин выжигал в те же годы, что и Гитлер [Солженицын 2011: 72].

– *A harmful group which Stalin undertook to smoke out during the years when Hitler was doing the same thing* [Whitney 1974: 59].

– *Dieses üble Völkchen knüpfte sich Stalin in denselben Jahren wie Hitler vor* [Peturnig 1974: 66].

Словосочетание **undertook to smoke out** /занимался выкуриванием/, где носителем образности выступает фразовый глагол **smoke out** /выкуривать/ (*to drive from a refuge by means of smoke* [Webster 1993] /вынудить покинуть убежище, используя дым [перевод наш – В. С.]), является экспрессивно насыщенным и передает коннотации напряженности и накаленной обстановки в обществе, что в принципе согласуется с коммуникативным намерением автора. Трансформация образа, направленная на сохранение ядерных компонентов значения оригинальной метафоры, способствует реализации коммуникативного задания. Функционально-адекватная замена позволяет добиться высокой степени адекватности перевода.

Соотнесенность выражения **sich jemanden vorknüpfen** /отчитать кого-либо/ (*jemanden für einen Fehler oder für sein schlechtes Verhalten tadeln* [Langenscheidts 1993] /осуждать за ошибку или плохое поведение [перевод наш – В. С.]) с разговорным стилем позволяет говорить о его экспрессивности в канве предложения. Однако прагматика выражения нейтрализует сему насилия, которая является смыслообразующей в данном контексте. В результате демегафоризации степень адекватности снижена.

3. Фрейм «вода».

Слот 3.1. Водные объекты

Эмоциональное состояние автор обозначает наименованием географического объекта *озеро* (*естественный, замкнутый в берегах, обычно большой водоем в углублении суши* [БАС 2009, т. 13: 598]), актуализирующим семы «эмоции» и «избыток».

И наконец, еще есть разряд людей, у которых грудь слишком переполнена, глаза слишком много видели, чтобы можно было выплеснуть это озеро в нескольких бессвязных выкриках [Солженицын 2011: 34].

– *And then, last of all, there is the person whose heart is too full of emotion, whose eyes have seen too much, for that whole ocean to pour forth in a few disconnected cries* [Whitney 1974: 17].

– *Und schließlich gibt es jenen Schlag Menschen, deren Brust randvoll ist, deren Augen zuviel gesehen haben, als daß sich diese Flut in einigen zusammenhanglosen Aufschreien hätte ergießen können* [Peturnig 1974: 27].

Оба переводчика используют функционально-адекватную замену с близкими к оригиналу, но не идентичными образами. Контекстуальное значение лексической единицы *ocean* /океан/ (*a vast expanse or quantity* [Webster 1993] /огромное пространство или количество [перевод наш – В. С.]) передает ядерные семы «эмоции» и «большое количество». Метафорическая единица *Flut* /прилив, наводнение/ (*eine große Menge von etwas (das plötzlich und unerwartet auftritt)* [Langenscheidts 1993] /большое количество чего-либо (что может неожиданно проявиться) [перевод наш – В. С.]) наряду с ранее перечисленными ядерными семами способна актуализировать семы отсутствия «до» и неожиданного проявления. Таким образом, данные соответствия имеют высокую степень конвенциональности в контексте своих лингвокультур, что при незначительном снижении степени экспрессивности повышает вероятность корректной интерпретации прагматического смысла как американским, так и немецким читателем. В связи с тем, что в анализируемом фрагменте оригинальный образ не

является обязательным для воспроизведения, мы считаем коммуникативное намерение реализованным, а переводы адекватными.

4. Фрейм «земля».

Слот 4.1. Объекты

Образ глыбы (*большой бесформенный обломок твердого вещества или плотной массы чего-либо* [БАС 2006, т. 4: 179]), способной обрушиться, транслирует сему совокупности обстоятельств и несет коннотацию потенциальной угрозы и опасности:

И все-таки эта глыба долго могла б на него не обрушиться, но, зазнавшись, он отказал некоему прокурору в стройматериалах для дачи [Солженицын 2011: 199].

– *Nonetheless, the avalanche might not have overwhelmed him had he not grown overconfident and refused to supply building materials for a certain prosecutor's dacha* [Whitney 1974: 200].

– *Und doch hätte dieses Schwert noch lange über ihm hängenbleiben können, wenn er nicht im Übermut des Erfolges einem gewissen Staatsanwalt die Lieferung von Baumaterial für dessen Landhaus ausgeschlagen hätte* [Peturnig 1974: 196].

С целью экспликации прагматических смыслов оба переводчика прибегают к функционально-адекватным заменам. Т. Уитни преобразует образ глыбы в стихийное бедствие *avalanche* /лавина/ (*anything like an avalanche in suddenness and destructiveness* [Webster 1993] / любое явление / событие, схожее с лавиной по признаку внезапности и разрушительности [перевод наш – В. С.]), что при высокой степени экспрессивности помогает сохранить в переводе ядерную сему в сочетании с коннотациями (внезапность и разрушительность). Подобная трансформация решает поставленную коммуникативную задачу, что позволяет охарактеризовать перевод как обладающий высокой степенью адекватности.

В немецком переводе идею нависшей угрозы и опасности воплощает денотат лексической единицы из артефактной понятийной области *das Schwert* /меч/. Прототипом для данной функционально-адекватной замены послужило узуальное выражение *das Schwert des Damokles hing über ihm* /над нами висел

дамоклов меч/ (jeden Augenblick konnte ihn das Unglück treffen [Wahrig 1994] / в каждую секунду с ним могло произойти несчастье [перевод наш – В. С.]). Переводческое соответствие *das Schwert /меч/* способно актуализировать семы совокупности обстоятельств при сохранении коннотаций опасности и внезапности. Коммуникативное задание выполнено в полной мере, поэтому перевод обладает высокой степенью адекватности.

Проведенный сопоставительно-переводческий анализ 69 метафор неживой природы позволил выявить специфику передачи исследуемых единиц с преимущественной опорой переводчиков на прием калькирования переносного значения, функционально-адекватную замену и прием демегафоризации. Количественная характеристика техники перевода метафор неживой природы на английский и немецкий языки представлена в таблице 4.

Таблица 4

Количественный сопоставительный анализ приемов
перевода метафор неживой природы

Образ сохранен	Перевод Т. Уитни	Наименование приема	Перевод А. Петурниг	Образ сохранен
39,22%	9,8%	подстановка переносного значения	11,76%	37,25
	5,88%	калька прямого значения	0	
	23,53%	калька переносного значения	23,53%	
	0	сравнение	1,96%	
Изменен				Изменен
35,29%	3,92%	вариантное соответствие	3,92%	45,09%
	31,37%	функциональная замена	33,33%	
	0	фразеологизм	7,84%	
Исчез				Исчез
25,49%	25,49%	демегафоризация	15,69%	17,64%
	0	опущение	1,96%	

Представленные в таблице данные позволяют сделать следующие выводы. Ведущим приемом при переводе метафор неживой природы как на английский, так и на немецкий язык является функционально-адекватная замена. Данный прием составил 31,37% и 33,33% соответственно. Также при передаче метафор неживой природы Т. Уитни (23,53%) и А. Петурниг (23,53%) часто используют прием калькирования переносного значения.

В немецкоязычном переводе тенденция к трансформации образа является более выраженной (45,09%), чем в англоязычном переводе (35,29%), за счет использования приема перевода фразеологизмом (7,84%). Т. Уитни чаще отказывается от сохранения образа в своем переводе за счет более широкого использования приема демегафоризации (25,49%).

В английском переводе Т. Уитни отсутствуют случаи использования фразеологизмов, сравнения и опущения. Передача метафоры неживой природы на немецкий язык характеризуется отсутствием случаев калькирования прямого значения.

2.1.4. Физиологическая метафора

В произведении объекты и процессы действительности метафорически моделируются при помощи / посредством лексических единиц понятийного поля «физиология». Прозрачность принципов метафорического переноса обуславливает «понятность» прагматического потенциала метафор данного типа. В силу этого отмечены их высокая продуктивность (14%) и детальная структурированность. Представим результаты сопоставительно-переводческого анализа физиологических метафор с опорой на фреймово-слотовый анализ русских метафорических единиц.

Представим результаты сопоставительного анализа переводов физиологических метафор.

1. Фрейм «тело и его части».

Слот 1.1. Части тела

С целью отрицательной характеристики представителей Петромгола используется адъективная метафора *бесхребетный* (разг. презрит. не имеющий твердости в характере, во взглядах; беспринципный [БАС 2004, т. 1: 620]):

Сменяется *бесхребетный* состав Петропомгола, газеты влаивают на «дурных пастырей» и «князей церкви», и разъяняется церковным представителям: не надо никаких ваших жертв! [Солженицын 2011: 344]

– *The spineless membership of the Petrograd Pomgol was changed...* [Whitney 1974: 346]

– *Der prinzipienlose Petrograder Pomgol wird gesäubert und in neuer Zusammensetzung etabliert...* [Peturnig 1974: 333]

Семантический анализ использованной метафоры показал, что основу образности составляет денотат *хребет*, представляющий собой в русской лингвокультуре символ труда и физической энергии [Ушаков 1998], что трудно поддается передаче на иностранный язык. В английском языке прагматический потенциал и образность сохраняются за счет использования вариантного соответствия *spineless* /беспозвоночный/ (*without moral force, resolution or courage; feeble* [Webster 1993] / не имеющий силы воли, решительности или храбрости; слабый [перевод наш – В. С.]). Однако в американской лингвокультуре денотат *spine* не является коннотированным [Webster 1993], что снижает степень экспрессивности метафорической единицы.

А. Петурниг реализует прием демегафоризации: *prinzipienlos* /безыдейный, беспринципный/ (*ohne Regeln oder Anders, nach deren jemand, eine Gruppe lebt* [Langenscheidts 1993] / не имеющий правил или других установок, согласно которым нужно жить [перевод наш – В. С.]). Несмотря на то, что перевод на немецкий язык лишен образности и экспрессивности и по этой причине выглядит менее адекватным на фоне английского перевода, оба варианта обеспечивают реализацию коммуникативного задания и являются адекватными.

Слот 1.2. Физические характеристики

Перевод метафорического выражения *осанка мысли* (*осанка* – внешний вид, манера держаться (о положении корпуса, складе фигуры) [БАС 2010, т. 14: 144]),

актуализирующего семы «интеллектуальные качества», «чувство достоинства», коннотацию представительности и эффекта заметности, потребовал трансформаций:

<...> *привычная властная осанка мысли озаряла его лицо* [Солженицын 2011: 235].

– <...> *his habitual powerful intelligence lit up his face* [Whitney 1974: 241].

– <...> *sich sein Gesicht in gewohnter herrischer Gedankenarbeit erhellte* [Peturnig 1974: 234].

С целью соблюдения речевых норм Т. Уитни использует прием опущения, стирая сему чувства достоинства и оригинальные коннотации. Передаче подлежит только ядерная сема «интеллектуальные качества»: *intelligence /умственные способности/ (manifestation of capacity for reasoning, understanding, and for similar forms of mental activity* [Webster 1993] / *проявление способности к аргументации, пониманию и другим формам умственной деятельности* [перевод наш – В. С.]). В данном контексте образ несет значительную коммуникативную нагрузку, поэтому потеря экспрессивности не позволяет реализовать коммуникативный эффект в полной мере, что приводит к снижению степени адекватности.

В результате функционально-адекватной замены физиологический образ преобразован в образ деятельности: *Gedankenarbeit /работа мысли, умственная деятельность/ (geistige Arbeit* [Wahrig 1994] / *умственный труд* [перевод наш – В. С.]). Изменение формы позволяет сохранить сему «интеллектуальные качества», актуализируя дополнительную сему процесса умственной деятельности, что не противоречит коммуникативной интенции автора. Однако утрата семы чувства достоинства, оригинальных коннотаций представительности и эффекта заметности снижает степень адекватности перевода (однако в меньшей степени, чем при использовании приема опущения при переводе на английский язык).

2. Фрейм «внутренние органы».

Образ *ребро* (одна из нескольких парных дугообразных костей, идущих от грудной кости в направлении к позвоночнику и составляющих грудную клетку

[БАС 2014, т. 23: 465]) участвует в моделировании личностной черты характера. Выражение **в ребрах** актуализирует ядерные семы характеристики сознания, высшей степени духовности и коннотации боли и страдания, которые и привели к качественным изменениям личности.

*Мы уже видели, что отделение церкви от государства понималось государством так, что сами храмы и все, что в них навешено, наставлено и нарисовано, отходят к государству, а церкви остается лишь та церковь, что в **ребрах**, согласно Священному Писанию [Солженицын 2011: 341].*

– *We have already had an opportunity to observe that the separation of church and state was so construed by the state that the churches themselves and everything that hung in them, was installed in them and painted in them, belonged to the state, and the only church remaining was that church which, in accordance with the Scriptures, lay **within the heart** [Whitney 1974: 342].*

– *Wir haben bereits erfahren, daß die Trennung von Kirche und Staat von letzterem dahingehend ausgelegt wurde, daß die Gotteshäuser als solche samt allem, was darin herumhing, – stand und gemalt war, dem Staate zufiele, während der Kirche nur jene Kirche zu bleiben hätte, die laut Heiliger Schrift **im inwendigen Menschen** lebte [Peturnig 1974: 330].*

Функционально-адекватная замена **within the heart** /сердце/ (*heart – the center of the total personality, esp. with reference to intuition, feeling, or emotion* [Webster 1993] / *личность как средоточие интуиции, чувств и эмоций* [перевод наш – В. С.]) способствует передаче оригинальных ядерных сем, смещая фокус в чувственно-эмоциональную сферу. Рассматриваемое соответствие не передает коннотации боли и страдания, что снижает степень экспрессивности, но не мешает достижению коммуникативного эффекта. Таким образом, здесь мы наблюдаем незначительное снижение степени адекватности.

Узуальное выражение **der inwendige Mensch** /внутренний человек/ (*an der Innenseite der Menschen befindlich* [Wahrig 1994] / *душевные качества, самосознание, душа человека* [перевод наш – В. С.]) также воспроизводит оригинальные ядерные семы, стирая коннотации боли и страдания. При

незначительном снижении степени экспрессивности функционально-адекватная замена способствует выполнению коммуникативного задания и позволяет добиться адекватного перевода.

3. Фрейм «физиология».

Слот 3.1. Физиологические действия

Метафорически употребленный глагол *захлебываться от раскаяния* (*захлебываться – говорить очень быстро, торопливо, взволнованно, с перебоями в дыхании* [БАС 2006, т. 6: 606]) содержит семы «эмоциональное состояние актанта», «высокая степень», «волнение» и «торопливость»:

Он захлебывался от раскаяния, он предлагал «разоблачить все тайны анархистов» [Солженицын 2011: 139].

– *He nearly choked with repentance; he proposed to “expose all the secrets of the Anarchists”* [Whitney 1974: 132].

– *Er überschlug sich in seiner Reue und bot „die Entlarvung aller Geheimnisse der Anarchisten“ an* [Peturnig 1974: 133].

С целью передачи ядерных сем Т. Уитни использует вариантное соответствие *choke* /*поперхнуться, подавиться/ (strangle; stifle; suffocate; unable to speak normally because of strong emotion* [Webster 1993] / *душить, задыхаться, задохнуться; испытывать трудности при говорении из-за сильных эмоций* [перевод наш – В. С.]). Контекст способствует сохранению семы «торопливость». Трансформация образа позволяет реализовать коммуникативное задание и добиться адекватного перевода.

В немецком языке в результате функционально-адекватной замены возникает окказиональная метафора *sich überschlagen* /*опрокидываться, перевертываться/ (sich meistens ohne Absicht um die eigene horizontale (Körper)Achse drehen; übertrieben sein* [Wahrig 1994] / *вращаться чаще всего непреднамеренно вокруг своей горизонтальной оси (корпуса); быть чрезмерным* [перевод наш – В. С.]), которая благодаря компенсаторной функции контекста транслирует семы «эмоциональное состояние актанта», «волнение», «торопливость», «избыток». Изменение образа позволяет сохранить

экспрессивность и воспроизвести коммуникативный эффект, что дает нам право говорить об адекватности перевода.

Слот 3.2. Физиологические состояния

С целью отрицательной характеристики современного лидера страны автор использует метафорически употребленное слово *жажда* (*перен. сильное желание чего-л., страстное стремление к чему-л.* [БАС 2006, т. 5: 561]):

Органы быстро бы не досчитались сотрудников и подвижного состава, и несмотря на всю жажду Сталина – остановилась бы проклятая машина! [Солженицын 2011: 30]

– *The Organs would very quickly have suffered a shortage of officers and transport and, notwithstanding all of Stalin's thirst, the cursed machine would have ground to a halt!* [Whitney 1974: 13]

– *Bald hätten die Organe Mangel an Personal und Fahrzeugen verspürt, und es wäre das verfluchte Räderwerk trotz Stalins Eifer zum Stillstand gekommen!* [Peturnig 1974: 23]

В американской лингвокультуре лексическая единица физиологического понятийного поля *thirst* /жажда/ также используется в качестве вторичной номинации (*strong or eager desire, craving* [Webster 1993] / *сильное, страстное желание, одержимость* [перевод наш – В. С.]), актуализируя семы сильного желания и одержимости. Подстановка переносного значения способствует возникновению у американского читателя нужной реакции при сохранении единства плана выражения и плана содержания, что обеспечивает высокую степень адекватности перевода.

А. Петурниг элиминирует физиологический образ с целью корректной передачи смыслового содержания: *der Eifer* /рвение, усердие/ (*pej. einige leidenschaftliche Gefühlsbewegung, bei der jemand die Kontrolle über sich verliert* [Wahrig 1994] / *(уничижительно) страстные пылкие эмоции, испытывая которые человек теряет чувство самоконтроля* [перевод наш – В. С.]). Несмотря на использование приема деметафоризации экспрессивность сохраняется в силу эмотивной маркированности (наличие пейоративного оттенка) используемого

соответствия. Более того, немецкое соответствие уместно подчеркивает прагматический смысл неразумности действий и сумасбродства политического лидера, что согласуется с намерением автора (*Кажется, этот поток тоже был плодом его личного безумия* [Солженицын 2011: 103]). Высокую степень адекватности удается сохранить.

Интерес также представляют переводческие решения в отношении прилагательного **сытый** (*перен. живущий в достатке, богатый (разг. пренебр.)* [МАС]), актуализирующего наряду с семами достатка и богатства коннотацию пренебрежения.

И в 1945 году за свою сытую зарплату сытый следователь совершенно серьезно листал архивы провинциальных жандармских управлений... [Солженицын 2011: 195]

– *And in 1945, to earn his fat pay, the fat interrogator was quite seriously leafing through the archives of the Tsarist provincial gendarmerie administrations...* [Whitney 1974: 195]

– *So kam es, daß ein satter Untersuchungsrichter für sein sattes Gehalt im Jahre 1945 allen Ernstes die Archive der Gendarmerie-Provinzverwaltungen studierte...* [Peturnig 1974: 192]

Вариантное соответствие **fat** /*толстый*/ (*profitable; affording good opportunities, esp. for gain; wealthy; prosperous; rich* [Webster 1993] / *прибыльный; предоставляющий хорошие возможности, особ. для получения выгоды; состоятельный; процветающий; богатый* [перевод наш – В. С.]) также апеллирует к денотату физиологической понятийной сферы. Данный вариант адекватно воспроизводит смысловое содержание, актуализируя семы достатка и богатства, присущие оригинальной метафоре, поэтому является адекватным.

В немецкой лингвокультуре метафорическое переосмысление физиологической характеристики **satt** /*сытый*/ (*nicht mehr hungrig, weil man genug gesessen hat; pej. saturiert, selbstzufrieden* [Langenscheidts 1993] / *больше не испытывающий голода; неодобр. сытый, самодовольный* [перевод наш – В. С.]) порождает семы сытости и самодовольства, а также оценочные смыслы

пейоративного характера. Таким образом, при сохранении образа и отрицательного эмотивного заряда калькирование переносного значения в некоторой степени трансформирует смысловое содержание, что в целом не противоречит коммуникативной интенции автора, обеспечивая необходимую степень адекватности.

4. Фрейм «действия человека».

Метафорически употребленное слово **объятие** (*перен. неодобр. о том, что мешает движению, лишает свободы действий и т. п.* [БАС 2009, т. 13: 429]) актуализирует семы «препятствие», «ограничение свободы» и коннотацию пренебрежения, продолжая линию пейоративных смыслов при концептуализации образа советской законности.

*Кто из нас не изведal на себе ee [статьи кодекса – примеч. В. С.] всеохватывающих **объятий**? [Солженицын 2011: 73]*

– *Who among us has not experienced its all-encompassing **embrace**? [Whitney 1974: 60]*

– *Wer von uns hat seine weltumspannende **Umarmung** nicht zu kosten bekommen? [Peturnig 1974: 67]*

В обоих языках метафора подлежит переводу путем калькирования переносного значения **embrace** /*объятие*/ (*the act or an instance of taking or clasping in the arms; pressing to the bosom; hugging* [Webster 1993] / *существительное для обозначения действия, при котором берут в руки либо охватывают руками; прижатие к груди; обнимание* [перевод наш – В. С.]) и **Umarmung** /*объятие*/ (*das Umarmen aus Freude oder in Liebe; das Umarmtwerden* [Langenscheidts 1993] / *объятие с целью демонстрации радости или любви* [перевод наш – В. С.]). Переводческие соответствия **embrace** /*объятие*/ и **Umarmung** /*объятие*/, содержащие семы «физический контакт», «руки» и коннотации нежности и любви, относятся к категории традиционных мелиоративных образов, вызывающих в сознании реципиента ощущение безопасности и состояние спокойствия. Таким образом, переводчики отводят контексту значительную роль в плане восполнения потери ядерных сем

оригинальной метафоры (препятствие, ограничение свободы), что может привести к коммуникативным потерям. Степень адекватности в обоих переводах снижена.

Проведенный сопоставительно-переводческий анализ 76 физиологических метафор позволил выявить специфику передачи исследуемых единиц с преимущественной опорой переводчиков на подстановку переносного значения, калькирование переносного значения, функционально-адекватную замену и прием демегафоризации. Систематизация особенностей техники перевода физиологических метафор на английский и немецкий языки в количественном аспекте представлена в таблице 5.

Таблица 5

Количественный сопоставительный анализ приемов
перевода физиологических метафор

Образ сохранен	Перевод Т. Уитни	Наименование приема	Перевод А. Петурниг	Образ сохранен
57,89%	23,7%	подстановка переносного значения	14,3%	40,26%
	11,8%	калька прямого значения	9%	
	22,4%	калька переносного значения	16,9%	
	0	сравнение	0	
Изменен				Изменен
25%	9,2%	вариантное соответствие	9,1%	36,36%
	13,2%	функциональная замена	23,4%	
	2,6%	фразеологизм	3,9%	
Исчез				Исчез
17,11%	15,8%	демегафоризация	23,4%	23,4%
	1,3%	опущение	0	

Представленные в таблице данные позволяют сделать следующие выводы. При переводе физиологических метафор на английский язык ведущим приемом является подстановка переносного значения. Данный прием составил 23,7%.

При переводе физиологических метафор на немецкий язык доминируют два других приема: функционально-адекватная замена (23,4%) и прием демегафоризации (23,4%).

Перевод физиологических метафор на английский язык характеризуется тенденцией к сохранению образа (57,89%). Передача рассматриваемого типа метафор на немецкий язык характеризуется менее выраженной тенденцией к сохранению образа (40,26%) за счет более частого использования функционально-адекватных замен. Также стоит отметить, что за счет более широкого использования приема демегафоризации в немецкоязычном переводе образ исчезает чаще (23,4%).

Т. Уитни не использует сравнения при передаче физиологической метафоры на английский язык. В немецком переводе А. Петурниг отсутствуют случаи использования сравнения и опущения.

2.1.5. Морбиальная метафора

Для описания социальной действительности страны А. И. Солженицын использует метафорические единицы сферы-источника «болезнь». Морбиальные метафоры сигнализируют об отклонениях от естественного порядка вещей. Соответствующие рассматриваемой концептуальной метафоре образы объединяются концептуальными векторами агрессивности и тревожности, в них отражаются безысходность, дурные предчувствия и вместе с тем душевная боль за состояние родной страны, ощущение собственного бессилия [Чудинов 2001: 68]. Негативный опыт нашей страны часто описывался сквозь призму метафорической модели болезни и в более поздних временных отрезках [Кошкарова 2021: 222]. Доля морбиальных метафор в исследуемом произведении составила 10,31%. Представим результаты сопоставительно-переводческого анализа морбиальных метафор с опорой на фреймово-слотовый анализ оригинальных русских метафорических единиц.

1. Фрейм «диагноз».

Слот 1.1. Физические болезни

В рамках фрейма «диагноз» вторичная номинация *болезнь* (*расстройство здоровья*) актуализирует семы поведения членов общества и отклонения от нормы (*перен. отклонение от нормы, отрицательное качество, свойство* [БАС 2005, т. 2: 111]):

Злоупотребление красноречием есть болезнь не только становящегося суда, но и шире – ставшей уже демократии... [Солженицын 2011: 286]

– *Excesses of eloquence do not afflict exclusively a judicial system in process of being established; even more conspicuously, they afflict an already established democracy...* [Whitney 1974: 288]

– *Der Mißbrauch der Redekunst ist eine Krankheit nicht nur der im Werden begriffenen Gerichtsbarkeit, sondern breiter gesehen – der gewordenen Demokratie...* [Peturnig 1974: 281]

Несмотря на наличие в английском языке эквивалентного соответствия *malady* /болезнь; проблема/ (*any undesirable or disordered condition* [Webster 1993]) / *нежелательное или неблагоприятное состояние* [перевод наш – В. С.]), Т. Уитни трансформирует метафору, используя глагол *to afflict* /причинять боль, страдание; беспокоить/ (*to distress with mental or bodily pain; trouble greatly or grievously; to overthrow; to defeat* [Webster 1993]) / *мучить, причиняя душевную либо физическую боль; причинять огромные проблемы, муки; свергать; наносить поражение* [перевод наш – В. С.]). В основе данной функционально-адекватной замены лежит прием смыслового развития, осуществляющий перенос с явления на действие, непосредственно связанное с данным явлением (причина – следствие), эксплицирующий коннотации отрицательных последствий. В данном случае изменения затрагивают как форму (замена фрейма «диагноз» на фрейм «симптомы болезни»), так и структуру состава ядерных компонентов значения. Подобные трансформации не мешают реализации коммуникативного намерения и адекватной передаче содержания.

Эквивалентное соответствие *Krankheit* /болезнь, недуг/ (*Störung der Gesundheit* [Wahrig 1994] / *расстройство здоровья* [перевод наш – В. С.]) продуктивно используется в немецком языке в переносном значении (*Krankheiten des Leibes und Seele; eine Krankheit der Zeit – (fig) Übel, Mißstand der Zeit* [Wahrig 1994] / *физические и душевные болезни; болезнь нашего времени – перен. зло, современные пороки, недостатки* [перевод наш – В. С.]), что делает возможным достижение коммуникативного эффекта при сохранении формы, оригинального семного состава и экспрессивности без смысловых потерь. Соответственно, подстановка переносного значения обеспечивает высокую адекватность перевода.

В следующем примере рассмотрен подход к переводу метафорически употребленного глагола *болеть* (*перен. испытывать тревогу, беспокоиться* [БАС 2005, т. 2: 112]):

Глядя на этот снимок, невозможно было поверить, что вот – выдающийся человек или что вот он давно и глубоко болел за Россию [Солженицын 2011: 247].

– *From his photograph, it was impossible to believe that he was an outstanding man or that for long years he had suffered profoundly for Russia* [Whitney 1974: 253].

– *Dieses Foto machte es einem unmöglich zu glauben, daß man einen hervorragenden Mann vor sich hatte oder einen, dem Rußlands Wohl seit langem schwer am Herzen lag* [Peturnig 1974: 246].

Переводчикам приходится переосмысливать значение глагола *болеть*, употребленного в переносном смысле. В целях воспроизведения ядерных компонентов значения (эмоциональное состояние, тревога, беспокойство) Т. Уитни отказывается от оригинального образа и использует прием деметафоризации *to suffer* /страдать/, который обусловлен требованиями узуальных норм, что говорит о снижении степени адекватности перевода.

А. Петурниг подбирает устойчивое образное выражение *schwer am Herzen liegen* /тяжело переживать/ (*traurig, bekümmert sein* [Langenscheidts 1993] / *печалиться, тревожиться* [перевод наш – В. С.]), в полной мере реализующее авторский замысел, но имеющее в своей основе иную образность, так как содержит компонент физиологической метафоры *das Herz* /сердце/. Немецкий

фразеологизм, заменяющий метафору, достаточно выразительно передает душевное переживание, воспроизводя коммуникативное намерение автора, что говорит об адекватности перевода.

При метафорическом моделировании событийного сюжета ареста выражение *за чумной чертой* использовано для обозначения бедственного положения. При этом автор апеллирует к образу неизлечимой страшной болезни – чумы (*острая заразная эпидемическая болезнь* [МАС 1999, т. 4: 693]), актуализирующему семы «опасность» и «крайне высокая степень».

Продолжая очищаться и распрямляться перед самим собою, он поднялся из-за стола (он никогда не вставал навстречу мне в той прежней жизни!), через чумную черту протянул мне руку (вольному, он никогда ее мне не протягивал!) <...> [Солженицын 2011: 35]

– *Continuing his attempt to expunge his part in this and to stand erect before his own conscience, he rose from behind his desk – he had never stood up in my presence in my former life – and reached across **the quarantine line** that separated us and gave me his hand, although he would never have reached out his hand to me had I remained a free man. <...>* [Whitney 1974: 19]

– *Noch muß er sich besudelt, noch brüskiert gefühlt haben, denn er erhob sich (niemals in jenem früheren Leben war er aufgestanden wegen mir!), streckte mir über **die Pestwehr** hinweg die Hand entgegen (niemals hatte er mir, solange ich frei war, die Hand gereicht!) <...>* [Peturnig 1974: 28–29].

При сохранении модели АРЕСТ – это БОЛЕЗНЬ Т. Уитни прибегает к функционально-адекватной замене, преобразуя фрейм «диагноз» (элемент *чумная* в составе метафоры *чумная линия*) во фрейм «способы лечения» (на элемент *quarantine* в составе метафоры *the quarantine line*), что способствует сохранению семы «опасность». Подобная замена образа носит лингвокультурный характер, а именно: высвечивает признаки такой национальной черты характера, как прагматизм. Стоит отметить, что прагматический потенциал метафоры на русском языке направлен на сочувствие со стороны читателя. Русской лингвокультуре в высшей степени присущи сочувствие и сострадание к

попавшим в беду людям [Касьянова 2003]. В американской лингвокультуре данный потенциал не сможет быть реализован в полной мере, так как для американского национального сознания характерен индивидуализм. Подобная трансформация оправдана, так как данный вариант найдет необходимый отклик у американского читателя. Перевод является адекватным.

В сложносоставном слове *die Pestwehr* вторичная номинация *Pest* /чума/ (*Schwarzer Tod* [Wahrig 1994] / черная смерть [перевод наш – В. С.]) обладает потенциалом актуализации сем «опасность», «крайне высокая степень», а также способна коннотировать обреченность положения. Функционально-адекватная замена приводит к появлению артефактной номинации *Wehr* /плотина/ (*eine Art Mauer, mit der das Wasser in einem Bach oder Fluss gestaut wird, besonders um den Wasserstand zu regeln* [Langenscheidts 1993] / разновидность стены, предназначенная для удержания воды в водоеме или реке, в особенности с целью регулирования уровня воды [перевод наш – В. С.]), что вызывает в сознании у носителей немецкого языка дополнительный образ, коннотирующий нежелание контакта с источником опасности. Данный вариант сохраняет ядерные компоненты значения и привносит дополнительные коннотации, которые не противоречат коммуникативному намерению автора. Осуществленная трансформация позволяет добиться адекватного перевода.

Признак массовости и молниеносной скорости проведения арестов маркируется посредством метафоры *эпидемия* (*широкое распространение какой-либо инфекционной болезни; перен. что-либо получившее быстрое широкое распространение* [МАС]):

Аресты катились по улицам и домам эпидемией [Солженицын 2011: 88].

– *Arrests rolled through the streets and apartment houses like an epidemic* [Whitney 1974: 75].

– *Die Verhaftungen breiteten sich wie Seuchen über Straßenzüge und Häuserblocks aus* [Peturnig 1974: 80].

В своем переводе Т. Уитни использует эквивалентное соответствие *epidemic* /эпидемия/ (*a sudden rapid increase in how often something bad happens* [Webster

1993] / *резкое и быстрое увеличение случаев чего-либо негативного* [перевод наш – В. С.]), актуализируя необходимые семы высокой скорости (*rapid* – очень быстрый) и чего-то негативного (*bad* – плохой). В связи с тождественностью метафорического переосмысления рассматриваемых денотатов прием перевода сравнением способствует возникновению запланированной реакции читателя, что позволяет нам сделать вывод об адекватности перевода.

Несмотря на наличие в немецком языке эквивалента *die Epidemie* для слова **эпидемия**, А. Петурниг отдает предпочтение более конкретному и семантически емкому ***die Seuche*** /*опасная (заразная) болезнь/ (sich rasch und weit verbreitende, ansteckende Krankheit; (fig.) weitverbreitete, als unangenehm empfundene modische Erscheinung oder Gewohnheit* [Wahrig 1994] / *быстро и широко распространяющаяся, заразная болезнь; перен. широко распространенное негативно воспринимаемое модное явление или привычка* [перевод наш – В. С.]), преобразуя денотат лексической единицы. По сути, данная переводческая операция представляет собой трансформацию, основанную на приеме смыслового развития: следствие (эпидемия) заменяется причиной (опасная болезнь). Однако данная трансформация также дополняется сравнительным союзом *wie*, поэтому можно утверждать, что с целью достижения коммуникативного эффекта и обеспечения высокой степени адекватности перевод данной метафоры потребовал использования вариантного соответствия в контексте приема перевода сравнением.

В произведении в различных контекстах (см. приложение) встречается адъективная метафора **немой** (*перен. тихий, безмолвный (обычно в поэтической речи); выраженный без слов; передаваемый, осуществляемый с помощью взглядов, мимики* [БАС 2009, т. 12: 90]), семный состав которой представлен компонентами «смысловая оформленность» и «невербальный способ передачи информации», «взгляды», «мимика». Рассмотрим технику перевода метафорического выражения **немое условие**:

Свои, действительно, стараются в беде не оставлять, есть условие у них немое: своим устраивать хоть содержание льготное [Солженицын 2011: 160].

– *Friends, as a matter of fact, did try not to leave their friends in a bad spot. They had their own **unspoken understanding**: at least to arrange favorable conditions for friends* [Whitney 1974: 155].

– *Die Ihrigen bemühen sich tatsächlich, einander beizustehen in der Not, da gilt eine **stumme Übereinkunft**: den Ihrigen zumindest Haftprivilegien zu verschaffen* [Peturnig 1974: 155].

В сочетании со словом *условие* переводчик предпочитает прилагательное в прямом значении *unspoken* /невысказанный, невыраженный/. Таким образом, в англоязычной версии использован прием демегафоризации, что элиминирует образность, снижая экспрессивность и, следовательно, степень адекватности. Тем не менее перевод является адекватным, так как коммуникативное намерение реализовано.

В немецком переводе выполнить коммуникативное задание помогает прием калькирования переносного значения (*stumme Übereinkunft* – *немая договоренность*), позволяющий сохранить как смысловое содержание за счет актуализации сем «ясность», «смысловая оформленность» и «невербальность», так и сочетание образности и эмотивности. Данный вариант перевода мы считаем адекватным.

Рассматриваемый слот также реализуется метафорой *глухой* (*перен. смутный, неопределенный* [БАС 2006, т. 4: 174]).

Тайна и тут: есть слух глухой, что в свое время он лично избивал Любу Седых... [Солженицын 2011: 163]

– *There is some hidden secret here too: there is **a vague rumor** that in his time he had personally beaten Khrushchev's daughter-in-law Lyuba Sedykh...* [Whitney 1974: 159]

– *Ein Geheimnis gibt's auch da: **Ein dumpfes Gerücht** geht um, er habe seinerzeit persönlich Chruschtschows Schwiegertochter Ljuba Sedych mißhandelt...* [Peturnig 1974: 158]

Анализ прагматического смысла метафоры *глухой* показывает, что дословный перевод метафорической единицы *deaf*, позволяющий остаться в

рамках фрейма и слота, чреват коммуникативной неудачей в данном контексте. В силу этого Т. Уитни прибегает к использованию вариантного соответствия, предлагая узуальное словосочетание *vague rumours* /неопределенные слухи/, обладающее определенной долей образности, так как *vague* /смутный/ (*not clear or distinct to the sight or any other sense* [Webster 1993] / не поддающийся к распознаванию со стороны зрения или других чувств [перевод наш – В. С.] также апеллирует к органам чувств, что говорит об экспрессивности и позволяет считать перевод адекватным.

В немецкоязычной версии прием подстановки переносного значения (*dumpf* /глухой, приглушенный/ (*tief und gedämpft; unbestimmt, undeutlich* [Langenscheidts 1993] / глубокий (далеко уходящий), заглушенный / приглушенный; неопределенный; смутный; неясный [перевод наш – В. С.])) позволяет сохранить форму и ядерные семы неясности, неопределенности. Таким образом, общие исходные когнитивы в русском и немецком языках делают возможным сохранение авторского образа в рамках слота «физические болезни». Коммуникативное намерение реализовано, перевод является адекватным.

2. Фрейм «причины и возбудители болезней».

Слот 2.1. Инфекции

Образ граждан глазами представителей органов власти реализуется метафорами фрейма «причины и возбудители болезней», так как с точки зрения представителей государства определенные категории граждан являются источником разложения общества. Данная идея реализуется номинативной метафорой *зараза* (*болезнетворное начало, распространяемое микроорганизмами; заболевание, вызываемое такими микроорганизмами (разг.); перен. какое-либо отрицательное широко распространяющееся явление (в образе жизни, поведении) (разг.)* [БАС 2006, т. 6: 458]), содержащей семы «отрицательное явление», «(источник) угроза(ы)», «широкая распространенность», а также коннотации разрушительных последствий.

*Один из первых ударов диктатуры пришелся по кадетам (при царе – крайняя **зараза** революции, при власти пролетариата – крайняя **зараза** реакции)* [Солженицын 2011: 42].

– *One of the first blows of the dictatorship was directed against the Cadets – the members of the Constitutional Democratic Party. (Under the Tsar they had constituted the most dangerous **ranks** of revolution, and under the government of the proletariat they represented the most dangerous **ranks** of reaction)* [Whitney 1974: 26].

– *Einer der ersten Schläge der Diktatur traf die Kadetten (unterm Zaren – revolutionäres **Gift**; unter der Herrschaft des Proletariats – reaktionäres)* [Peturnig 1974: 35].

В переводе Т. Уитни происходит трансформация денотативной соотнесенности русской метафоры: морбиальный образ преобразуется в милитарный (что представляет собой прием функционально-адекватной замены). Вторичная номинация **ranks** /армия, солдаты, рядовые/ (*the general body of any party, society, or organization apart from the officers or leaders; a line of persons, esp. soldiers, standing abreast in close-order formation* [Webster 1993] / основной состав любой партии, сообщества или организации без учета офицеров или руководящих лиц; группа лиц, особенно солдат, стоящих в ряд плечом к плечу [перевод наш – В. С.]) актуализирует присутствующие в оригинале семы «источник разрушения» и «широкая распространенность». Однако новый образ также привносит сему «нацеленность на уничтожение», что, с одной стороны, воссоздает коннотации разрушительных последствий, а с другой стороны, добавляет воинственный семантический оттенок, не соответствуя коммуникативному намерению автора. Это позволяет нам сделать вывод о снижении степени адекватности перевода.

При переводе на немецкий язык А. Петурниг также переосмысливает метафору **зараза** и прибегает к приему функционально-адекватной замены. При описании социальной категории «кадеты» А. Петурниг использует вторичную номинацию **das Gift** /яд/ (*Giftstoff, fig. Bosheit, Haß* [Wahrig 1994] / ядовитое / токсичное вещество, перен. злоба, ненависть [перевод наш – В. С.]). При неизменности фрейма исходный слот «инфекции» преобразуется в слот

«физическое воздействие» (рассматривается далее). Номинативная метафора *das Gift* обладает потенциалом актуализации сем «отрицательное явление», «(источник) угроза(ы)», а также коннотаций высокой скорости распространения и разрушительных последствий, что в целом способствует реализации коммуникативного задания. Однако подобный сдвиг в рамках фрейма снижает экспрессивность перевода, так как далее по тексту А. И. Солженицын использует метафору *яд*, которую А. Петурниг также переводит как *Gift*. Таким образом, метафорически употребленные слова *яд* и *зараза* оказываются недифференцированными в тексте перевода на немецкий язык, что говорит о снижении степени адекватности перевода.

В следующем примере к переводу морбиальной метафоры *зараза* применен иной подход:

Как люди передают друг другу эпидемическую заразу, о том не зная – рукопожатием, дыханием, передачей вещи, так рукопожатием, дыханием, встречей на улице они передавали друг другу заразу неминуемого ареста [Солженицын 2011: 88].

– *Just as people transmit an epidemic infection from one to another without knowing it, by such innocent means as a handshake, a breath, handing someone something, so, too, they passed on **the infection** of inevitable arrest by a handshake, by a breath, by a chance meeting on the street* [Whitney 1974: 75].

– *So wie man ansteckende Krankheiten, ohne es zu wissen, weitergibt: durch Händedruck, Atem oder verseuchte Sachen, so übertrug ein Mitmensch durch Händedruck, Atem, eine zufällige Begegnung **die Keime** der unvermeidlichen Verhaftung* [Peturnig 1974: 80].

В английском языке денотат *infection* /инфекция/ (*an infecting with germs of disease, as through the medium of infected insects, air, water, clothing, etc.; an infectious disease* [Webster 1993] / заражение болезнетворными микробами любым контактным путем: укусы зараженных насекомых, воздух, вода, одежда и т. д.; заразная болезнь [перевод наш – В. С.] достаточно продуктивно используется в качестве вторичной номинации: *moral contamination; an influence or impulse*

passing from one to another and affecting feeling or action [Webster 1993] / моральное разложение; быстро распространяющееся влияние или импульс, отрицательно сказывающиеся на чувствах или поведении [перевод наш – В. С.], обеспечивая тождественность переносных значений при переводе. Вариантное соответствие позволяет сохранить экспрессивность и добиться адекватного перевода.

С целью сохранения смыслового содержания А. Петурниг использует функционально-адекватную замену, актуализирующую ядерные семы «стартовой точки» и «потенциального роста» посредством образа *der Keim* /росток, зародыш; зачаток/ (*das, was sich als Erstes aus dem Samen oder der Zwiebel einer Pflanze entwickelt; (fig) Anfang, Beginn, Ausgangspunkt* [Langenscheidts 1993]) / то, что первым появляется из семени или луковицы растения; истоки, начало, отправная точка [перевод наш – В. С.]). Однако данный образ нейтрализует отрицательный эмотивно-оценочный компонент, подлежащий обязательной передаче при переводе. Именно поэтому трансформация образной основы ведет к нарушению принципа адекватности.

Слот 2.2. Физическое воздействие

В произведении фрагмент советской действительности *власть* представлен в образе яда:

Власть – это яд, известно тысячелетия [Солженицын 2011: 153].

– *Power is a poison well known for thousands of years* [Whitney 1974: 147].

– *Daß die Macht Gift ist, ist seit Jahrtausenden bekannt* [Peturnig 1974: 147].

В русском языке слово *яд* имеет как прямое (*вещество, способное вызвать отравление живого организма* [МАС]), так и переносное значение (*перен. что-то отрицательно действующее на кого-то* [МАС]). В произведении смысловое содержание анализируемой метафоры содержит семы «явление», «отрицательное влияние», «духовное состояние». Анализ соответствия *a poison* /яд/ (*smth that is harmful or pernicious, as to happiness or well-being* [Webster 1993] / то, что оказывает вредное и пагубное влияние на счастье или здоровье и благосостояние [перевод наш – В. С.]) показал, что в переводе актуализируются тождественные

ядерные семы. Прием подстановки переносного значения позволяет добиться адекватного перевода.

А. Петурниг калькирует переносное значение, что может вызвать у носителя немецкого языка определенные ассоциации, порождаемые денотатом *Gift* /яд/. В немецкой языковой традиции наименование *Gift* /яд/ метафорически используется для обозначения злобы (*Bosheit*) и ненависти (*Haß*), о чем свидетельствует выше рассмотренная дефиниция *Gift* (*Giftstoff, fig. Bosheit, Haß* [Wahrig 1994]). Таким образом, сохранение образа трансформирует содержательную сторону метафорической единицы, не исключая при этом ядерные семы «отрицательное влияние» и «духовное состояние». Появление дополнительных семантических оттенков не противоречит авторской концепции и не мешает выполнению коммуникативного задания, но незначительно снижает степень адекватности.

3. Фрейм «симптомы болезни».

Согласно гипотезе инвариантности Дж. Лакоффа, если с авторской точки зрения ОРГАНЫ ВЛАСТИ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ, то на основе фреймового знания его болезнь сопровождается определенными симптомами, что и наблюдается в оригинале. «Болезнь» общества характеризуется различными внешними проявлениями. Для описания состояния общества используется метафорически употребленное слово *нарыв* (*локальное нагноение в ткани организма; гнойник* [БАС 2008, т. 11: 342]), содержащее наряду с семами «внешнее проявление», «признак», «негативные последствия» коннотацию отвращения.

Металлическая, военная, машиностроительная, судостроительная, химическая, горно-рудная, золото-платинная, ирригация – всюду гнойные нарывы вредительства! [Солженицын 2011: 59]

– *In the metallurgy, defense, machinery, shipbuilding, chemical, mining, gold and platinum industries, in irrigation, everywhere there were these pus-filled boils of wrecking!* [Whitney 1974: 44]

– *In der Metall- und Rüstungsindustrie, beim Maschinen- und Schiffbau, in der Chemie und im Bergbau, bei der Gold- und Platingewinnung, im Bewässerungssystem,*

kurzum überall brechen die eitrigen Geschwüre der Sabotage auf! [Peturnig 1974: 51–52]

В данном случае Т. Уитни использует прием калькирования прямого значения. Соответствие *boil* /фурункул, нарыв/ (*pathol. a painful, suppurating, inflammatory sore forming a central core, caused by microbic infection* [Webster 1993] / патол. приносящий боль воспаленный гнойный нарыв, формирующий ядро, образовавшийся в результате жизнедеятельности микробов [перевод наш – В. С.]) сохраняет ядерные компоненты значения и коннотацию отвращения, но обладает более широкой семантикой в отличие от своего русскоязычного аналога. Таким образом, в американском переводе образы *нарыв* и *чирей* воссоздаются одним словом *boil* (см. приложение) и оказываются недифференцированными, что снижает степень экспрессивности и, соответственно, степень адекватности перевода.

В немецком языке актуализированные оригинальной метафорой ядерные семы сохраняются с опорой на прием калькирования прямого значения. Стоит отметить, что соответствие *das Geschwür* /язва; нарыв, гнойник/ (*ein geschwollener Teil der Haut, der sich entzündet hat (und eitert)* [Wahrig 1994] / воспаленный припухший участок кожи (можетгноиться) [перевод наш – В. С.]) также обладает более широкой семантикой, что приводит к преобразованию коннотативной зоны значения с акцентом на источнике неприятных (болезненных) ощущений. Данный факт незначительно снижает экспрессивность перевода, но не препятствует выполнению коммуникативного задания, что говорит об адекватности перевода.

Для описания нездоровых тенденций в обществе автор использует образ *язвы* (гноящаяся или воспаленная ранка на поверхности кожи или слизистой оболочки; перен. что-либо дурное, вредное, какое-либо отрицательное явление; порок, зло [МАС]):

<...> они жаждут реформ, живо судят о наших общественных *язвах*, о запущенности деревни... [Солженицын 2011: 295]

– <...> *They were eager for reform. They spoke forcefully about our social ulcers, about our neglect of our rural areas* [Whitney 1974: 290].

– <...> *sie dürsten nach Reformen, sie debattieren lebhaft über die Geschwüre unserer Gesellschaft, über den tristen Zustand des Dorfes...* [Peturnig 1974: 291]

Английское слово *ulcer* /язва/, как и русское *язва*, употребляется в качестве вторичной номинации *any chronically corrupting or disrupting condition, element, etc.* [Webster 1993] / любое явление (элемент и т. д.), наносящее вред или нарушающее порядок на постоянной основе [перевод наш – В. С.], актуализируя семы «явление», «источник», «отрицательное влияние», «непрерывность». Благодаря приему подстановки переносного значения наблюдаемая в оригинале метафорическая репрезентация находит адекватное отражение в переводе Т. Уитни.

В немецком языке передача метафоры также реализуется с применением подстановки переносного значения. Денотат *das Geschwür* /язва; нарыв, гнойник/ (дефиниция прямого значения и перевод даны выше) обозначает длительное пребывание в неудовлетворительном состоянии ((*fig*) *anhaltender Mißstand* [Wahrig 1994] / перен. продолжительное неудовлетворительное состояние, затянувшееся нарушение [перевод наш – В. С.]), актуализируя семы неудовлетворительного состояния и затяжного характера проблемы, что способствует эффективной реализации коммуникативного задания. Однако лексическая единица *das Geschwür* объединяет *язву; нарыв, гнойник*, из этого следует, что языковые факторы не позволяют дифференцировать перечисленные симптомы болезни в переводе, что снижает образность и степень адекватности перевода.

Проведенный сопоставительно-переводческий анализ 56 морбиальных метафор позволил выявить специфику передачи исследуемых единиц с преимущественной опорой переводчиков на подстановку переносного значения, калькирование прямого значения, функционально-адекватную замену и использование вариантного соответствия. Количественное распределение приемов перевода морбиальных метафор на английский и немецкий языки представлено в таблице 6.

Количественный сопоставительный анализ приемов
перевода морбиальных метафор

Образ сохранен	Перевод Т. Уитни	Наименование приема	Перевод А. Петурниг	Образ сохранен
57,89%	33,33%	подстановка переносного значения	28,57%	64,29%
	17,54%	калька прямого значения	19,64%	
	5,26%	калька переносного значения	14,29%	
	1,75%	сравнение	1,8%	
Изменен				Изменен
31,58%	15,8%	вариантное соответствие	12,5%	30,36%
	15,8%	функциональная замена	16,07%	
	0	фразеологизм	1,8%	
Исчез				Исчез
10,53%	10,53%	деметафоризация	5,36%	5,36%
	0	опущение	0	

Представленные в таблице данные позволяют сделать следующие выводы. Ведущим приемом при переводе морбиальных метафор как на английский, так и на немецкий язык является подстановка переносного значения. Данный прием составил 33,33% и 28,57% соответственно. При передаче морбиальных метафор Т. Уитни (17,54%) и А. Петурниг (19,64%) также широко используют прием калькирования прямого значения. Доминирование данных приемов обусловило тенденцию к сохранению образа при передаче данного типа метафор в обоих переводах (57,89% и 64,29%). В англоязычном переводе тенденция к нивелированию образности является более выраженной за счет более широкого использования приема деме­тафоризации (10,53%).

Передача морбиальных метафор на английский язык характеризуется отсутствием случаев использования фразеологизмов и опущения. В свою очередь, опущения также отсутствуют в немецком переводе А. Петурниг.

2.1.6. Милитарная метафора

Для описания социальной действительности страны в произведении часто метафорически используются лексические единицы, которые входят в понятийное поле «война». Соответствующие рассматриваемой метафоре образы объединяются концептуальными векторами агрессивности и бескомпромиссности. Для милитарной метафоры характерна ориентированность на агрессивную борьбу участников действий с себе подобными; прагматические смыслы метафор данной группы исключают возможность совместного решения проблем, возникающих в обществе [Чудинов 2001: 107].

Доля милитарных метафор в исследуемом произведении составила 12,34%. Тоталитарному обществу было свойственно милитаризированное сознание. Прибегая к использованию милитарных метафор, А. И. Солженицын стремился показать, что в описываемое время события общественной жизни регулировались суровыми законами войны. Отношения государства и граждан часто метафорически моделируются как военные действия. Органы власти предстают как участники боевых действий, наносящие удары. Представим результаты сопоставительно-переводческого анализа милитарных метафор с опорой на фреймово-слотовый анализ русских метафорических единиц.

1. Фрейм «военные действия и вооружение».

Слот 1.1. Военные действия

Интересен случай перевода номинативной метафоры **удар** в следующем контексте, генерирующем семы «психоэмоциональное состояние», «резкая перемена», «высокая интенсивность». Деривационной базой переносного значения с выявленным набором сем послужило узуальное переносное значение *какое-либо несчастье, неожиданная неприятность, жизненная невзгода, вызывающие сильное душевное потрясение у кого-либо или ведущие к очень дурным последствиям* [МАС]. В результате метафорического сдвига в диаметрально противоположное направление (метафора **удар** имплицитно выражает положительные эмоции) происходит изменение полярности эмоций и

появляется новый яркий образ (метафора обладает высокой степенью окказиональности):

Все, что билось, пульсировало, переливалось в теле – останавливалось от удара радости, что вот откроется дверь... [Солженицын 2011: 273]

– *Everything that beat, pulsed, circulated in the body came to a stop beneath the wave of happiness, the expectation that the doors were about to swing open* [Whitney 1974: 273].

– *Alles, was da drinnen hämmerte und pulsierte, stockte, plötzlich vom Schlag der Freude gerührt: daß es endlich so weit war...* [Peturnig 1974: 268]

Т. Уитни принимает решение не переносить метафору с семантическим оттенком агрессивности в контекст положительных эмоций. В результате функционально-адекватной замены денотативная соотнесенность метафорической единицы преобразуется. Лексическая единица концептосферы «неживая природа» *wave* /волна/ (*a swell, surge, or rush, as of feeling, excitement, prosperity, etc.* [Webster 1993] / *накат, наплыв, резкий скачок, прилив, порыв напр. чувств, эмоций, волнения, процветания и т. д.* [перевод наш – В.С.]) позволяет воспроизвести необходимые для реализации коммуникативного задания ядерные семы («психоэмоциональное состояние», «резкая перемена», «высокая интенсивность»). Однако полученное соответствие является менее экспрессивным в силу его узуальности в контексте американской лингвокультуры. По этой причине можно говорить о снижении степени адекватности перевода.

Наличие у *Schlag* переносного значения *ein großes persönliches Unglück, das jemanden (plötzlich) trifft* [Langenscheidts 1993] / *большое личное несчастье, которое происходит с кем-либо (внезапно)* [перевод наш – В.С.] позволяет А. Петурниг использовать прием подстановки переносного значения с целью обеспечения адекватности.

Метафорическое моделирование психоэмоционального состояния арестанта также осуществляется при помощи словосочетания *ударный период*, которое использовано с целью формирования соответствующей реакции реципиента. Содержательная сторона метафорического выражения *ударный* (*относящийся к*

выполнению важной и спешной работы, дела, занятый выполнением такой работы, дела [МАС]) **период** представлена семами «процесс», «высокая интенсивность» и коннотирована агрессией по отношению к арестантам.

От мгновения ареста и весь первый ударный период следствия арестант должен быть в идеале одинок... [Солженицын 2011: 131]

– *From the moment of his arrest and throughout the entire **shock period** of the interrogation the prisoner was, ideally, to be kept entirely alone* [Whitney 1974: 123].

– *Vom Augenblick der Verhaftung und bis über die erste **Schockperiode** hinweg sollte der Häftling im Idealfall allein sein...* [Peturnig 1974: 125]

Оба переводчика используют функционально-адекватную замену, в основе которой лежит прием смыслового развития (смещение акцента с процесса на результат). При этом наблюдается преобразование семантической сферы метафоризации: оригинальная милитарная метафора репрезентирована в обоих переводах соответствиями с морбиальной денотативной соотнесенностью (**shock** – 1) *an unpleasant feeling as a result of something bad happening*, 2) *the result of injury in which a person is extremely weak* [Webster 1993] / 1) *неприятное чувство, возникающее после трагических событий*, 2) *последствия травмы, проявляющиеся в очень слабом состоянии пострадавшего* [перевод наш – В. С.] и *der Schock – eine seelische Erschütterung, die durch ein unerwartetes und sehr unangenehmes Ereignis ausgelöst wird* [Langenscheidts 1993] / *мед. шок, (нервное) потрясение – душевное / эмоциональное потрясение, вызванное неожиданным или очень неприятным событием* [перевод наш – В. С.]), актуализирующими семы «психоэмоциональное состояние», спровоцированное «резкой переменой ситуации». В обоих случаях изменение состава ядерных компонентов значения способствует корректному выполнению коммуникативного задания, поэтому мы считаем данные варианты перевода адекватными.

В рамках данного фрейма признак активной позиции НКВД метафорически маркируется словом **наступление** (*перен. настойчивое, энергичное требование, попытки добиться чего-либо* [БАС 2008, т. 11: 405]). В содержательном аспекте можно выделить семы «действие», «скоординированность», «высокая

активность», «настойчивость», «наличие цели» и коннотацию агрессивной позиции.

Фронтальное наступление НКВД на город: у С. П. Матвеевой в одну и ту же волну, но по РАЗНЫМ «делам», арестовали мужа и трех братьев (и трое из четверых никогда не вернутся) [Солженицын 2011: 86].

– *A frontal assault of the NKVD on the city: In one wave, for example, G. P. Matveyeva saw not only her husband but all three of her brothers arrested, and all in different cases [Whitney 1974: 74].*

– *Ein Frontalangriff der NKWD auf die Stadt: Der S. P. Matwejewas wurden in einer einzigen Nacht, aber wegen verschiedener „Delikte“ der Mann und drei Brüder wegverhaftet (und drei von den vieren kommen nie mehr zurück) [Peturnig 1974: 79].*

Оба переводчика используют прием калькирования переносного значения *assault* /нападение, атака/ и *ein Angriff* /нападение, наступление, атака/. Подобное переводческое решение позволяет в обоих случаях воспроизвести эмоционально-оценочный компонент (агрессивный настрой агента) и сохранить экспрессивность, что является индикатором факта реализации коммуникативного задания. Однако стоит отметить, что переводческие соответствия *assault* и *der Angriff* были использованы для перевода метафоры *удар* (перен. решительное действие, направленное на пресечение, устранение чего-либо [МАС]) (см. приложение), что говорит о снижении степени адекватности перевода, так как дифференциация метафорически употребленных лексических единиц *удар* и *наступление* в обоих переводах нивелирована.

Атмосфера взаимоотношений государства и граждан также моделируется военной метафорой *столкновение* (вступление в противоречие с чем-либо противоположным, а также само противоречие, несоответствие, возникающее при этом; острый спор, ссора на почве разногласий [БАС 2021, т. 27: 750]), смысловая сторона которой содержит семы «эмоциональная напряженность», «зарождение», «внезапность» и «разногласия»:

*Все же, все остальные пути, какие только может изобрести твой отчаявшийся мозг, – все ведут к **столкновению** с Законом [Солженицын 2011: 238].*

– *And every other path which, in desperation, your mind may invent is going to lead you into **conflict** with the Law [Whitney 1974: 244].*

– *Alle anderen, alle übrigen Wege, die dein verzweifelttes Gehirn sich zu ersinnen sucht – **bringen** dich nur **hinter Gitter** [Peturnig 1974: 236].*

Полученный в результате приема деметафоризации вариант Т. Уитни **conflict** /конфликт, столкновение; противоборство/ (*controversy; a quarrel; discord of action, feeling, or effect; antagonism, as of interests or principles [Webster 1993]* / спор, ссора; противоречие действий, чувств или последствий; конфликт интересов или принципов [перевод наш – В. С.]) передает семы «состояние», «эмоциональная напряженность» и «разногласия», что позволяет реализовать коммуникативную интенцию. Однако номинация **conflict** далее (см. примеры ниже) используется для обозначения **борьбы**, что отрицательно сказывается на образности, так как оригинальные метафоры **столкновение** и **борьба** не дифференцированы в переводном произведении. В связи с этим очевидно, что степень адекватности снижена.

Концептуальные смыслы произведения позволяют А. Петурниг преобразовать метафорическое словосочетание *ведут к столкновению с Законом* в устойчивое словосочетание *hinter Gitter bringen* /вести за решетку/ (*ins Gefängnis bringen [Langenscheidts 1993]* / сажать в тюрьму [перевод наш – В. С.]), сохраняющее высокую степень экспрессивности и эксплицирующее очевидные последствия конфликта (семы «проступок» и «наказание»). Смещение акцентов не искажает прагматический смысл, так как в описываемый период времени конфликт с законом зачастую приводил к заключению под стражу. Изменение формы, преобразующее милитарную метафору в криминальную, а также трансформация семного содержания метафорического образа не мешают достижению коммуникативного эффекта, в связи с чем мы можем отнести немецкий фразеологизм к категории адекватных вариантов перевода.

Согласно авторской задумке каждое следствие представляло собой ожесточенную схватку между следователем и задержанным, в ходе которой приходилось *отбиваться* (*защищаться от кого-либо, нанося удары; перен. защищаться от чьих-либо нападков, упреков и т. п.* [БАС 2010, т. 14: 322]) *от ложных обвинений*. В данном контексте метафорическое выражение актуализирует ряд сем: «быть объектом агрессии», «защищаться», «усиленно / энергично реагировать».

Уж простого человеческого инстинкта – оправдаться и отбиться от ложных обвинений – мы себе не уберегаем, где там! [Солженицын 2011: 118]

– *We fail to hang on to the basic human instinct to prove our innocence when falsely accused* [Whitney 1974: 107–108].

– *Nicht einmal mehr diesen einfachsten menschlichen Instinkt, sich vor falschen Beschuldigungen zu schützen, wollen wir behalten...* [Peturnig 1974: 111]

В результате грамматических и синтаксических преобразований образного выражения *отбиться от ложных обвинений* Т. Уитни обходится без каких-либо эквивалентов для метафорически употребленного глагола *отбиться*. В связи с этим отражение в переводе получает только фрагмент *ложные обвинения* → *when falsely accused* /будучи ложно обвиненным/, а смыслообраз «схватки / борьбы» стирается, что влечет за собой потерю семы «усиленной / энергичной реакции», важной для реализации коммуникативного намерения. Таким образом, прием опущения метафоры ведет не только к утрате экспрессивности, но и к значительному снижению степени адекватности.

С целью сохранения сем «быть объектом агрессии» и «защищаться» А. Петурниг использует функционально-адекватную замену. Глагол с более широкой семантикой *sich vor etwas schützen* /ограждать себя, защищаться/ (*verhindern, dass eine Person verletzt wird oder in Gefahr kommt bzw. dass eine Sache beschädigt wird* [Langenscheidts 1993] /препятствовать, предпринимать действия, чтобы никого не ранили либо не подвергли опасности, а также с целью предотвращения ущерба материальных объектов [перевод наш – В. С.]) стирает акцент на активной оборонительной позиции, т. е. выпускает сему «усиленно /

энергично реагировать», которая является немаловажной при передаче коммуникативной интенции. Подобное переводческое решение снижает степень экспрессивности и реализует коммуникативное намерение не в полном объеме, поэтому мы считаем, что в данном случае степень адекватности перевода снижена.

Образ борьбы также возникает при описании эмоционального состояния задержанного. Метафорически употребленное слово *борьба* (*перен. столкновение противоречивых чувств, стремлений* [БАС 2005, т. 2: 147]) актуализирует семы «эмоциональное напряжение», «конфликт», «колебания», «неопределенность»:

Это значит, в самую тяжелую минуту борьбы иметь подле себя светлый ум, владеющий всеми законами! [Солженицын 2011: 129]

– *This means having beside you in the most difficult moment of your life a clear-minded ally who knows the law* [Whitney 1974: 121].

– *Das heißt, in den schwersten Stunden des Kampfes einen gesetzkundigen und klardenkenden Mann zur Seite zu haben!* [Peturnig 1974: 123]

Т. Уитни прибегает к приему демегафоризации, эксплицирующему прагматику высказывания, что приводит к исчезновению военного смыслообраза. Выражение *the most difficult moment of your life* /самый тяжелый момент твоей жизни/ является нейтральным в плане эмоциональной насыщенности и экспрессивности, что ведет к снижению степени адекватности.

Аналогичное метафорическое переосмысление денотата *der Kampf* /борьба/ (*die Anstrengungen, mit denen man einen seelischen Konflikt zu lösen versucht* [Wahrig 1994] /усилия, направленные на решение душевного конфликта [перевод наш – В. С.] в контексте немецкой лингвокультуры позволяет А. Петурниг реализовать адекватную передачу актуализированных автором оригинала сем за счет использования приема подстановки переносного значения. Ядерные компоненты метафорического значения, а также оригинальный образ (=форма) сохранены, что подтверждает реализацию коммуникативного задания и говорит о высокой степени адекватности перевода.

Атмосфера общения с сокамерником моделируется при помощи метафорически употребленного глагола *схватываться* (*перен. вступить в*

горячий спор, перепалку [МАС]), который актуализирует семы «взаимодействовать», «пытаться отстоять свою позицию» и «напряженный эмоциональный фон».

Мы часто схватываемся с Юрием Е. [Солженицын 2011: 213]

– *I often argued with Yuri Y.* [Whitney 1974: 216]

– *Oft gerate ich mit Jurij J. aneinander* [Peturnig 1974: 211].

Переводческое соответствие *to argue* /*спорить*/ (*to contend in argument; to dispute* [Webster 1993] / *вести напряженный спор; спорить* [перевод наш – В. С.]) передает ядерные семы «взаимодействовать» и «пытаться отстоять свою позицию», участвующие в формировании коммуникативного эффекта. Однако в результате использования приема демегафоризации отказ от сохранения формы ведет к утрате образности и сглаживанию эмотивного фона. Компенсирующие элементы в (кон)тексте отсутствуют, поэтому адекватность перевода снижена.

В качестве функционального аналога (прием функционально-адекватной замены) А. Петурниг использует устойчивое словосочетание *an jemanden geraten* (*zufällig mit einer mst unangenehmen Person zu tun bekommen* [Langenscheidts 1993] / *случайно столкнуться (иметь дело) с человеком (зачастую неприятным)* [перевод наш – В. С.]), которое выпускает сему «пытаться отстоять свою позицию» и привносит в контекст «лишнюю» коннотативную сему неприязни. При этом стоит отметить, что в тексте произведения отношения автора с персонажем Юрием не характеризуются антипатией. В этом фрагменте ярко проявляется особенность русского менталитета – правдоискательство. Русский человек отличается стремлением установить истину и использовать ее для измерения своих поступков и чужих действий [Касьянова 2003: 260]. Данная характеристика менее выражена в картине мира носителей немецкого языка, поэтому малопонятна реципиенту и интерпретируется как нечто негативное, что противоречит коммуникативному намерению автора. В связи с этим мы считаем, что адекватность перевода снижена.

Вторичная номинация *осечка* актуализирует переносное значение *промах, неудача в каком-либо деле* (разг.) [БАС 2010, т. 14: 175]:

И уж тут осечки не было – девушки оказались на идейной высоте!
[Солженицын 2011: 229]

– *But this time there was no **misfire**. These girls turned out to be ideologically sound!* [Whitney 1974: 233]

– *Und hier gab es keine **Panne** mehr – die Mädchen zeigten sich der Situation politisch gewachsen!* [Peturnig 1974: 226]

В контексте безличной конструкции *there was* Т. Уитни калькирует переносное значение слова. Английское соответствие *misfire* /осечка/ ((*of a rifle or gun or of a bullet or shell*) *to fail to fire or explode properly* [Webster 1993] / (о винтовке, оружии, пуле, снаряде) не выстрелить или не взорваться соответствующим образом [перевод наш – В. С.]) транслирует ядерные семы предпринятого действия и отрицательного результата при сохранении формы. Компенсаторная роль контекста помогает реализовать коммуникативную интенцию в полной мере, поэтому в данном случае мы можем говорить о высокой степени адекватности.

При переводе на немецкий язык присущие оригинальной метафоре ядерные семы предпринятого действия и отрицательного результата передаются при помощи технического понятия *die Panne* /поломка, неисправность/ (*ein Fehler oder technisches Problem* [Langenscheidts 1993] / ошибка, промах или техническая проблема [перевод наш – В. С.]). В результате функционально-адекватной замены образ неудачного применения оружия трансформируется в образ технической неисправности, т. е. военная метафора преобразуется в техническую с целью корректного выполнения коммуникативного задания. Рассмотренный вариант перевода мы считаем адекватным.

2. Фрейм «итоги войны».

Органы власти позиционируются автором как сторона-победитель, наносящая сокрушительные удары по «неудобным» слоям населения. Данный образ продуктивно реализуется при помощи метафор фрейма «итоги войны». Рассмотрим технику перевода метафорической единицы *громить* (*разрушать, уничтожать, разорять; сокрушать, разбивать (неприятеля)*) [БАС 2006, т. 4:

420]), содержательная сторона которой представлена семами «процесс», «уничтожение» и несет коннотацию воинственного настроения.

Но будем все время помнить: <...> что не упускают громить и секты, даже сочувственные коммунизму [Солженицын 2011: 65].

– *But we must always remember that: <...> Non-Orthodox sects were also under constant attack, even those sympathetic to Communism [Whitney 1974: 51].*

– *Aber niemals wollen wir vergessen: <...> daß mitnichten versäumt wird, die Sekten zu bekämpfen, auch solche sogar, die mit dem Kommunismus sympathisieren [Peturnig 1974: 58].*

В переводе Т. Уитни глагольная метафора *громить* передана выражением *to be under constant attack* /подвергаться постоянной атаке/, актуализирующим ядерную сему непрерывного процесса. В составе выражения *to be under constant attack* вторичная номинация *attack* (*applies to a beginning of hostilities, esp. those definitely planned* [Webster 1993] /используется для обозначения начала военных действий, особенно запланированных [перевод наш – В. С.]) направлена на сохранение военного образа и воспроизведение коннотаций враждебности и агрессии. Однако в результате функционально-адекватной замены сема уничтожения не получает отражения в переводе, что идет вразрез с коммуникативным намерением автора и указывает на снижение степени адекватности.

Метафорически употребленный глагол *bekämpfen* /воен. подавлять, поражать/ (*kämpfen gegen, angreifen, zu besiegen versuchen* [Wahrig 1994] /вести боевые действия против, нападать, атаковать, пытаться одержать победу [перевод наш – В. С.]) является калькой прямого значения, актуализирующей семы «процесс», «подавление» и коннотацию воинственного настроения. Сохранение формы и коннотаций при изменении состава ядерных компонентов значения направлено на выполнение коммуникативного задания. Данный вариант перевода вызывает необходимую реакцию у немецкого читателя, поэтому является адекватным.

Концептуальный признак могущества и неоспоримой победы правительства реализуется также метафорически употребленным глаголом **сокрушить** (*перен. уничтожить, ниспровергнуть (каноны, авторитет и т. п.)* [БАС 2019, т. 26: 644]):

Давно приходит пора сокрушить интеллигенцию техническую, слишком считающую себя незаменимой и не привыкшую подхватывать приказания на лету [Солженицын 2011: 58].

– *The time had long since arrived to crush the technical intelligentsia, which had come to regard itself as too irreplaceable and had not gotten used to catching instructions on the wing* [Whitney 1974: 43].

– *Höchste Zeit wird's längst, die technische Intelligenz in den Griff zu bekommen, die sich allzu unersetzlich dünkt und es nicht gewohnt ist, prompt zu parieren* [Peturnig 1974: 51].

Т. Уитни подбирает вариантное соответствие **to crush** /раздавить, уничтожать, сокрушать/ (*to destroy, subdue, or suppress utterly; to oppress grievously* [Webster 1993] / разрушать, уничтожать, подчинять либо сильно подавлять; мучительно угнетать [перевод наш – В. С.]), которое реализует коммуникативное задание при минимальной трансформации образности.

При переводе на немецкий язык метафорический смысл передан при помощи устойчивого выражения **etwas in den Griff zu bekommen** /овладеть чем-либо/ (*etwas unter Kontrolle bringen* [Wahrig 1994] / установить контроль над чем-либо [перевод наш – В. С.]). В результате трансформации тропа, которая представляет собой замену фразеологизмом, исходная сема уничтожения преобразуется в сему власти / контроля, не препятствуя реализации коммуникативной интенции. Оба варианта перевода являются адекватными.

На протяжении всего произведения А. И. Солженицын неоднократно подчеркивает, что только органы власти могут победить в этой ожесточенной схватке. Именно в этом контексте даже незначительный успех отдельного гражданина в ходе следствия можно назвать «победой». Использование в следующем примере военной метафоры **победил** в очередной раз

подчеркивает специфику взаимодействия следственных органов с обвиняемыми и, соответственно, задает соответствующий коннотативный фон.

*А сейчас не узнаю себя – как я мог это подписывать и еще считать, что неплохо отделался и даже **победил**?* [Солженицын 2011: 118]

– *I did not recognize myself-how could I have signed them and still think I had not gotten off too badly?* [Whitney 1974: 108]

– *Jetzt kann ich mich selbst nicht wiedererkennen: Wie habe ich das unterschreiben und noch dazu glauben können, daß ich mich recht gut aus der Affäre gezogen habe?* [Peturnig 1974: 111]

В данном случае метафора **победить** (*одерживать победу над противником, наносить ему поражение; одерживать верх над кем-либо, чем-либо, преодолевать, одолевать кого-либо, что-либо* [БАС 2011, т. 17: 150]) акцентирует внимание на враждебности и непримиримости системы. В связи с тем, что в рассматриваемом предложении выражение **неплохо отделаться**, получившее переводы *not get off too badly* (*to get off – to escape the consequences of or punishment for one's actions* [Webster 1993] / *выйти сухим из воды / отделаться – избежать последствий своих действий либо заслуженного наказания* [перевод наш – В. С.]) и *sich recht gut aus der Affäre ziehen* (*sich geschickt aus einer unangenehmen Situation befreien* [Langenscheidts 1993] / *ловко выйти из неприятной ситуации* [перевод наш – В. С.]), и глагольная метафора **победить** имеют общую сему «успешного исхода», хотя и не являются эквивалентными, Т. Уитни и А. Петурниг принимают решение элиминировать метафору. Рассматриваемая метафора экспрессивно дополняет контекст, поэтому ее опущение нежелательно, но имеет место в обоих переводах. В данном случае компенсаторный эффект контекста позволяет говорить о минимальной степени адекватности.

Метафорически употребленное слово **расправа** (*жестокое применение силы (обычно физической) против кого-либо с целью наказания за что-либо* [БАС 2014, т. 23: 41]) подчеркивает насильственный характер действий по отношению к подсудимым. В рассмотренном фрагменте слово **расправа** актуализирует семы «факт проступка», «жестокое отношение», «с целью наказания», а также

коннотирует несправедливость со стороны актанта. Перевод усложняется тем фактом, что расправа является историческим названием судебных органов (*специальный суд для государственных крестьян, однодворцев и казаков в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в.* [БАС 2014, т. 23: 42]), т. е. представляет собой историческую реалию русской культуры, придавая метафоре яркую национально-культурную окраску. В английском и немецком языках эквиваленты данному понятию отсутствуют, т. е. *расправа* представляет собой когнитивную лауну. Т. Уитни и А. Петурниг предлагают разные варианты перевода данной метафоры с разной степенью экспрессивности и различными семантическими оттенками.

*Значит, даже не один, а целых два полных кодекса остаются вам неизвестными в то самое время, когда по их правилам над вами началась **расправа**?! [Солженицын 2011: 130]*

– *This means that there are two distinct codes, not just one, of whose contents you are completely ignorant even as you **are being trampled** under their provisions [Whitney 1974: 122].*

– *Nicht nur ein Kodex, sondern deren gleich zwei wurden Ihnen vorenthalten, als sie drangingen, **Ihnen nach ihren Gesetzen den Prozeß zu machen**?! [Peturnig 1974: 124]*

В переводе Т. Уитни *расправа* обозначена достаточно экспрессивным соответствием *to be trampled*, что представляет собой функционально-адекватную замену. Метафорически употребленный глагол *to trample* /давить; топтать; растаптывать/ (*to act in a harsh, domineering or a cruel manner, as if treading roughly* [Webster 1993] /действовать резко, деспотично или жестоко, как будто грубо наступая [перевод наш – В. С.] позволяет сохранить семы жестокости и деспотизма (намек на несправедливость) при трансформации образности (топтать ногами). Передача выпущенных сем «факт проступка», «с целью наказания» обеспечивается контекстом.

А. Петурниг отдает предпочтение устойчивому выражению *jemandem den Prozeß machen* /привлечь кого-л. к суду/ (*jemanden vor Gericht bringen*

[Langenscheidts 1993] / *возбудить дело в суде против кого-либо* [перевод наш – В. С.]). Фразеологический оборот актуализирует семы «факт проступка», «оценка степени вины», «с целью наказать», но является более нейтральным в плане образности и коннотаций. В целом оба варианта способствуют корректной передаче коммуникативной интенции, поэтому можно утверждать, что они соответствуют критериям адекватности.

В следующем контексте подход к переводу рассмотренной метафоры иной:

<...> *где им самим ТАКАЯ **расправа** никогда не угрожала* [Солженицын 2011: 136].

– <...> *where they themselves had never been threatened by such **retribution*** [Whitney 1974: 129].

– <...> *in dem ihnen selber eine derartige **Abrechnung** niemals gedroht hatte* [Peturnig 1974: 131].

Переводческое решение по схеме *расправа* = *retribution* (The Day of Retribution – день страшного суда) привносит аллюзию религиозного характера, что не противоречит композиционной структуре произведения. Трансформация направлена на актуализацию присущих оригинальной метафоре ядерных сем («факт проступка», «с целью наказания»), создает мрачную атмосферу вокруг происходящего, но выпускает коннотацию несправедливости, что не позволяет реализовать коммуникативную интенцию в полной мере и говорит о снижении степени адекватности.

Для передачи ядерных компонентов значения А. Петурниг также прибегает к функционально-адекватной замене. Вторичная номинация *die Abrechnung* /расплата/ (*die Abrechnung mit jemandem* ← *mit jemandem abrechnen* /свести счеты (поквитаться) с кем-либо/ – *sich an jemandem für ein Unrecht rächen, das er einem getan hat* [Langenscheidts 1993] /отомстить кому-либо за несправедливое действие в отношении себя [перевод наш – В. С.]) имеет иную денотативную соотнесенность (финансовая сфера), что говорит о кардинальном изменении формы (образа). В результате преобразования денотативной соотнесенности метафорической единицы происходит изменение ее содержания: вместо семы

жестокости появляется сема установления равновесия / восстановления справедливости, которая диаметрально противоположна коннотации в оригинале. Таким образом, степень адекватности перевода снижена.

Проведенный сопоставительно-переводческий анализ 67 военных метафор позволил выявить специфику передачи исследуемых единиц. Особенности техники перевода военных метафор на английский и немецкий языки в количественном аспекте представлены в таблице 7.

Таблица 7

Количественный сопоставительный анализ приемов
перевода военных метафор

Образ сохранен	Перевод Т. Уитни	Наименование приема	Перевод А. Петурниг	Образ сохранен
55,22%	20,9%	подстановка переносного значения	25,37%	61,19%
	17,91%	калька прямого значения	16,42%	
	16,42%	калька переносного значения	19,4%	
	0	сравнение	0	
Изменен				Изменен
22,39%	10,45%	вариантное соответствие	8,96%	28,36%
	11,94%	функциональная замена	16,42%	
	0	фразеологизм	3%	
Исчез				Исчез
22,39%	17,91%	деметафоризация	7,46%	10,45%
	4,48%	опущение	3%	

Представленные в таблице данные позволяют сделать следующие выводы. Ведущим приемом при переводе военных метафор как на английский, так и на немецкий язык является подстановка переносного значения. Данный прием составил 20,9% и 25,37% соответственно. При передаче военных метафор Т. Уитни и А. Петурниг также широко используют приемы калькирования прямого и переносного значений. Доминирование данных приемов обусловило

тенденцию к сохранению образа при передаче данного типа метафор в обоих переводах (55,22% и 61,19%).

При этом А. Петурниг либеральнее (28,36% по сравнению с 22,39% Т. Уитни) относится к вопросу сохранения оригинального образа, о чем говорят более частые функционально-адекватные замены (16,42%) и наличие случаев перевода метафоры фразеологизмом (3%). В англоязычном переводе тенденция к нивелированию образности является более выраженной за счет более широкого использования приема демегафоризации (17,91%).

В английском переводе Т. Уитни отсутствуют случаи использования фразеологизмов и сравнения. В свою очередь, А. Петурниг отказывается от использования сравнения при передаче милитарных метафор.

2.1.7. Театральная метафора

Доля театральных метафор в исследуемом произведении составила 6,26%. Представим результаты сопоставительно-переводческого анализа театральных метафор с опорой на фреймово-слотовый анализ оригинальных русских метафорических единиц.

1. Фрейм «вид зрелища и жанр представления».

Слот 1.1. Вид зрелища

Вторичная номинация *маскарад* содержит семы «поведенческая характеристика», «преднамеренность», «обман», «лицемерие», «скрытие правды» (*притворство, обман, имеющий целью скрыть истинную сущность* [БАС 2007, т. 9: 554]) и отрицательную оценку референта:

Это – только ли маскарад? [Солженицын 2011: 175]

– *Is this only a masquerade?* [Whitney 1974: 173]

– *Ob's nur Maskerade ist?* [Peturnig 1974: 171]

В американской и немецкой лингвокультурах переносные значения тождественных в прямом значении лексических единиц *masquerade* /*маскарад*/ (*false outward show; disguises; pretense* [Webster 1993] / *проявление неискренности;*

маскировка; притворство [перевод наш – В. С.] и *Maskerade* /маскарад/ ((*etwas nicht echt, sondern vorgetäuscht* [Langenscheidts 1993] / о чем-либо ненастоящем, симитированном [перевод наш – В. С.] также актуализируют семы преднамеренности, лицемерия и фальши, выпуская сему «с целью скрыть правду», передача которой обеспечивается контекстом. Подстановка переносного значения способствует передаче ядерных компонентов, формы и отрицательных коннотаций, что позволяет рассчитывать на запланированную негативную реакцию как американского, так и немецкого читателя. В данном случае мы можем говорить о высокой степени адекватности обоих переводов.

Слот 1.2. Жанр представления

Вторичная номинация *спектакль* содержит ядерные семы «действия», «создание видимости», периферийную сему «корыстные цели» и коннотации лицемерия и фальши (*поведение, действия, направленные на создание видимости чего-либо, определенного впечатления для того, чтобы скрыть истинные (обычно корыстные) цели* [БАС 2021, т. 27: 284]):

Но и нам и вам выгоднее, если вы сыграете некоторый спектакль, текст которого вы сами же и напишите, как специалисты, а мы, прокуроры, разучим и постараемся запомнить технические термины [Солженицын 2011: 392].

– *But it is useful both for you and for us to have you act out a certain drama, the text for which you, as specialists, are going to write yourselves, and we, as prosecutors, are going to learn by heart ... and we will try to remember the technical terms* [Whitney 1974: 397].

– *Doch es wäre für beide Seiten vorteilhafter, wenn ihr euch bereit fändet, in einem bestimmten Stück mitzuwirken, dessen Text ihr als Fachleute selber schreiben werdet; wir Anwälte werden ihn auswendig lernen und versuchen, die technischen Termini zu behalten* [Peturnig 1974: 380].

Лексическая единица *drama* /драма, пьеса/ (*a composition in prose or verse presenting in dialogue or pantomime a story involving conflict or contrast of character; a play* [Webster 1993] / прозаическое или стихотворное произведение, повествующее историю, в основе которой лежит конфликт либо

противоречивые герои, в форме диалога или пантомимы; пьеса [перевод наш – В. С.] также имеет узуальное переносное значение *any series of events having vivid, emotional, conflicting, or striking interest or result* [Webster 1994] / *последовательность событий, вызывающих эмоциональный всплеск и живой интерес, зачастую с неожиданной развязкой* [перевод наш – В. С.]. В процессе межъязыкового перехода наблюдается модификация семного состава переводного соответствия, актуализирующего ядерные семы «последовательность действий», «источник интереса» и периферийную сему «неожиданная развязка», что не мешает реализации коммуникативного задания. Но стоит обратить внимание на то, что калька переносного значения стирает отрицательные коннотативные семы лицемерия и фальши, характерные для денотата лексической единицы **спектакль**, что говорит о снижении степени адекватности.

Калька переносного значения **Stück** /*пьеса, спектакль*/ (*ein literarisches Werk, das meistens im Theater gezeigt (aufgeführt) wird* [Langenscheidts 1993] / *литературное произведение, которое зачастую ставят на сцене театра* [перевод наш – В. С.]) обладает потенциалом генерирования необходимых ядерных сем, но является более нейтральной в плане коннотаций, функцию которых в данном случае восполняет контекст. С нашей точки зрения, коммуникативная цель достигнута, поэтому перевод является адекватным.

С целью варьирования театральных образов автор использует слово **пьеса** (*драматическое произведение, обычно предназначенное для театрального представления* [БАС 2012, т. 21: 598]) в качестве вторичной номинации, актуализирующей ядерные семы «действия», «создание видимости» и коннотацию «ввести в заблуждение».

В конце лета его арестовали, вот перед самым процессом – а он не только вжился в роль, но как бы не он и всю пьесу составил, и охватил гору смежного материала, и все подает с иголочки, любую фамилию, любой факт [Солженицын 2011: 391].

– *He had been arrested only at the end of the summer, just before the trial really-and he not only managed to enter fully into his role, but it seemed as though he*

had written the whole play. He had absorbed a whole mountain of interrelated material, and he could serve it up spick-and-span, any name at all, any fact at all [Whitney 1974: 391].

– *Gegen Ende des Sommers wurde er verhaftet, kurz bevor der Prozeß begann – aber was er nun bietet, ist nicht bloß ein Aufgehen in seiner Rolle, nein, er spielt beinah, als hätte er selber **das Stück herausgebracht** und hat einen Berg von zusätzlichem Material verarbeitet und ist immer parat, mit jedem Namen, jeder beliebigen Tatsache zu dienen* [Peturnig 1974: 379].

Калькирование прямого значения *play* /*пьеса*/ (*a dramatic composition or piece; drama* [Webster 1993] / *драматическое произведение; пьеса* [перевод наш – В. С.]) направлено на актуализацию необходимых ядерных сем. Данные варианты перевода сохраняют форму, ядерные компоненты значения, коннотации и экспрессивность, что приводит к появлению запланированной реакции как у американского, так и у немецкого читателя. Оба переводчика добиваются достаточной степени адекватности.

2. Фрейм «люди театра».

Слот 2.1. Участники спектакля

Идея неэффективности предпринимаемых действий реализуется глагольной метафорой *не вытанцовываться* (*вытанцовываться – разг. удаваться, получаться (обычно с отрицанием)* [БАС 2006, т. 3: 602]), которая актуализирует соответствующие ядерные семы (предпринимать действия, не иметь результата):

*Страна ждала всеобъемлющего вредительского процесса, ждал товарищ Сталин, – а у Крыленки никак **не вытанцовывалось*** [Солженицын 2011: 374].

– *The country was waiting for the all-inclusive wreckers' trial, and Comrade Stalin was waiting – but things just **couldn't seem to fall into place** for Krylenko* [Whitney 1974: 375].

– *Das Land wartete auf den allumfassenden Schädlingsprozeß, Stalin wartete darauf – und bei Krylenko **ging alles schief*** [Peturnig 1974: 361].

Соотнесенность метафорической единицы с разговорным стилем говорит о высокой степени ее экспрессивности, которую удастся воссоздать при переводе

на английский язык при помощи фразеологизма *to fall into place* /вставить на свое место/ (*become easy to understand* / становиться понятным [перевод наш – В. С.]). Использование фразеологического оборота с отрицанием направлено на передачу тождественных ядерных сем. А. Петурниг отдает предпочтение не менее экспрессивной функционально-адекватной замене *schiefgehen* /не удаваться/ (*schlecht ausgehen, nicht den gewünschten Verlauf nehmen, misslingen* [Langenscheidts 1993] / плохо заканчиваться, принимать нежелательный оборот, не удаваться [перевод наш – В. С.]), которая также сохраняет ядерные компоненты значения. Морфологические компоненты немецкого глагола *schief* /кривой, косой/ и *gehen* /идти/ говорят об экспрессивности приема. В обоих случаях трансформация образа решает коммуникативную задачу, что позволяет судить о вариантах перевода как адекватных.

Номинативная метафора *марионетка* (о человеке, государстве, правительстве и т. п., слепо действующих по чужой воле, являющихся чьим-либо послушным орудием [БАС 2007, т. 9: 602]) содержит семы «личностно-поведенческая характеристика», «объект манипуляций» и отрицательные коннотации (безвольность, слепота):

Ведь вот из бердяевского кружка сделали марионеток для суда, а из него самого не сделали [Солженицын 2011: 137].

– *Well, they managed to tum some individuals from the Berdyayev circle into puppets for a trial, but they didn't succeed with Berdyayev* [Whitney 1974: 130].

– *Nun, aus dem Berdjajewischen Kreis haben sie schließlich lauter Marionetten für das Gericht machen können – nur aus ihm selber nicht* [Peturnig 1974: 137].

Прием подстановки переносного значения *puppet* /марионетка/ (*a person whose actions are prompted and controlled by another or others* [Webster 1993] /лицо, чьи действия иницируются либо контролируются другим лицом либо другими лицами [перевод наш – В. С.]) и *Marionette* /марионетка/ (*willenloser, anderen als Werkzeug dienender Mensch* [Wahrig 1994] / безвольный человек, выступающий орудием для других [перевод наш – В. С.]) позволяет актуализировать тождественные ядерные семы и коннотации. Следовательно, сохранение формы

сопровождается воспроизведением коррелирующих ядерных сем и коннотативного фона, что обеспечивает адекватную передачу содержания метафорической единицы в обоих языках.

Окказиональная метафора *на ниточках* является следствием развертывания метафорической модели ГРАЖДАНИН – ЭТО МАРИОНЕТКА. В данном случае снова актуализирована сема «объект манипуляций».

Но вот в антракте, за кулисами, всё снова подтянуто к стандарту. Все подсудимые снова на ниточках [Солженицын 2011: 389].

– *And in the recess, behind the scenes, everything was once more brought up to snuff. All the defendants were once again nervously awaiting their cues* [Whitney 1974: 393].

– *Doch in der Pause, hinter den Kulissen, wird alles wieder ins rechte Lot gebracht. Die Fäden sind wieder festgebunden, jeder Angeklagte wartet, bis er dran gezogen wird* [Peturnig 1974: 377].

В обоих переводах метафора подлежит функционально-адекватным заменам, которые сохраняют театральную денотативную соотнесенность. В переводе Т. Уитни преобразование является более кардинальным, стирающим образ марионетки, но сохраняющим коннотативную сему действия по чужой воле: *nervously awaiting their cues* /нервно ожидая сигнала для реплики/ действия/. А. Петурниг в меньшей степени трансформирует метафорическую конструкцию: *die Fäden sind festgebunden* /нити крепко привязаны/, что позволяет сохранить не только ядерный компонент значения, но и тандем образа и коннотаций. Оба варианта способствуют реализации коммуникативного намерения и соответствуют критериям адекватного перевода.

3. Фрейм «элементы представления».

Номинация *антракт* (перерыв между действиями (актами) спектакля [БАС 2004, т. 1: 227]) может использоваться для обозначения перерыва в любой сфере деятельности [Там же]:

Но вот в антракте, за кулисами, всё снова подтянуто к стандарту. Все подсудимые снова на ниточках [Солженицын 2011: 389].

– *And in **the recess**, behind the scenes, everything was once more brought up to snuff. All the defendants were once again nervously awaiting their cues* [Whitney 1974: 393].

– *Doch in der **Pause**, hinter den Kulissen, wird alles wieder ins rechte Lot gebracht. Die Fäden sind wieder festgebunden, jeder Angeklagte wartet, bis er dran gezogen wird* [Peturnig 1974: 377].

Оба переводчика добиваются достаточной степени адекватности благодаря приему деметафоризации *recess* /перерыв в работе / и *Pause* /перерыв, пауза/ (*kürzere Unterbrechung einer Tätigkeit, die der Erholung, Regenerierung o. Ä. dienen soll* [Langenscheidts 1993] / *непродолжительная приостановка деятельности с целью отдыха, восстановления сил и т. п.* [перевод наш – В. С.]). Потеря театрального образа в обоих переводах свидетельствует о снижении степени экспрессивности.

Проведенный сопоставительно-переводческий анализ 34 театральных метафор позволил выявить специфику передачи исследуемых единиц с преимущественной опорой переводчиков на прием калькирования прямого значения. Количественное распределение приемов перевода театральных метафор на английский и немецкий языки представлено в таблице 8.

Таблица 8

Количественный сопоставительный анализ приемов
перевода театральных метафор

Образ сохранен	Перевод Т. Уитни	Наименование приема	Перевод А. Петурниг	Образ сохранен
74,29%	11,43%	подстановка переносного значения	20%	85,71%
	48,57%	калька прямого значения	48,57	
	14,29%	калька переносного значения	17,14%	
	0	сравнение	0	

Образ сохранен	Перевод Т. Уитни	Наименование приема	Перевод А. Петурниг	Образ сохранен
Изменен				Изменен
17,14%	2,9%	вариантное соответствие	0	11,43%
	11,4%	функциональная замена	8,57%	
	2,9%	фразеологизм	2,9%	
Исчез				Исчез
8,57%	5,67%	деметафоризация	2,9%	2,9%
	2,9%	опущение	0	

Представленные в таблице данные позволяют сделать следующие выводы. Ведущим приемом при передаче театральных метафор как на английский, так и на немецкий язык является калькирование прямого значения. Данный прием составил 48,57% в обоих переводах. Особенностью данного приема является его применимость к переводу исключительно окказиональных метафор.

При переводе данного типа метафор Т. Уитни чаще прибегает к трансформации образа (17,14%), чем А. Петурниг (11,43%), а также более либерально относится к вопросу нивелирования образа (8,57% по сравнению с 2,86%).

Оба переводчика отказываются от использования сравнения при передаче театральных метафор. В немецком переводе А. Петурниг также отсутствуют случаи использования вариантного соответствия и опущения театральных метафорических единиц.

2.1.8. Артефактная метафора

Для описания социальной и общественной жизни в стране в произведении часто используются вторичные номинации, обозначающие артефакты, «изготовленные вещи, изделия рук человеческих», т. е. эти наименования содержат в структуре своего лексического значения сему «продукт человеческого

труда», а называемые ими референты / денотаты имеют прямое отношение к вещественно-созидательной деятельности человека [Лагута 2003: 45]. Использование артефактной метафоры преимущественно направлено на описание специфики отношений двух субъектов: государства и гражданина как собирательного образа граждан.

2.1.8.1. Техническая метафора

Соответствующие рассматриваемой метафоре образы объединяются концептуальными векторами автоматизации принятия решений и машинальности действий, осуществляемых органами государственной власти. Метафоры отражают стремление системы к подавлению граждан, безразличие к чувствам и эмоциям личности. Доля технических метафор в исследуемом произведении составила 8,47%. Представим результаты сопоставительно-переводческого анализа технических метафор с опорой на фреймово-слотовый анализ оригинальных русских метафорических единиц.

1. Фрейм «механизм».

Слот 1.1. Общие наименования

Намерение автора подчеркнуть жесткость и безжалостность системы органов власти, а именно судебной власти, объясняет выбор в качестве сферы-источника метафорического моделирования образа механизма: *машина, аппарат, мясорубка*. Рассмотрим перевод метафорической единицы *машина* (*механизм или совокупность механизмов, совершающих полезную работу с помощью преобразования одного вида энергии в другой; перен. организация, учреждение и т. п., действующие подобно механизму, бесперебойно и точно* [БАС 2007, т. 9: 617]), смысловое содержание которой включает семы «организация», «непрерывность деятельности» и «отсутствие гибкости».

Машина штампует [Солженицын 2011: 289].

– *The machine stamped out the sentences* [Whitney 1974: 291].

– *Die Maschine stempelt* [Peturnig 1974: 284].

В английском языке перевод номинативной технической метафоры *машина* представлен подстановкой переносного значения. Соответствие *the machine* (*any complex agency or operating system; an organised group of persons that conducts or controls the activities of a political party or other organisation* [Webster 1993] / любое агентство со сложной структурой или функционирующая система; организованная группа лиц, которая реализует или контролирует действия политической партии или другой организации [перевод наш – В. С.]) актуализирует ядерную сему «организованная группа лиц». Незначительное преобразование периферийных компонентов смыслового содержания (сложная структура, осуществление контроля) не противоречит коммуникативному намерению автора, поэтому мы считаем перевод адекватным.

Калькирование переносного значения обусловлено отсутствием в немецкой лингвокультуре аналогичного метафорического осмысления денотата лексической единицы *die Maschine* /машина, механизм/ (*ein (mechanisches) Gerät, das Energie umformt und so die Arbeit für den Menschen leichter macht* [Langenscheidts 1993] / (механический) прибор, который преобразует энергию с целью облегчения работы для человека [перевод наш – В. С.]). Тем не менее слово *die Maschine* обладает потенциалом транслирования тождественных сем обезличенности и автоматизма выполняемых действий, а также коннотации пренебрежительности, о чем говорит иллюстративный материал к словарной статье: (*salopp*) *sie arbeitet wie eine Maschine (unaufhörlich und schafft entsprechend viel)* / (пренебрежит.) она работает, как машина (беспрерывно и создает, соответственно, много) [перевод наш – В. С.]. Коммуникативная цель выполнена, что позволяет судить об адекватности перевода.

Система органов власти предстает в произведении в образе *мясорубки* (электрическое или механическое приспособление для размалывания мяса на фарш [БАС 2008, т. 10: 565]). Данное слово может быть употреблено в переносном смысле для описания кровопролитной битвы или войны [БАС 2008, т. 10: 565], поэтому в рассматриваемом контексте оно генерирует ядерные семы

«скоординированная деятельность», «направленная на подавление» и актуализирует коннотативные семы жестокости и безжалостности:

*Как чумакам догоголевского времени нельзя внять скоростям реактивных самолетов, так нельзя охватить истинных возможностей следствия тем, кто не прошел приемную **мясорубку** ГУЛага [Солженицын 2011: 139].*

*– Just as oxcart drivers of Gogol's time could not have imagined the speed of a jet plane, those who have never gone through the receiving-line **meat grinder** of Gulag cannot grasp the true possibilities of interrogation [Whitney 1974: 133].*

*– Wie die Fuhrleute zu Gogols Zeiten die Geschwindigkeiten der Düsenflugzeuge nicht erahnen konnten, so kann auch niemand die wahren Möglichkeiten der Vernehmungszurück erfassen, der nicht **den Fleischwolf** in der Aufnahmekanzlei des GULAG passiert hat [Peturnig 1974: 134].*

С целью передачи коммуникативного намерения оба переводчика калькируют переносное значение, используя дословный перевод. Оба соответствия **meat grinder** /мясорубка/ (*a machine for reducing the flesh of animals to fine particles, as by pounding or crushing* [Webster 1993] / механизм для превращения плоти животных в массу, состоящую из мелких частиц, например, путем частых ударов либо оказания физического давления [перевод наш – В. С.] и **der Fleischwolf** (*Maschine zum Zerkleinern von Fleisch* [Wahrig 1994] / механизм для рубки, измельчения мяса [перевод наш – В. С.] актуализируют сему скоординированных действий, направленных на уничтожение. В немецком языке возникновение коннотаций жестокости и безжалостности вполне закономерно благодаря узуальному выражению *jemanden durch den Fleischwolf drehen* (*umgangssprachlich: jemandem sehr zusetzen, jemanden hart herannehmen* / пропустить кого-либо через мясорубку (разг. оказывать на кого-либо сильное давление, нагружать работой) [перевод наш – В. С.]. В английском языке подобные коннотации проецируются контекстом высказывания и всего текста в целом, поэтому степень адекватности немецкого варианта **der Fleischwolf** немного выше, чем английского соответствия **meat grinder**.

Следующий фрагмент демонстрирует иной подход к переводу метафорически употребленного слова **мясорубка** (актуализируются семы «военное событие», «большое количество жертв») на немецкий язык:

Да списал их еще до нас наш Отец: цвет московской интеллигенции он бросил в вяземскую мясорубку с берданками 1866-го года, и то одна на пятерых [Солженицын 2011: 235].

– *And our Father wrote them off, even before we did: he threw the flower of Moscow's intelligentsia into the Vyazma **meat grinder** with Berdan single-loading rifles, vintage 1866, and only one for every five men at that [Whitney 1974: 240–241].*

– *Das Auslöschen aber hatte Stalin noch vor uns besorgt: Die Zierde der Moskauer Intelligenz warf er mit Karabinern des Jahres 1866 in **das Gemetzel** von Wjasma; mit einem Karabiner – für fünf Mann [Peturnig 1974: 233].*

В вышеуказанном фрагменте передача ядерных компонентов значения и коннотации проявляемой жестокости обеспечена функционально-адекватной заменой. Оригинальный образ мясорубки преобразуется в переводе в образ действий насильственного характера. Немецкое соответствие **das Gemetzel** /бойня, резня/ (*das Töten (meistens wehrlosen) Menschen oder Tieren [Langenscheidts 1993] /убийство (зачастую беззащитных / безоружных) людей или животных [перевод наш – В. С.]*) выводит на первый план семы массового уничтожения, беззащитности и уязвимости участников. Подобное переводческое решение в полной мере реализует коммуникативное намерение автора, что позволяет судить об адекватности перевода.

Слот 1.2. Наименования конкретных механизмов

Характеристика граждан метафорически моделируется сквозь призму механизма. Вторичная номинация **духовное устройство** (механизм, механическое приспособление, сооружение [МАС]) генерирует ядерные семы «социально-коммуникативная характеристика», «автоматизм действий», коннотируя быстроту и однозначность реакции.

*Мне кажется, такие **духовные устройства** заключены во многих из нас, но, люди слишком технического и умственного века, мы пренебрегаем этим чудом, не даем ему развиваться в нас [Солженицын 2011: 187].*

*– It seems to me that such **spiritual sensors** exist in many of us, but because we live in too technological and rational an age, we neglect this miracle and don't allow it to develop [Whitney 1974: 186].*

*– Ich glaube, daß solche **geistige Vorrichtungen** in vielen von uns „eingebaut“ sind, doch als Menschen eines allzu technischen und intellektuellen Jahrhunderts schätzen wir dieses Wunder gering und lassen es nicht zur vollen Entfaltung kommen [Peturnig 1974: 183].*

С целью передачи метафоры **устройство** используется функционально-адекватная замена, в основе которой лежит прием конкретизации. Помимо ядерных сем «социально-коммуникативная характеристика», «автоматизм действий» переводческое соответствие **sensor** (*a device that can react to light, heat, pressure in order to make a machine, etc. do smth. or show smth.* [Webster 1993] / *устройство, которое реагирует на световые и тепловые колебания, изменение давления и передает механизму сигнал сделать или показать что-то [перевод наш – В. С.]*) актуализирует дополнительную (отсутствующую в оригинале) коннотативную сему наличия способности к узнаванию и реакции, что не противоречит коммуникативной интенции.

В немецком переводе выявлен прием калькирования прямого значения **die Vorrichtung** /*приспособление, устройство; механизм/ (eine Konstruktion an einem größeren Gegenstand, die eine bestimmte Hilfsfunktion hat [Langenscheidts 1993] / конструкция на более крупном объекте, которая выполняет определенную вспомогательную функцию [перевод наш – В. С.]*). А. Петурниг справляется с поставленной коммуникативной задачей при сохранении формы, ядерных сем и коннотаций, что говорит об адекватности перевода.

2. Фрейм «части механизма».

В соответствии с гипотезой инвариантности Дж. Лакоффа на основе фреймового знания наблюдается следующее метафорическое следствие: если

система органов власти позиционируется в качестве механизма, то каждый отдельный ее представитель является частью этого механизма (*часть – предмет, являющийся составным элементом какого-либо единого целого, системы (организма, механизма и т. п. [МАС])*). Вторичная номинация **часть** актуализирует набор сем «индивид как элемент системы», «незначительность роли» и «заменяемость».

Каждый из них бестрепетен лишь пока он – незамечаемая часть общей действующей машины [Солженицын 2011: 292].

– *Each of them is fearless only as long as he is an anonymous cog in the whole machine [Whitney 1974: 295].*

– *Furchtlos sind sie alle nur, solange jeder ein versteckter Teil der großen, rotierenden Maschine ist [Peturnig 1974: 288].*

Функционально-адекватная замена **cog** /зубец (колеса)/ (*a gear tooth, formerly esp. one of hard wood or metal, fitted into a slot in a gear wheel of less durable material [Webster 1993]* /зуб шестерни, ранее обычно из твердых пород дерева или металла, установленный в паз /выемку шестерни из менее прочного материала [перевод наш – В. С.] обусловлена наличием переносного значения *a person who plays a minor part in a large organization or activity* (с пометой *inf*) [Webster 1993] /человек, выполняющий второстепенную роль в крупной организации или деятельности [перевод наш – В. С.]. Подобная трансформация позволяет актуализировать необходимый набор сем (индивид как элемент системы, незначительность и заменяемость), что коррелирует с прагматическим смыслом оригинальной метафоры и соответствует коммуникативной интенции автора, обеспечивая высокую степень адекватности перевода.

Полученный в результате калькирования прямого значения вариант **der Teil** /часть/ (*ein einzelnes Stück, meistens einer Maschine oder eines Apparats, das ersetzt werden kann, wenn es nicht funktioniert [Langenscheidts 1993]* /отдельный элемент, зачастую в составе устройства или механизма, который можно заменить при поломке [перевод наш – В. С.] обладает потенциалом актуализации ядерных сем

при сохранении образа. Коммуникативное намерение достигнуто, поэтому перевод является адекватным.

Намек на фатализм происходящего реализуется в произведении через метафору *заклятое колесо* (*колесо – перен. разг. об определенной закономерности, последовательности или привычном чередовании дел, событий и т. п.* [БАС 2007, т. 8: 230]; *заклятый – устар. по суеверным представлениям – заколдованный, заворуженный* [БАС 2006, т. 6: 248]). При этом стоит отметить, что русский этнический тип личности характеризуется тенденцией к фатализму. Русская картина мира основана на предположении о том, что существуют высшие силы, управляющие человеком и окружающей его реальностью. Таким образом, содержательная сторона метафоры *заклятое колесо* включает семы «последовательность событий», «безвыходность», а также негативную оценочную коннотацию обреченности положения.

И пожилые таллинские интеллигенты толковали, что вот вырваться бы им из заклётого колеса, отделиться как-нибудь и жить самим по себе [Солженицын 2011: 211].

– *The elderly Tallinn intellectuals discussed how they might break out of that iron ring, break away somehow, and live for themselves and by themselves* [Whitney 1974: 214].

– *Und einige betagte Tallinner Intellektuelle malten sich aus, wie schön es wäre, diesen Teufelskreis zu durchbrechen, sich loszutrennen irgendwie und ganz allein für sich zu leben* [Peturnig 1974: 209].

В англоязычной версии функционально-адекватная замена обусловлена межкультурными различиями. Американская традиция ставит во главу угла прагматизм и личную ответственность, именно поэтому в результате трансформации акцент смещается на личную (человеческую) ответственность за происходящее: *ring /группировка/ – a group of persons cooperating for unethical, illicit or illegal purposes, as to control prices, manipulate politicians, elude the law* [Webster 1993] / группа лиц, осуществляющих совместную деятельность, нарушающую правовые и этические нормы, с целью контроля ценообразования,

манипулирования политиками, избежания наказания по закону [перевод наш – В. С.]. Сема бессмысленности оказания сопротивления реализуется при помощи артефактной метафоры **iron** /железо, железный/ (*something hard, strong, rigid, unyielding* [Webster 1993] / нечто твердое, прочное, жесткое, неподатливое [перевод наш – В. С.]). Таким образом, оригинальный образ (=форма) преобразован в целях сохранения прагматического смысла и обеспечения адекватного перевода.

В немецкой лингвокультуре узуальная вторичная номинация **der Teufelskreis** /заколдованный круг, порочный круг/ (*eine ausweglose Situation, die durch eine Folge von negativen Faktoren oder Ereignissen entsteht, wobei immer eines die Ursache des anderen ist* [Langenscheidts 1993]; *Kreislauf, in dem der Versuch, eine Zwangslage zu lösen, wieder in eine neue führt* [Wahrig 1994] / безвыходная ситуация, которая складывается как результат последовательности негативных обстоятельств или событий, всегда связанных между собой причинно-следственной связью; круговорот, цикл, в котором попытка выйти из затруднительного положения приводит к новой проблеме [перевод наш – В. С.]) способствует сохранению ядерных сем и коннотаций окказионального метафорического выражения **заклятое колесо**. Также стоит отметить, что функционально-адекватная замена позволяет сохранить природу образа: оригинальный образ заклятия преобразуется в образ черта / дьявола (*der Teufel*), который также относится к мифической понятийной сфере. Коммуникативное задание выполнено, поэтому данный вариант перевода является адекватным.

3. Фрейм «инструменты, материалы и атрибуты производства».

Слот 3.1. Материалы

Согласно сюжетной линии произведения граждане являются объектом воздействия и манипуляций, поэтому в «производственном процессе» государства именно их используют в качестве «промежуточного сырья», необходимого для создания конечного продукта, а именно для достижения определенных целей. Вторичная номинация **чурки** (*короткий обрубок, кусок дерева или металла* [МАС]) актуализирует сему «объект манипуляций» и обладает ярко выраженной

коннотативной зоной и негативной эмоциональной оценкой (*перен. болван, дурак (бран.)*) [Кузнецов 2001]).

Оттого перед простыми так называемыми гражданами (а для тебя – просто чурками) достойнее всего иметь загадочное глубокомысленное выражение [Солженицын 2011: 154].

– *And therefore, in dealing with ordinary so-called citizens, who for you are mere **blocks of wood**, it is altogether appropriate for you to wear an ambiguous and deeply thoughtful expression* [Whitney 1974: 149].

– *Darum ist's ratsam, den einfachen sogenannten Bürgern gegenüber (die für dich einfach **Holzklötze** sind) einen rätselhaften, tiefsinnigen Ausdruck aufzusetzen* [Peturnig 1974: 149].

В результате приема калькирования переносного значения англоязычное соответствие *a block of wood* /кусок дерева/ транслирует ядерную сему объекта манипуляций, но этого недостаточно для реализации коммуникативного задания в полной мере. В связи с тем, что функция актуализации коннотаций и негативной эмоциональной оценки возложена на контекст, экспрессивность рассматриваемого варианта значительно снижается, что свидетельствует о низкой степени адекватности перевода.

В немецком переводе высокая степень адекватности достигается за счет вариантного соответствия *der Holzklötz* /полено, колода, чурбан/ (*gespr. pej. jemand, der grob und unhöflich ist* [Langenscheidts 1993]; (*fig.*) *ungeschlachter, unbeholfener oder grober Mensch* [Wahrig 1994] / разг., презрит. *грубый, невежливый человек; перен. неотесанный, неуклюжий, нерасторопный или грубый человек* [перевод наш – В. С.]), актуализирующего семы неотесанности и нерасторопности и коннотации презрения.

Слот 3.2. Атрибуты производства

Образ автоматизированного производства также затрагивает судопроизводство как сферу деятельности государства. В одном из примеров образ судей дополнен таким атрибутом, как *резиновые перчатки*. Семный состав рассматриваемого метафорического выражения включает компоненты «средство

достижения цели», «обездушенность», «второстепенность», «ничтожность». Данный атрибут символизирует то, что судьи преднамеренно не оставляют следов своей деятельности, и в целом их роль в происходящем незначительна.

Удручающе безлики и бесчувственны судьи – резиновые перчатки. Приговоры – все с конвейера [Солженицын 2011: 290].

– *The judges were depressingly faceless and emotionless – rubber stamps. The sentences all came off the same assembly line* [Whitney 1974: 293].

– *Auf bedrückende Weise gefühl- und gesichtslos sind die Richter, wie – Gummihandschuhe. Und die Urteile kommen alle vom Fließband* [Peturnig 1974: 286].

В силу нетипичного синтаксического оформления предложения перевод данной метафоры представляет особую трудность. В целях сохранения целостности образа производственного процесса переводчик преобразует метафорическое словосочетание (прием функционально-адекватной замены) в наименование **rubber stamp** /резиновый штампель, штамп/ (*a small tool that you hold in your hand and use for printing the date, the name of an organization on a document* [Webster 1993] / небольшой инструмент, который держат в руке и используют для печати даты, названия организации на документе [перевод наш – В. С.]). Выражение **rubber stamp** можно отнести к категории конвенциональных метафор в силу того, что оно имеет дополнительное негативно окрашенное переносное значение *a person or group that automatically gives approval to the actions or decisions of others* [Webster 1993] / человек либо группа лиц, автоматически одобряющих действия либо решения других [перевод наш – В. С.], отсутствующее в данном контексте, но не противоречащее в целом коммуникативному намерению автора и задействованной системе образов, моделирующих данную сферу-мишень. Перевод можно охарактеризовать как адекватный.

А. Петурниг использует прием калькирования прямого значения (*der Handschuh – ein Kleidungsstück für die Hände, das sie (vor Kälte, Schmutz oder Verletzungen) schützt* [Langenscheidts 1993] / перчатка – предмет одежды для рук, используется для защиты (от холода, грязи или повреждений) [перевод наш – В. С.]). Коммуникативный успех этого варианта не исключен, так как при

восприятию окказиональной единицы *Gummihandschuhe* /резиновые перчатки/ носитель немецкого языка ассоциирует ее с фразеологизмом *mit Samthandschuhen anfassen* /дословно *трогать / брать в бархатных перчатках/* (*fig.; umg. sehr vorsichtig behandeln* [Wahrig 1994] / *перен. очень осторожно обращаться* [перевод наш – В. С.]). Адекватность данного варианта обусловлена сохранением ядерных компонентов значения и коннотаций.

4. Фрейм «работа механизмов».

Гипотеза инвариантности Дж. Лакоффа также объясняет следующее метафорическое следствие: если представители органов власти позиционируются как средства производства (машина, механизм), то их работа по аналогии с производственным процессом может характеризоваться наличием брака (*перен. о ком-либо, чем-либо, признанном негодным для какой-либо цели из-за имеющихся недостатков* [БАС 2005, т. 2: 161]). При этом вторичная номинация **брак** актуализирует ядерную сему отрицательного результата деятельности.

Но риск невелик: следственный брак всегда можно отправить в могилу [Солженицын 2011: 392].

– *But the risk was small. Goods spoiled in interrogation could always be sent off to the grave* [Whitney 1974: 391].

– *Allerdings war das Risiko nicht groß: Der bei der Untersuchung anfallende Ausschuß konnte jederzeit ins Grab befördert werden* [Peturnig 1974: 380].

Перевод метафорической единицы **брак** в обоих языках представлен калькированием переносного значения: *goods spoiled* /испорченный товар/ и *anfallende Ausschuß* /возникающий брак/ (*anfallen* /возникать, появляться/ – *etwas fällt an = etwas steht immer wieder oder ist ständig vorhanden* [Wahrig 1994] / *то и дело возникает – что-то возникает снова и снова или постоянно существует* [перевод наш – В. С.]; *Ausschuß* /брак; отходы, отбросы/ – *minderwertige Waren oder Produkte mit Fehlern* [Wahrig 1994] / *низкокачественные товары или продукты с дефектами* [перевод наш – В. С.]). Сохраняя «производственную» образность, предложенные переводчиками соответствия

успешно транслируют необходимую ядерную сему. Выполнение коммуникативного задания говорит об адекватности данных вариантов перевода.

При этом в следующем примере мы наблюдаем трансформацию образной основы технической метафоры **брак**:

Так создалась традиция, что у Органов нет брака в работе [Солженицын 2011: 108].

– *That is how the tradition arose that the Organs do not **make mistakes*** [Whitney 1974: 97].

– *So entstand die Tradition, derzufolge es bei den Organen keinen **Arbeitsausfall** gibt* [Peturnig 1974: 101].

При переводе на английский язык прием неметафорического объяснения смысла приводит к исчезновению образа производственного процесса. Однако в оригинальном переводе выражение *make mistakes* выделено в тексте курсивом, что представляет собой намерение переводчика сохранить минимальную степень образности. В немецком переводном произведении существительное с более абстрактной семантикой *der Ausfall* /*номери, недостача*/ (*ein unerwartet schlechtes Ergebnis* [Langenscheidts 1993] / *неожиданный плохой результат* [перевод наш – В. С.]) также указывает на прием деметафоризации. Степень адекватности перевода снижена в обоих случаях.

Проведенный сопоставительно-переводческий анализ 46 технических метафор позволил выявить специфику передачи исследуемых единиц обоими переводчиками с опорой на приемы калькирования и функционально-адекватные замены. Количественное распределение приемов перевода технических метафор на английский и немецкий языки представлено в таблице 9.

Количественный сопоставительный анализ приемов
перевода технических метафор

Образ сохранен	Перевод Т. Уитни	Наименование приема	Перевод А. Петурниг	Образ сохранен
66,67%	6,25%	подстановка переносного значения	8,7%	58,7%
	33,33%	калька прямого значения	34,78%	
	27,08%	калька переносного значения	15,22%	
	0	сравнение	0	
Изменен				Изменен
22,92%	0	вариантное соответствие	4,35%	32,61%
	20,83%	функциональная замена	28,26%	
	2,08%	фразеологизм	0	
Исчез				Исчез
10,41%	10,41%	деметафоризация	8,7%	8,69%
	0	опущение	0	

Представленные в таблице данные позволяют сделать следующие выводы. При переводе технических метафор на английский и немецкий языки доминирует прием калькирования прямого значения. Данный прием составил 33,33% и 34,78% соответственно. Более широкое использование приема калькирования переносного значения (27,08%) обуславливает тенденцию к сохранению образа в англоязычном переводе (66,67%).

В переводе А. Петурниг тенденция к трансформации образа является более выраженной (32,61%), чем в переводе Т. Уитни (22,92%), как за счет более частого использования функционально-адекватных замен (28,26%), так и за счет более частого использования вариантных соответствий (4,35%).

Оба переводчика отказываются от использования сравнения и опущения при передаче технических метафор. В английском переводе Т. Уитни также

отсутствуют случаи использования вариантного соответствия. В свою очередь, А. Петурниг не использует фразеологизмы при переводе технических метафор.

2.1.8.2. Артефактная метафора непроизводственной сферы

Различные наименования артефактов непроизводственных сфер деятельности продуктивно используются автором в качестве вторичной номинации для развития идеи манипулирования гражданами. В исследуемом произведении доля метафор данного типа составила 5,13%. Представим результаты сопоставительно-переводческого анализа артефактных метафор непроизводственной сферы с опорой на фреймово-слотовый анализ оригинальных русских метафорических единиц.

Образ подчиненного системе гражданина формируют такие номинативные метафоры, как *игрушка*, *пешка*, *звеньишко*. Рассмотрим технику их перевода:

*И вот они тоже потянулись заявить о себе, о своем грозном опыте; что они – тоже частицы России и хотят влиять на ее будущее, а не быть **игрушкой** чужих ошибок. Но еще горше посмеялась над ними судьба, еще худшими **пешками** они стали* [Солженицын 2011: 263].

– *They, too, wanted the chance to speak out about themselves and their awful experience: to affirm that they, too, were particles of Russia, and wanted to influence Russia's future, and not to be **the puppets** of other people's mistakes. But fate played them an even bitterer trick, and they became more abject **pawns** than before* [Whitney 1974: 261].

– *Und so gingen auch sie ihre düstere Erfahrung anmelden: Hier sind wir, ein Teilchen von Rußland und fortan gewillt, sein Schicksal mitzubestimmen, nicht bloß **ein Spielball** fremder Fehler zu sein. Das Schicksal aber spielte ihnen noch bitterer mit, zu noch jämmerlicheren **Schachfiguren** waren sie geworden* [Peturnig 1974: 256].

Структурная метафора *игрушка* (перен. послушное орудие чужой воли; то, чем распоряжаются по своей прихоти или произволу [БАС 2005, т. 3: 36]) реализует сигнификативный признак зависимости и подчиненности, указывая на то, что

послушный гражданин является объектом манипуляций, или игрушкой. Т. Уитни конкретизирует образ, отдавая предпочтение лексеме с более узкой семантикой *puppet* /марионетка/ (*a person whose actions are prompted or controlled by another or others* [Webster 1993] /лицо, чьи действия инициируются либо контролируются другим лицом либо другими лицами [перевод наш – В. С.]). Прием перевода вариантным соответствием высвечивает семы податливости и контролируемости. С целью актуализации тех же сем А. Петурниг апеллирует к образу мяча, присутствующему в семантической структуре вариантного соответствия *der Spielball* /мяч, шар; перен. игрушка/ (*eine Person oder eine Sache, die von anderen völlig abhängig ist* [Langenscheidts 1993] /человек либо обстоятельство, которое в полной мере зависит от других [перевод наш – В. С.]). Данный прием способствует корректному воспроизведению прагматики высказывания в обоих переводах.

В вышеприведенном фрагменте отношения государства и граждан репрезентированы как игра в шахматы. Номинативная метафора *пешика* (перен. разг. о человеке, несамостоятельном в своих действиях, всецело зависящем от чужой воли, внешних обстоятельств [БАС 2011, т. 16: 530]) актуализирует семы личностно-поведенческой характеристики, зависимости и несамостоятельности в своих действиях, а также негативную оценку. Метафоры рассматриваемой сферы используются для усиления отрицательной коннотации [Солопова 2014: 131]. Семный состав английского соответствия *pawn* /пешика/ (*a person or group whose actions are controlled by more powerful people* [Webster 1993] /человек или группа лиц, чьи действия контролируются более влиятельными людьми [перевод наш – В. С.]), также транслирующего отрицательную оценку, представлен схожими компонентами: личностно-поведенческая характеристика, подконтрольность. Прием подстановки переносного значения обеспечивает корректное воспроизведение авторского коммуникативного намерения при сохранении формы, ядерных сем и коннотаций, что говорит о высокой степени адекватности перевода.

В немецкой лингвокультуре денотат лексической единицы *die Schachfigur* /шахматная фигура; пешка/ (*jede der 32 Figuren eines Schachspiels* [Wahrig 1994] /любая из 32 шахматных фигур [перевод наш – В. С.]) не порождает

коррелирующего вторичного смысла (по данным лексикографических источников переносное значение отсутствует). Прием калькирования переносного значения снижает степень адекватности перевода.

Интересен подход переводчиков к переводу метафоры *звеньишко* (уменьш.-ласк. к *звено* (однотипная составная часть, деталь) [БАС 2006, т. 6: 672]), актуализирующей ядерные семы «элемент системы», «однотипность характеристики», «заменяемость».

В одном только никогда не забывайся: и ты был бы такой же чуркой, если б не посчастливилось тебе стать звеньишком Органов – этого гибкого, цельного, живого существа, обитающего в государстве, как солитер в человеке – и все твое теперь! [Солженицын 2011: 154]

– *There is just one thing you must never forget. You, too, would have been just such a poor block of wood if you had not had the luck to become one of **the little links** in the Organs-that flexible, unitary organism inhabiting a nation as a tapeworm inhabits a human body* [Whitney 1974: 149].

– *In einem Punkt nur darfst du dich nie vergessen: Auch du wärest derselbe Holzklötz geblieben, wenn nicht das Glück dir widerfahren wäre, **ein Körnchen** von den Organen zu werden, von diesem wendigen, kompakten, lebendigen Wesen, das im Staate lebt wie ein Bandwurm im Menschen; und alles ist jetzt dein, alles für dich!* [Peturnig 1974: 149]

Т. Уитни апеллирует к денотату *link* /звено/ (*anything serving to connect one part or thing with another; a bond or tie; a unit in a communication system, as a radio relay station, a television booster station, etc.* [Webster 1993] / элемент, служащий для соединения частей друг с другом; соединение или связующий элемент; любая единица в системе коммуникации, например радиорелейная станция, телевизионная усилительная станция и т. д. [перевод наш – В.С.]). При этом очевидна ограниченность словообразовательных потенций английского языка, требующая экспликации семы незначительности, ничтожности, актуализируемой в русском языке на морфологическом уровне уменьшительно-ласкательным суффиксом -ышк-, что приводит к появлению в переводе прилагательного *little* /маленький/. В целом

вариант, полученный в результате сочетания приемов калькирования прямого значения и демегафоризации, можно охарактеризовать как адекватный.

Функционально-адекватная замена *Körnchen* /частичка/ (*Verkleinerungsform zu Korn (kleines, festes Stückchen in Form eines Kornes)* [Wahrig 1994] /уменьшительная форма слова частица (маленький, твердый кусочек в форме зерна) [перевод наш – В. С.] в полной мере способствует сохранению ядерных компонентов и коннотаций вторичной номинации *звеньшко*. Изменение формы направлено на получение необходимой реакции немецкоговорящего читателя. Данный вариант перевода является адекватным.

Проведенный сопоставительно-переводческий анализ 28 артефактных метафор непроизводственной сферы позволил выявить специфику передачи исследуемых единиц. Количественное распределение приемов перевода артефактных метафор непроизводственной сферы на английский и немецкий языки представлено в таблице 10.

Таблица 10

Количественный сопоставительный анализ приемов перевода
артефактных метафор непроизводственной сферы

Образ сохранен	Перевод Т. Уитни	Наименование приема	Перевод А. Петурниг	Образ сохранен
58,6%	10,3%	подстановка переносного значения	17,9%	57,2%
	27,6%	калька прямого значения	14,3%	
	20,7%	калька переносного значения	25%	
	0	сравнение	0	
Изменен				Изменен
24,1%	13,8%	вариантное соответствие	7,1%	28,5%
	10,3%	функциональная замена	21,4%	
	0	фразеологизм	0	
Исчез				Исчез
17,2%	17,2%	демегафоризация	14,3%	14,3%
	0	опущение	0	

Представленные в таблице данные позволяют сделать следующие выводы. При переводе артефактных метафор непроизводственной сферы на английский язык ведущим приемом является калькирование прямого значения. Данный прием составил 27,6%. При переводе артефактных метафор непроизводственной сферы на немецкий язык доминирует прием калькирования переносного значения (25%). Передача рассматриваемого типа метафор характеризуется тенденцией к сохранению оригинального образа (58,6% и 57,2% соответственно).

В целом А. Петурниг либеральнее (28,5% по сравнению с 24,1% Т. Уитни) относится к вопросу сохранения оригинального образа, что обусловлено более широким применением функционально-адекватных замен (21,4%).

Передача артефактных метафор непроизводственной сферы на английский и немецкий языки характеризуется отсутствием случаев использования фразеологизмов, сравнения и опущения.

2.2. Сопоставительный анализ адекватности переводов русских метафор

В данном параграфе анализ адекватности осуществлен с опорой на количественные данные анализа техники перевода всех типов метафор, приведенные в таблице 2 (приложение).

2.2.1. Оценка качества передачи русских метафор на английский язык

Универсальный характер символического переосмысления определенных денотатов в контексте языковой пары русский / английский делает возможным эффективное выполнение коммуникативного задания путем использования приема подстановки переносного значения (22,38%). В целом Т. Уитни удалось сохранить образную репрезентацию в 59,8% случаев также за счет использования приемов калькирования переносного значения (17,62%), калькирования прямого значения (18,42%) и перевода сравнением (1,39%). Здесь стоит отметить, что при переводе метафор Т. Уитни проявляется тенденция к сохранению формальных характеристик оригинала, что, вероятно, стало поводом обвинения в

«шаблонности передачи метафоры» и «масштабности применения приема калькирования», т. е. факторов, которые предопределили отрицательные критические отзывы А. Бонда и А. Климоффа (подробнее см. 1.3.2.1).

Группа перечисленных приемов, направленных на сохранение образной основы, обеспечила достаточную степень адекватности (зафиксировано всего лишь три случая неадекватного перевода). При этом снижение степени адекватности наблюдалось в случаях, когда переводческое соответствие при тождестве ядерных сем обладало / (транслировало) коннотативным (ый) компонентом, противоречащим коммуникативному намерению автора.

Факт расхождения в образной репрезентации определенных признаков в сопоставляемых языках препятствует сохранению оригинального образа, так как признаки, которые изначально лежат в основе метафорического переноса в языке оригинала, не смогут быть актуализированы в отношении объекта переноса в сознании реципиента переводящего языка / переводного произведения. В силу этого попытка сохранения образа может привести к конфликту прагматических значений. В этом случае для сохранения прагматики вторичного языкового знака и воспроизведения необходимого коммуникативного эффекта Т. Уитни преобразует форму, апеллируя к другому образу. В 6,73% случаев были использованы вариантные соответствия, т. е. преобразование носило устойчивый характер. Использованные вариантные соответствия обеспечили высокую степень адекватности перевода в связи с отсутствием противоречий с системой авторских образов, при этом только в одном случае адекватность перевода была снижена.

В 16,63% случаев преобразования носят окказиональный характер. Трансформация образов, проявляющаяся в изменении слотов, фреймов и даже типа метафоры (самое кардинальное преобразование), происходит как по причине экстралингвистических факторов (идентичные образы разных языков / культур не всегда порождают тождественные вторичные смыслы), так и по причине узуальных и языковых различий, что объясняет уместность и эффективность приема функционально-адекватной замены (15,84%) и «непопулярного» приема перевода фразеологизмом (0,79%), которые успешно справляются с выполнением

коммуникативного задания, обеспечивая необходимую степень адекватности перевода. Анализ показал, что снижение степени адекватности при использовании данных приемов было зафиксировано в следующих случаях: 1) если изменение образа сопровождалось нейтрализацией коннотаций оригинальных метафор (8 случаев), 2) если замена образа приводила к потере коммуникативно-релевантных сем (4 случая), 3) если преобразование «подтягивало» лишние коннотации, присущие переводческому соответствию (3 случая), 4) если трансформация переставляла авторские акценты (2 случая).

В своих работах Я. И. Рецкер писал, что английской лексике в меньшей степени свойственна внутренняя, не зависящая от контекста, экспрессивность, в то время как для русской лексики характерна большая предметно-логическая конкретность [Рецкер 2010: 108]. Проведенный анализ показал, что широкая семантика некоторых лексических единиц английского языка (или фактор многозначности слов английского языка) ограничивает необходимую дифференциацию определенных образов, что негативно отражается на экспрессивности переводного произведения. Так, в тексте произведения *травить* и *грызть* дифференцированы, а в англоязычном переводе обе глагольные метафоры представлены как *torment*, в свою очередь, номинативные метафоры *шкура* и *кожа* представлены как *skin*. Подобные примеры свидетельствуют о снижении образности, экспрессивности и адекватности перевода, на что также указывали критики перевода Т. Уитни (подробнее см. 1.3.2.1).

Экспрессивность переводного произведения также снижается при использовании приема деметафоризации (15,05%), так как содержательный инвариант метафорической единицы передается с потерей образа, влекущей нейтрализацию свойственных ему коннотаций. При этом потери минимальны, если оригинальный образ не несет значительной имплицитной нагрузки.

Опущение метафоры (1,78%) обеспечило минимальную степень адекватности благодаря компенсаторному эффекту контекста. Только в одном случае опущение метафоры проявило себя как неадекватный переводческий инструмент.

В целом в пяти случаях перечисленные приемы исказили прагматический смысл в переводном произведении, что привело к неадекватности перевода, которая проявилась в несовпадении интерпретаций аутентичного и переводного произведений.

2.2.2. Оценка качества передачи русских метафор на немецкий язык

Совпадение устойчивого культурного фона в языковой паре делает возможным выполнение коммуникативной задачи с сохранением образа в единстве формы и содержания. В этом случае универсальные исходные когниции, порождающие схожие оценочные характеристики через тождественные образы, позволяют обеспечить высокую степень адекватности передачи метафорических единиц за счет использования приема подстановки переносного значения, на долю которого в переводе А. Петурниг пришлось 18,56% случаев. В целом А. Петурниг удалось сохранить образную репрезентацию в 53,49% случаев также за счет использования приемов калькирования переносного значения (16,77%), калькирования прямого значения (17,56%) и перевода сравнением (0,6%).

Группа перечисленных приемов, направленных на сохранение образной основы, обеспечила достаточную степень адекватности (случаев неадекватного перевода зафиксировано не было). При этом снижение степени адекватности наблюдалось по следующим причинам: 1) если тождественный образ характеризовался коннотативной нейтральностью (4 случая), 2) если сохранение образа сопровождалось потерей коммуникативно-релевантных сем (4 случая), 3) если тождественный образ «подтягивал» лишние коннотации, присущие переводческому соответствию в принимающей культуре (3 случая).

Вследствие уникальности языкового и культурного опыта ассоциации, закрепленные за схожими по форме языковыми знаками, могут различаться. В этом случае воспроизведение необходимого коммуникативного эффекта требует преобразования формы. В 6,59% случаев были использованы варианты соответствия. Используемые варианты соответствия обеспечили высокую

степень адекватности перевода в связи с отсутствием противоречий с системой авторских образов, при этом только в одном случае адекватность перевода была снижена за счет расширения спектра образов.

В 27,14% случаев преобразования имели окказиональный характер. Трансформация образов проявлялась в изменении слотов, фреймов и даже типа метафоры (самое кардинальное преобразование). Прием функционально-адекватной замены (23,35%) и прием перевода фразеологизмом (3,79%) были эффективно использованы с целью выполнения коммуникативного задания и обеспечили необходимую степень адекватности перевода. Анализ показал, что снижение степени адекватности при использовании функционально-адекватной замены было зафиксировано в следующих случаях: 1) если изменение образа сопровождалось нейтрализацией коннотаций или эмоционально-оценочного заряда оригинальных метафор (6 случаев), 2) если замена образа приводила к потере коммуникативно-релевантных сем (3 случая), 3) если преобразование «подтягивало» лишние коннотации, присущие переводческому соответствию (3 случая), 4) если трансформация влекла преобразование семного состава и/или коннотаций, смещая авторский акцент (2 случая).

Экспрессивность переводного произведения также снижается при использовании приема демегафоризации (11,98%), так как смысловое содержание метафорической единицы передается с потерей образа, влекущей нейтрализацию свойственных ему коннотаций. При этом потери минимальны, если форма не выступает смыслообразующим элементом.

Опущение метафоры (0,8%) обеспечило минимальную степень адекватности благодаря компенсаторному эффекту контекста. Случаев опущения метафоры, приводящих к неадекватному переводу, установлено не было. Искажение прагматического смысла в переводе А. Петурниг было зафиксировано в 0,3% случаев использования перечисленных приемов.

Наш анализ подтвердил, что перевод А. Петурниг хорошо передает скрытые интенциональные смыслы, заключенные в метафорах, что ложится в основу суждения о высокой степени адекватности перевода. Переводческий анализ, так

же как и критический анализ (подробнее см. 1.3.2.2), указывает на воспроизведение прагматики высказываний в максимально полной мере при одновременном сохранении импликационного потенциала. Неадекватных случаев перевода выявлено не было.

2.2.3. Сопоставительный анализ адекватности переводов метафор на английский и немецкий языки

Выполненный нами в теоретической главе обзор критики перевода показал отсутствие системного подхода в этом направлении. Зачастую критики оценивают качество передачи всего текста с поверхностным указанием слабых сторон, не подвергая смыслообразующие элементы текста глубокому системному анализу. В нашем исследовании под системным анализом мы понимаем анализ техники и адекватности перевода (о сопоставительно-переводческом анализе см. подробнее 1.2.4).

В своем переводе на английский язык, характеризующемся более выраженной тенденцией к сохранению образа (59,8% по сравнению с 53,49%), Т. Уитни чаще использует прием подстановки переносного значения (22,38% по сравнению с 18,56%) при передаче метафорических единиц. В 9,76% случаев подстановка в рассматриваемых языковых парах осуществляется в отношении одних и тех же метафор. При этом в обоих переводах данный прием обеспечивает высокую степень адекватности перевода, что объясняется тождеством символического переосмысления определенных денотатов в контексте рассматриваемых языковых пар.

Сохранение образной репрезентации референтов также происходит за счет использования приемов калькирования переносного значения, калькирования прямого значения и перевода сравнением. Каждая группа перечисленных приемов представлена в англоязычном переводе Т. Уитни приблизительно на 1% чаще (таблица 2 в приложении), чем в немецкоязычном переводе А. Петурниг. Таким образом, более широкое применение сохраняющих образ приемов, позволяющих

обеспечить достаточную степень адекватности, указывает на то, что при переводе метафор Т. Уитни в большей степени сохранил формальные характеристики оригинала. При этом использование перечисленных приемов привело к неадекватной передаче коммуникативного намерения именно в англоязычном переводе (3 случая). Подобная «шаблонность» с наличием конкретных случаев неадекватных переводов метафор может быть использована в качестве одного из аргументов в отрицательных критических отзывах А. Бонда, Дж. Бейли и А. Климоффа (подробнее см. 1.3.2.1). Снижение степени адекватности наблюдалось в обоих переводах по разным причинам. В переводе Т. Уитни было зафиксировано два случая, когда при тождестве ядерных компонентов значения переводческое соответствие транслировало коннотативный компонент, противоречащий коммуникативному намерению автора. Снижение степени адекватности наблюдалось также по следующим причинам: 1) если тождественный образ характеризовался коннотативной нейтральностью, 2) если сохранение образа сопровождалось потерей коммуникативно-релевантных сем, 3) если тождественный образ «подтягивал» лишние коннотации, присущие переводческому соответствию в принимающей культуре.

Закрепленность тождественных вторичных смыслов за разными образами в контексте языковой пары приводит к невозможности сохранения денотативной составляющей. В связи с отсутствием противоречий с системой авторских образов использованные Т. Уитни и А. Петурниг варианты соответствия, количество которых практически одинаково (6,73% и 6,59%), обеспечили высокую степень адекватности перевода. При этом было зафиксировано 9 случаев (1,66%) «одновременного» применения переводчиками вариантного соответствия.

А. Петурниг чаще прибегает как к приему функционально-адекватной замены (23,35% по сравнению с 15,84% у Т. Уитни), так и к переводу фразеологизмом (3,79% по сравнению с 0,79%), что позволяет нам сделать вывод о более либеральном отношении к сохранению авторской образности при передаче метафор (33,73% по сравнению с 23,37%). При использовании данной категории приемов был зафиксирован только один случай неадекватного

перевода на английский язык. Что касается снижения степени адекватности, оно было зафиксировано в следующих случаях: 1) если изменение образа сопровождалось нейтрализацией коннотаций оригинальных метафор, 2) если замена образа приводила к потере коммуникативно-релевантных сем, 3) если преобразование «подтягивало» лишние коннотации, присущие переводческому соответствию, 4) если трансформация влекла преобразование семного состава и/или коннотаций, смещая авторский акцент.

Проведенный анализ показал, что широкая семантика некоторых лексических единиц (или фактор многозначности слов) ограничивает необходимую дифференциацию определенных образов, что негативно отражается на экспрессивности переводного произведения. Подобные примеры присутствуют в обоих переводах и свидетельствуют о снижении образности и адекватности перевода. Более широкое использование Т. Уитни приема демегафоризации (15,05% по сравнению с 11,98%) также приводит к нивелированию авторских акцентов и снижению степени экспрессивности перевода, именно этот момент был предметом обсуждения критиков перевода Т. Уитни (подробнее см. 1.3.2.1).

Т. Уитни в два раза чаще использует прием опущения метафоры (1,78% по сравнению с 0,8%), обеспечивающий минимальную степень адекватности благодаря компенсаторному эффекту контекста. Только в одном случае опущение метафоры в переводе Т. Уитни проявило себя как неадекватный переводческий инструмент. В целом Т. Уитни чаще отказывается от воссоздания метафорического образа (16,83% по сравнению с 12,78%), что также негативно сказывается на экспрессивности и выразительности перевода.

В заключение подчеркнем, что в переводе А. Петурниг неадекватных случаев перевода метафор выявлено не было. Анализ перевода Т. Уитни выявил пять случаев искажения прагматического смысла в переводном произведении, что привело к неадекватности перевода, которая проявилась в несовпадении интерпретаций аутентичного и переводного произведений.

Выводы по второй главе

По мнению П. Ньюмарка [Newmark 2008: 112], оригинальная метафора (original metaphor) должна переводиться как можно более буквально, потому что она содержит образное сравнение и демонстрирует языковую личность автора. Однако сохранение образа в единстве формы и содержания при переводе метафор возможно, только если метафоризация в языковой паре базируется на универсальных исходных когнициях, порождающих сходные оценочные характеристики через соответствующие образы. Наше исследование показало, что универсальный характер символического переосмысления определенных денотатов в контексте языковой пары делает возможным эффективное выполнение коммуникативного задания путем использования приема подстановки переносного значения. Совпадение устойчивого культурного фона было зафиксировано в 22,38% случаях в контексте языковой пары русский / английский и в 18,56% случаях в контексте языковой пары русский / немецкий. При этом степень адекватности может быть снижена, если фиксируются незначительные различия в наборах ядерных сем или коннотациях. В 9,76% случаев подстановка в рассматриваемых языковых парах осуществлялась в отношении одних и тех же метафор.

Универсальность в языке и мышлении носит ограниченный характер, что вынуждает переводчиков искать альтернативные приемы передачи метафор. В случае различия языкового и культурного опыта схожие по форме знаки могут иметь более или менее устойчивые ассоциации в языке оригинала и совсем не иметь их в переводящем языке. В подобных ситуациях Т. Уитни и А. Петурниг сохраняют образ тремя путями: калькированием переносного значения (соответственно 17,62% и 16,77%), калькированием прямого значения (соответственно 18,42% и 17,56%), переводом сравнением (соответственно 1,39% и 0,6%). Были выявлены случаи, когда перечисленные приемы исказили прагматический смысл в переводном произведении, что привело к а) снижению степени адекватности перевода по причине коннотативной нейтральности

переводного соответствия или категориального преобразования узуальной метафоры оригинала в окказиональную метафору в контексте принимающей культуры либо гораздо реже к б) неадекватности перевода (только один случай в переводе Т. Уитни), которая проявляется в несовпадении интерпретации аутентичного и переводного произведения.

В процессе анализа также внимание привлек факт расхождения в образной репрезентации определенных признаков в сопоставляемых языках. Данный факт препятствует сохранению оригинального образа, так как признаки, которые изначально лежат в основе метафорического переноса в языке перевода, не смогут быть актуализированы в отношении объекта переноса в сознании реципиента переводящего языка / переводного произведения. В силу этого сохранение образа может привести к конфликту прагматических значений. В этом случае для сохранения прагматического смысла и воспроизведения необходимого коммуникативного эффекта переводчик преобразовывает метафору. Если подобное преобразование носит устойчивый узуальный характер, то Т. Уитни и А. Петурниг используют лексикографически зафиксированное вариантное соответствие (соответственно 6,73% и 6,59%), обеспечивающее высокую степень адекватности перевода в случае отсутствия противоречий с системой авторских образов. При этом было зафиксировано 9 случаев (1,66%) «одновременного» применения переводчиками вариантного соответствия.

Трансформация образов, проявляющаяся в изменении слотов, фреймов и даже типа метафоры (самое кардинальное преобразование), происходит как по причине экстралингвистических факторов (идентичные образы разных языков / культур не всегда порождают тождественные вторичные смыслы), так и по причине узуальных и языковых различий, что объясняет уместность и эффективность приема функционально-адекватной замены (соответственно 15,74% и 23,35%) и «непопулярного» приема перевода фразеологизмом (соответственно 0,79% и 3,79%), которые успешно справляются с выполнением коммуникативного задания, обеспечивая высокую адекватность перевода. Стоит

отметить, что А. Петурниг в 4,5 раза чаще использует фразеологизмы для передачи метафор.

Перевод большинства типов метафор на английский язык характеризуется более выраженной по сравнению с немецким переводом тенденцией к сохранению образа. В сравнительном аспекте эта тенденция не касается морбиальной, военной и театральной метафор. За исключением передачи театральной метафоры А. Петурниг чаще, чем Т. Уитни, прибегает к преобразованию образной основы (всего 33,73% преобразований в немецком переводе по сравнению с 23,37% в английском), что обусловлено более частыми функционально-адекватными заменами (23,35% по сравнению с 15,84%).

Широкая семантика некоторых лексических единиц переводящего языка (или фактор многозначности слов) ограничивает необходимую дифференциацию определенных образов, что негативно отражается на экспрессивности переводных произведений. Так, в оригинале произведения *травить* и *грызть* дифференцированы, а в англоязычном переводе обе глагольные метафоры представлены как *torment*, в свою очередь, в немецком переводе номинативные метафоры *язвы* и *нарывы* представлены как *das Geschwür*. Подобные примеры свидетельствуют о снижении образности, экспрессивности и степени адекватности перевода.

Экспрессивность переводных произведений также снижается при использовании приема демегафоризации, так как содержательный инвариант метафорической единицы передается с потерей образа. В англоязычном переводе тенденция к нивелированию образности является более выраженной (16,83% по сравнению с 12,78%) за счет более широкого использования приема демегафоризации (15,05% по сравнению с 11,98%). Более частое использование приема демегафоризации было выявлено при передаче метафоры неживой природы и физиологической метафоры. При этом потери минимальны, если оригинальный образ не несет значительной имплицитной нагрузки.

Опущение метафоры (соответственно 1,78% и 0,8%) допустимо и обеспечивает минимальную степень адекватности благодаря компенсаторному

эффекту контекста. В противном случае опущение метафоры является неадекватным переводческим инструментом, особенно если оригинальный образ является носителем важных для реализации коммуникативного намерения скрытых прагматических смыслов (один контекст в переводе Т. Уитни).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль метафоры в раскрытии идейно-смыслового содержания произведения имеет особую важность, так как метафора является носителем семантико-стилистической, концептуальной и прагматической информации. Необходимость максимального сохранения подобной информации при передаче метафор указывает на актуальность сопоставительно-переводческого анализа, который был впервые проведен на материале переводов произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», выполненных в 1974 г. Т. Уитни на английский язык («The Gulag Archipelago») и А. Петурниг на немецкий язык («Der Archipel GULAG»).

В рамках данного исследования впервые системно проанализированы структурные метафоры на материале произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» в аспекте перевода. Под структурной метафорой мы понимаем лексическую единицу, получившую новую референциальную соотнесенность в результате сдвига денотативной соотнесенности, целью которого является актуализация (с опорой на экстралингвистический контекст) определенных скрытых смыслов в совершенно иной понятийной области.

В произведении были выявлены 524 метафорические единицы, которые были систематизированы по семантическому признаку. Представлены девять концептуальных областей-источников: 1) зооморфная – 118 единиц, 2) фитоморфная – 30 единиц, 3) неживая природа – 69 единиц, 4) физиологическая – 76 единиц, 5) морбиальная – 56 единиц, 6) военная – 67 единиц, 7) театральная – 34 единицы, 8) техническая – 46 единиц, 9) артефактная метафора непромышленной сферы – 28 единиц.

Являясь сложным конструктом, метафора требует особого внимания при переходе от одного языка к другому. Элементы метафорического значения, включающие наряду со смысловым содержанием коннотативные компоненты, закрепленные за конкретным образом, подлежат максимальной транспортировке в принимающую лингвокультуру. Многокомпонентность структуры

метафорической единицы обуславливает возникновение лингвоэтнического барьера, повышающего вероятность переводческих потерь.

Направленные на обеспечение высокой степени адекватности перевода и, соответственно, минимизацию подобных потерь, альтернативные пути поиска в переводящем языке средств выражения метафорических единиц исходного языка были обобщены и систематизированы в типологии приемов передачи метафор, которая может получить практическое применение для разных пар языков. Разработанная типология может способствовать автоматизации процесса принятия оптимальных переводческих решений.

Для определения наиболее точного эквивалента в паре языков (русский-английский и русский-немецкий) была разработана методика сопоставительно-переводческого анализа метафор. В ее основе лежит сопоставление формы, ядерно-периферийного содержания, коннотаций, эмоционально-оценочного заряда переводных эквивалентов оригинальных метафор с целью выявления степени соответствия и последующей оценки степени адекватности перевода. Прозрачность и простота в применении позволяют использовать разработанную методику при анализе данных выразительных средств на материале других языков и других типов текстов.

Системный анализ техники перевода и оценки качества передачи метафорических единиц позволил прийти к следующим выводам. Универсальный характер символического переосмысления определенных денотатов в контексте языковой пары делает возможным эффективное выполнение коммуникативного задания путем использования приема подстановки переносного значения. Совпадение устойчивого культурного фона было зафиксировано в 22,38% в контексте языковой пары русский / английский и в 18,56% в контексте языковой пары русский / немецкий. При этом степень адекватности может быть снижена, если фиксируются незначительные различия в наборах ядерных сем или коннотациях. В 9,76% контекстов подстановка в рассматриваемых языковых парах осуществлялась в отношении одних и тех же метафор.

В случае различия языкового и культурного опыта схожие по форме знаки могут иметь более или менее устойчивые ассоциации в языке оригинала и совсем не иметь их в переводящем языке. В подобных ситуациях Т. Уитни и А. Петурниг сохраняют образ тремя путями: калькированием переносного значения (соответственно 17,62% и 16,77%), калькированием прямого значения (соответственно 18,42% и 17,56%), переводом сравнением (соответственно 1,39% и 0,6%). Были выявлены случаи, когда перечисленные приемы исказили прагматический смысл в переводном произведении, что привело к а) снижению степени адекватности перевода по причине коннотативной нейтральности переводного соответствия или категориального преобразования узуальной метафоры оригинала в окказиональную метафору в контексте принимающей культуры либо гораздо реже к б) неадекватности перевода (один контекст в переводе Т. Уитни), которая проявляется в несовпадении интерпретаций аутентичного и переводного произведений.

В процессе анализа также внимание привлек факт расхождения в образной репрезентации определенных признаков в сопоставляемых языках. Данный факт препятствует сохранению оригинального образа, так как признаки, которые изначально лежат в основе метафорического переноса в языке перевода, не смогут быть актуализированы в отношении объекта переноса в сознании реципиента переводящего языка / переводного произведения. В силу этого сохранение образа может привести к конфликту прагматических значений. В этом случае для сохранения прагматического смысла и воспроизведения необходимого коммуникативного эффекта переводчик преобразует метафору. Если подобное преобразование носит устойчивый узуальный характер, то Т. Уитни и А. Петурниг используют лексикографически зафиксированное вариантное соответствие (соответственно 6,73% и 6,59%), обеспечивающее высокую степень адекватности перевода в случае отсутствия противоречий с системой авторских образов. При этом было зафиксировано 9 контекстов (1,66%) «одновременного» применения переводчиками вариантного соответствия.

Трансформация образов, проявляющаяся в изменении слотов, фреймов и даже типа метафоры (самое кардинальное преобразование), происходит как по причине экстралингвистических факторов (идентичные образы разных языков / культур не всегда порождают тождественные вторичные смыслы), так и по причине узуальных и языковых различий, что объясняет уместность и эффективность приема функционально-адекватной замены (соответственно 15,84% и 23,35%) и «непопулярного» приема перевода фразеологизмом (соответственно 0,79% и 3,79%), которые успешно справляются с выполнением коммуникативного задания, обеспечивая высокую адекватность перевода. Наше исследование показало, что А. Петурниг в 4,5 раза чаще использует фразеологизмы для передачи метафор.

Перевод большинства типов метафор на английский язык характеризуется более выраженной по сравнению с немецким переводом тенденцией к сохранению образа. В сравнительном аспекте эта тенденция не касается морбиальной, военной и театральной метафор. За исключением передачи театральной метафоры А. Петурниг чаще, чем Т. Уитни, прибегает к преобразованию образной основы (всего 33,73% преобразований в немецком переводе по сравнению с 23,37% в английском), что обусловлено более частыми функционально-адекватными заменами (23,35% по сравнению с 15,84%).

Широкая семантика некоторых лексических единиц переводящего языка (или фактор многозначности слов) ограничивает необходимую дифференциацию определенных образов, что негативно отражается на экспрессивности переводных произведений. Подобные примеры свидетельствуют о снижении образности и степени адекватности перевода, а также могут стать аргументом неблагоприятных отзывов критиков.

В англоязычном переводе тенденция к нивелированию образности является более выраженной, чем в немецкоязычном (16,83% по сравнению с 12,78%), за счет более широкого использования приема демегафоризации (15,05% по сравнению с 11,98%). Более частое использование приема демегафоризации было выявлено при передаче метафоры неживой природы и физиологической

метафоры. При этом потери минимальны, если оригинальный образ не несет значительной имплицитной нагрузки.

Опущение метафоры (соответственно 1,78% и 0,8%) допустимо и обеспечивает минимальную степень адекватности благодаря компенсаторному эффекту контекста. В противном случае опущение метафоры является неадекватным переводческим инструментом, особенно если оригинальный образ является носителем важных для реализации коммуникативного намерения скрытых прагматических смыслов.

Метафорическое своеобразие является важной характерной чертой художественного произведения, подлежащей обязательному воспроизведению в целях сохранения прагматического воздействия. Однако возможности передачи метафорического значения с сохранением образа средствами переводящего языка определяются или ограничиваются его системными факторами, узуальными нормами и экстралингвистическими факторами принимающей лингвокультуры.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы передачи метафор на иностранный язык мы видим в изучении этого вопроса в контексте творчества А. И. Солженицына и других писателей в аспекте перевода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. Солженицын, А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: опыт художественного исследования. Т. 1 / А. И. Солженицын. – Москва : ПРОЗАиК, 2011. – 592 с. – Текст : непосредственный.
2. Solzhenitsyn, A. I. The Gulag Archipelago. 1918-1956: An experiment in literary investigation. Vol. 1 / A. I. Solzhenitsyn ; Translated by Thomas P. Whitney. – New York : Harper & Row Publishers, 1974. – 660 p. – Текст : непосредственный.
3. Solschenizyn, A. I. Der Archipel GULAG. Band 1 / A. I. Solschenizyn ; Übersetzung von Anna Peturnig. – Bern ; München : Scherz Verlag, 1974. – 621 s. – Текст : непосредственный.

Список использованной литературы

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Москва: Академия, 2012. – 354 с. – Текст : непосредственный.
2. Алексеева, М. Л. Приемы передачи русских реалий в немецких переводах романов Ф. М. Достоевского : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20 / Алексеева Мария Леонардовна. – Екатеринбург, 2007. – 215 с. – Текст : непосредственный.
3. Алексеева, М. Л. Проблема лексической безэквивалентности в науке о переводе: исторический, теоретический и лексикографический аспекты : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.20 / Алексеева Мария Леонардовна. – Екатеринбург, 2015. – 415 с. – Текст : непосредственный.
4. Алимуратов, О. А. Значение, смысл, концепт и интенциональность : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / Алимуратов Олег Алимуратович. – Ростов-на-Дону, 2004. – 47 с. – Текст : непосредственный.

5. Андреева-Карлайл, О. Возвращение в тайный круг / О. Андреева-Карлайл. – Москва : Захаров, 2004. – 176 с. – Текст : непосредственный.
6. Анохина, Н. В. Имплицитность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Анохина Наталья Владимировна. – Уфа, 2010. – 23 с. – Текст : непосредственный.
7. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – Текст : непосредственный // Избранные труды. Том II. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 767.
8. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сборник научных трудов / И. В. Арнольд. – Москва : Флинта, 2019. – 448 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=611325> (дата обращения: 08.08.2024). – Текст : электронный.
9. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова. – Текст : непосредственный // Теория метафоры. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
10. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы язык / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 383 с. – Текст : непосредственный.
11. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с. – Текст : непосредственный.
12. Бакланова, Е. А. Слово и имплицитный смысл в ранних рассказах В. В. Набокова : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Бакланова Елена Алексеевна. – Томск, 2006. – 30 с. – Текст : непосредственный.
13. Балашова, Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее : монография / Л. В. Балашова. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 493 с. – Текст : непосредственный.
14. Балашова, Л. В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики / Л. В. Балашова. – Текст :

непосредственный // Вестник Омского университета. Серия: Филология. – 2015. – № 2. – С. 169–177.

15. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва, 1961. – 369 с. – Текст : непосредственный.

16. Баранов, А. Н. Словарь русской политической метафоры / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – Москва : Помовский и партнеры, 1994. – 330 с. – Текст : непосредственный.

17. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – 240 с. – Текст : непосредственный.

18. Белова, О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции / О. В. Белова. – Москва : Индрик, 2005. – 288 с. – Текст : непосредственный.

19. Бирдсли, М. Метафорическое сплетение / М. Бирдсли. – Текст : непосредственный // Теория метафоры. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 201–218.

20. Блэк, М. Метафора / М. Блэк. – Текст : непосредственный // Теория метафоры. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 153–172.

21. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику / Н. Н. Болдырев. – 4-е изд. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. – 236 с. – Текст : непосредственный.

22. Борковец, Н. И. Техническая метафора в художественной картине мира (на материале немецкой прозы XX века и ее переводов на русский язык) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Борковец Наталья Ивановна. – Екатеринбург, 2002. – 204 с. – Текст : непосредственный.

23. Бразговская Е. Е. Лингво-стилистические аспекты художественного перевода: на материале произведений Ярослава Ивашкевича и их переводов на русский язык : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.03 / Бразговская Елена Евгеньевна. – Санкт-Петербург, 2000. – 196 с. – Текст : непосредственный.

24. Бреус, Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский / Е. В. Бреус. – Москва : Изд-во УРАО, 2000. – 208 с. – Текст : непосредственный.

25. Будаев, Э. В. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2008. – № 3 (26). – С. 37–48.

26. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе : монография / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2006. – 213 с. – Текст : непосредственный.

27. Будаев, Э. В. Метафоры со сферой-источником «Неживая природа» в политическом нарративе «BLM movement» (по материалам газеты «The Seattle Times») / Э. В. Будаев, К. В. Пологова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1 (97). – С. 42–49.

28. Будаев, Э. В. Неживая природа как сфера-источник метафорической концептуализации пандемии COVID-19 в СМИ Франции / Э. В. Будаев, Т. В. Аникина. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2024. – № 2 (104). – С. 27–34.

29. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : монография / Э. В. Будаев. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2011. – 330 с. – Текст : непосредственный.

30. Буженинов, А. Э. Конвенциональные и новаторские метафоры со сферой-источником «Liquidity» в англоязычном инвестиционном дискурсе / А. Э. Буженинов. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2022. – Т. 11, № 2. – С. 9–27.

31. Бурмакова, Е. А. Когнитивная природа антропоморфной метафоры в художественном дискурсе / Е. А. Бурмакова. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2015. – № 3. – С. 28–36.

32. Бушин, В. С. Неизвестный Солженицын / В. С. Бушин. – Москва : Алгоритм, 2006. – 440 с. – Текст : непосредственный.

33. Быкова, Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии / Г. В. Быкова. – Благовещенск : Издательство БГПУ, 2003. – 364 с. – Текст : непосредственный.

34. Вардзелашвили, Ж. О двойкой сущности метафоры / Ж. Вардзелашвили. – Текст : электронный // Санкт-Петербургский государственный университет и Тбилисский государственный университет. Научные труды. Серия «Филология». Вып. IV. – Санкт-Петербург ; Тбилиси, 2002. – С. 66–77. – URL: <https://vjanetta.narod.ru/bakan4.html> (дата обращения: 07.08.2024).

35. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 272 с. – Текст : непосредственный.

36. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Москва : Русские словари, 1996. – 416 с. – Текст : непосредственный.

37. Веред, В. Т. К вопросу о сохранении метафорического образа в художественном переводе / В. Т. Веред. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 58–64.

38. Веред, В. Т. Сохранение метафорического образа в переводе (на материале романов Ф. С. Фицджеральда и их переводов на русский язык) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Веред Валерия Тарасовна. – Москва, 2021. – 152 с. – Текст : непосредственный.

39. Виноградов, В. С. Перевод. Романские языки: общие и лексические вопросы : учебное пособие / В. С. Виноградов. – 6-е изд. – Москва : Издательство КДУ, 2017. – 238 с. – Текст : непосредственный.

40. Вовк, В. Н. Языковая метафора в художественной речи. Природа вторичной номинации / В. Н. Вовк. – Киев : Наукова думка, 1986. – 143 с. – Текст : непосредственный.

41. Вольф, Е. М. Метафора и оценка / Е. М. Вольф. – Текст : непосредственный // Метафора в языке и тексте. – Москва, 1988. – С. 52–62.

42. Воробьев, А. Е. Темпоральная метафора как механизм когнитивного моделирования действительности : автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Воробьев Александр Евгеньевич. – Москва, 2011. – 20 с. – Текст : непосредственный.

43. Воронцов, Р. И. Ономастическая метафора в русском литературном языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Воронцов Роман Игоревич. – Санкт-Петербург, 2012. – 22 с. – Текст : непосредственный.

44. Воскобойник, Г. Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.20 / Григорий Дмитриевич Воскобойник. – Иркутск, 2004. – 296 с. – Текст : непосредственный.

45. Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак. – Текст : непосредственный // Метафора в языке и тексте. – Москва : Наука, 1988. – С. 11–26.

46. Галимова, О. В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Галимова Ольга Владимировна. – Уфа, 2004. – 309 с. – Текст : непосредственный.

47. Гарбовский, Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. – Москва, 2007. – 544 с. – Текст : непосредственный.

48. Герасименко, И. Е. Использование оценочной лексики во вторичной номинации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Герасименко Ирина Евгеньевна. – Москва, 2003. – 23 с. – Текст : непосредственный.

49. Гильмуллина, Е. А. Оценка качества перевода: квантитативно-системный подход : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Гильмуллина Евгения Андреевна. – Санкт-Петербург, 2016. – 695 с. – Текст : непосредственный.

50. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2000. – 190 с. – Текст : непосредственный.

51. Горбачевский, А. А. Адекватность поэтического перевода в ее внутритекстовых и внетекстовых связях : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.20 / Горбачевский Антон Антонович. – Екатеринбург, 2001. – 42 с. – Текст : непосредственный.

52. Губернаторова, Э. В. Метафора как компрессированный компонент перевода: деятельностный аспект : монография / Э. В. Губернаторова. – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2014. – 136 с. – Текст : непосредственный.

53. Деменский, С. Ю. Научность метафоры и метафоричность науки : монография / С. Ю. Деменский. – Омск, 2000. – 115 с. – Текст : непосредственный.

54. Евстафова, Я. А. Лингвокогнитивные аспекты перевода антропоцентрических концептуальных метафорических моделей : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Евстафова Яна Анатольевна. – Челябинск, 2011. – 170 с. – Текст : непосредственный.

55. Ермакова, Е. В. Имплицитность в художественном тексте (на материале современной русскоязычной и англоязычной прозы психологического и фантастического реализма) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / Ермакова Елена Валентиновна. – Саратов, 2010. – 48 с. – Текст : непосредственный.

56. Иванов, Д. И. Синтетическая языковая личность в русской рок-культуре: генезис, типология, структура, межкультурные связи / Д. И. Иванов. – Иваново : ПресСто, 2016. – 383 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_VIBL_A_011133946/ (дата обращения: 08.08.2024). – Текст : электронный.

57. Игнатенко, В. В. Производственная метафора: природа и функции : монография / В. В. Игнатенко. – Курск, 2013. – 123 с. – Текст : непосредственный.

58. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 476 с. – Текст : непосредственный.

59. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик. – Текст : непосредственный // Языковая личность: культурные концепты : сборник научных трудов. – Волгоград ; Архангельск : Перемена, 1996. – С. 3–16.

60. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – Москва : Акад. Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – 558 с. – Текст : непосредственный.

61. Кашичкин, А. В. Имплицитность в контексте перевода : диссертация на соискание степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Кашичкин Александр Викторович. – Москва, 2003. – 153 с. – Текст : непосредственный.

62. Княжева, Е. А. Оценка качества перевода: история, теория, практика : монография / Е. А. Княжева. – Москва : Флинта, 2018. – 246 с. – Текст : непосредственный.

63. Княжева, Е. А. Оценка качества перевода: проблемы теории и практики / Е. А. Княжева. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2010. – № 2. – С. 190–195.

64. Княжева, Е. А. О методах оценки качества перевода / Е. А. Княжева. – Текст : непосредственный // Проблемы теории, практики и дидактики перевода : сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 16. Т. 1. – Нижний Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2013. – С. 51–59.

65. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с. – Текст : непосредственный.

66. Кобозева, И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода / И. М. Кобозева. – Текст : непосредственный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – Москва : Наука, 2002. – С. 188–196.

67. Кобозева, И. М. Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе / И. М. Кобозева. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2010. – № 2. – С. 41–47.

68. Колтышева, С. Я. Метафора: лингвистические, когнитивные и культурологические резервы / С. Я. Колтышева. – Москва : Перо, 2013. – 239 с. – Текст : непосредственный.

69. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : учебное пособие / В. Н. Комиссаров. – 3-е изд. – Москва : Р. Валент, 2017. – 408 с. – Текст : непосредственный.

70. Комиссаров, В. Н. Manual on Translation from English into Russian / В. Н. Комиссаров, А. Л. Коралова. – Москва : Высшая школа, 1990. – 127 р. – Текст : непосредственный.

71. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов : монография / О. А. Корнилов. – 2-е изд. – Москва : ЧеРо, 2003. – 349 с. – Текст : непосредственный.

72. Король, Е. В. Когнитивный анализ лексико-семантических категорий агентивности и инструментальности: экспериментально-теоретическое исследование словообразовательных полей : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Король Елена Витальевна. – Москва, 2003. – 21 с. – Текст : непосредственный.

73. Костикова, О. И. К основаниям теории переводческой практики / О. И. Костикова. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2008. – № 1. – С. 82–97.

74. Кошелев, А. Д. Значение слова как генеративный комплекс: когнитивное значение (связанная со словом структура концептов) → языковое значение (набор узуальных смыслов) / А. Д. Кошелев. – Москва, 2011. – С. 301–329. – URL: https://www.ruslang.ru/doc/melchuk_festschrift2012/Koshelev.pdf (дата обращения: 07.08.2024). – Текст : электронный.

75. Кошкарова, Н. Н. Конфликтный и кооперативный типы дискурса в межкультурном политическом пространстве : монография / Н. Н. Кошкарова. – Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2021. – 360 с. – Текст : непосредственный.

76. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : учебное пособие / В. В. Красных. – Москва : Гнозис, 2002. – 284 с. – Текст : непосредственный.

77. Криворучко, П. С. Скрытый смысл текста как объект философской рефлексии : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.01 / Криворучко Полина Сергеевна. – Краснодар, 2004. – 28 с. – Текст : непосредственный.

78. Крюкова, Е. И. Языковое сознание личности в культуре перевода : монография / Е. И. Крюкова, И. И. Голубых, А. К. Голубых. – Ростов-на-Дону : Ростовский государственный педагогический университет, 2004. – 194 с. – URL: <http://lib.mgppu.ru/OpacUnicode/app/index.php?url=/notices/index/IdNotice:20359/Source:default> (дата обращения: 08.08.2024). – Текст : электронный.

79. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова : монография / Е. С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1981. – 200 с. – Текст : непосредственный.

80. Кузнецов, С. А. Современный толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2001. – 960 с. – Текст : непосредственный.

81. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка / А. В. Кунин. – Москва : Международные отношения, 1972. – 288 с. – Текст : непосредственный.

82. Куражова, И. В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Куражова Ирина Владимировна. – Иваново, 2007. – 201 с. – Текст : непосредственный.

83. Лагута, О. Н. Метафорология: теоретические аспекты : монография / О. Н. Лагута. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. – 208 с. – Текст : непосредственный.

84. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – Москва : Гнозис, 2011. – 521 с. – Текст : непосредственный.

85. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – Москва : УРСС, 2008. – 256 с. – Текст : непосредственный.

86. Латышев, Л. К. Перевод: теория, практика и методика преподавания / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. – Москва : Академия, 2003. – 192 с. – Текст : непосредственный.

87. Лекомцева, И. А. Квазиэквивалентность при переводе: семантика и прагматика при передаче национально специфической лексики / И. А. Лекомцева, А. Х. Абдульманова. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2019. – № 1. – С. 50–60.

88. Лилова, А. А. Современная критика художественного перевода и некоторые нерешенные проблемы / А. А. Лилова. – Текст : непосредственный // Литература и перевод: Проблемы теории. Международная встреча ученых и писателей. 27 февраля – 1 марта 1991 г. / сост. П. М. Топер, П. Х. Ганиев. – Москва : Прогресс ; Литера, 1992. – С. 186–191.

89. Лобанова, Л. П. Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта / Л. П. Лобанова. – Москва : URSS ЛЕНАНД, 2015. – 284 с. – Текст : непосредственный.

90. Лосев, Л. В. Солженицын и Бродский как соседи / Л. В. Лосев. – Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2010. – 608 с. – Текст : непосредственный.

91. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Вопросы семантики / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск, 1986. – 227 с. – Текст : непосредственный.

92. МакКормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. МакКормак. – Текст: непосредственный // Теория метафоры. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 358–386.

93. Миллер, Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры / Дж. Миллер. – Текст : непосредственный // Теория метафоры. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 236–283.

94. Москвин, В. П. Русская метафора: очерк семиотической теории : монография / В. П. Москвин. – 2-е изд. – Москва : ЛЕНАНД, 2006. – 184 с. – Текст : непосредственный.

95. Нахимова, Е. А. Идеологема *Сталин* в современной массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2011. – № 2 (36). – С. 152–156.

96. Некрасова, Н. А. Имплицитность разноуровневых синтаксических конструкций в русском и английском языках : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Некрасова Наталья Александровна. – Ростов-на-Дону, 2003. – 23 с. – Текст : непосредственный.

97. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 9-е изд. – Москва : Флинта, 2018. – 320 с. – Текст : непосредственный.

98. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики : учебное пособие / М. В. Никитин. – Санкт-Петербург : Научный центр проблем диалога, 1996. – 757 с. – Текст : непосредственный.

99. Никитин, М. В. Лексическое значение слова / М. В. Никитин. – Москва : Высшая школа, 1983. – 124 с. – Текст : непосредственный.

100. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – Москва : Высшая школа, 1988. – 168 с. – Текст : непосредственный.

101. Николина, Н. А. Филологический анализ текста / Н. А. Николина. – Москва : Академия, 2003. – 256 с. – Текст : непосредственный.

102. Новицкая, И. В. Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии /

И. В. Новицкая. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2019. – № 46. – С. 76–101.

103. Оболенская, Ю. Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация / Ю. Л. Оболенская. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2019. – 262 с. – Текст : непосредственный.

104. Огдонова, Ц. Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Огдонова Цырена Цыщыковна. – Иркутск, 2000. – 162 с. – Текст : непосредственный.

105. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора и ее функции в языке (на примере субстантивных метафор) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Опарина Елена Олеговна. – Москва, 1990. – 26 с. – Текст : непосредственный.

106. Петрова, О. В. Существуют ли универсальные критерии оценки качества перевода? / О. В. Петрова. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 119–123.

107. Плетнев, Р. В. А. И. Солженицын / Р. В. Плетнев. – Paris : YMCA-press, 1973. – 172 с. – Текст : непосредственный.

108. Плотникова, А. М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов) : учебное пособие / А. М. Плотникова. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2005. – 140 с. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1011/1/umk_2005_005.pdf (дата обращения: 07.08.2024). – Текст : электронный.

109. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – С. 64–68. – Текст : непосредственный.

110. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : ВГУ, 2002. – 59 с. – Текст : непосредственный.

111. Попова, Т. Г. Метафора как ассоциативный механизм и объект интерпретации и восприятия речи / Т. Г. Попова, О. В. Мингалева, И. Г. Анিকেева. –

Текст : непосредственный // Вестник КГУ им. Некрасова. – 2016. – № 4. – С. 141–144.

112. Прокопьева, А. А. Сопоставительное исследование метафорических моделей в русскоязычных и англоязычных романах В. В. Набокова : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Прокопьева Анастасия Александровна. – Екатеринбург, 2007. – 223 с. – Текст : непосредственный.

113. Пуцилева, Л. Ф. Культурно детерминированные коннотации русских зоонимов и фитонимов (на фоне итальянского языка) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Пуцилева Лариса Филипповна. – Санкт-Петербург, 2009. – 239 с. – Текст : непосредственный.

114. Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета / Т. Б. Радбиль. – Москва : Наука, 2010. – 326 с. – Текст : непосредственный.

115. Ревво, Ю. А. Когнитивная метафора в современном социологическом дискурсе / Ю. А. Ревво. – Текст : непосредственный // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2014. – № 1. – С. 308–311.

116. Рецкер, Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский язык / Я. И. Рецкер. – Москва : Просвещение, 1982. – 159 с. – Текст : непосредственный.

117. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – Москва : Р. Валент, 2010. – 237 с. – Текст : непосредственный.

118. Ржевский, Л. Д. Solzhenitsyn: Creator & heroic deed / L. D. Rzhevsky ; Transl. by Sonja Miller. – University (Ala.) : Univ. of Alabama press, 1978. – 124 с. – Текст : непосредственный.

119. Рикер, П. Живая метафора / П. Рикер. – Текст : непосредственный // Теория метафоры. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 435–455.

120. Ричардс, А. Философия риторики / А. Ричардс. – Текст : непосредственный // Теория метафоры. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 44–67.

121. Рыжкова, Е. В. Метафора флористического круга в английском языке : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Рыжкова Елена Владимировна. – Санкт-Петербург, 2001. – 204 с. – Текст : непосредственный.

122. Сагова, М. Б. Семантика и прагматика английских зооморфных фразеологизмов и их эквивалентов в ингушском языке : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Сагова Мадина Батыровна. – Махачкала, 2016. – 178 с. – Текст : непосредственный.

123. Сараскина, Л. И. Александр Солженицын / Л. И. Сараскина. – Москва : Молодая гвардия, 2008. – 960 с. – Текст : непосредственный.

124. Сдобников, В. В. К уточнению понятия «адекватность перевода» / В. В. Сдобников. – Текст : непосредственный // Культура как текст : сборник научных трудов. Вып. 8. – Москва : ИЯ РАН ; Смоленск : СГУ, 2008. – С. 268–278.

125. Сдобников, В. В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход) : монография / В. В. Сдобников. – Москва : ФЛИНТА: Наука, 2016. – 112 с. – Текст : непосредственный.

126. Сдобников, В. В. Теория перевода / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – Москва : Восток-Запад, 2007. – 448 с. – Текст : непосредственный.

127. Селиверстова, К. А. Перевод сказки братьев Я. и В. Гримм «Rotkappchen» с немецкого языка на русский и английский языки в аспекте критики перевода / К. А. Селиверстова, О. А. Парфенова. – Текст : непосредственный // Интерактивная наука. – 2017. – № 12. – С. 172–176.

128. Семенова, Е. М. Концептуализация архетипической бинарной оппозиции LIGHT/DARK средствами вторичной номинации : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук : 5.9.8 / Семенова Елена Михайловна. – Екатеринбург, 2022. – 443 с. – Текст : непосредственный.

129. Семенова, Е. П. Языковая репрезентация культурно-специфической информации в художественном тексте (на материале современной русской прозы и ее переводов на английский язык) : диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук : 10.02.19 / Семенова Елена Павловна. – Калининград, 2012. – 205 с. – Текст : непосредственный.

130. Сергеева, А. В. Русские. Стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. – Москва : Флинта, 2008. – Текст : непосредственный.

131. Сиренок, В. А. Шолохов и Солженицын: кто есть кто? / В. А. Сиренок. – Сочи : РИЦ СГУТиКД, 2011. – 109 с. – Текст : непосредственный.

132. Сиссоко, Д. Имплицитность как способ актуализации смысла в художественном тексте : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Сиссоко Дуга. – Москва, 2002. – 19 с. – Текст : непосредственный.

133. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 152 с. – Текст : непосредственный.

134. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе : монография / Г. Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000. – 125 с. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000656125/ (дата обращения: 07.08.2024). – Текст : электронный.

135. Соловьева, Ю. А. Концептуальная метафора в англоязычном научном политологическом дискурсе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Соловьева Юлия Андреевна. – Москва, 2011. – 23 с. – Текст : непосредственный.

136. Солодуб, Ю. П. Теория и практика художественного перевода : учебное пособие / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов. – Москва : Академия, 2005. – 304 с. – Текст : непосредственный.

137. Солопова, О. А. Когнитивно-дискурсивная ретроспекция: исследование моделей будущего в политическом дискурсе : монография / О. А. Солопова. – Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2013. – 175 с. – Текст : непосредственный.

138. Солопова, О. А. Россия в Европе: будущее в метафорическом зеркале прошлого / О. А. Солопова. – Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 2 (039). – С. 126–137.

139. Сунь, Ю. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков / Ю. Сунь, О. И. Калинин, А. В. Игнатенко. – Текст : непосредственный // Russian Journal of Linguistics. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 250–277.

140. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия. – Текст : электронный // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – Москва : Наука, 1988. – С. 173–204. – URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml (дата обращения: 08.08.2024).

141. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – 288 с. – Текст : непосредственный.

142. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово/Slovo, 2008. – 260 с. – Текст : непосредственный.

143. Тодоров, Ц. Теории символа / Ц. Тодоров ; пер. с франц. Б. Нарумова. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 1999. – 408 с. – Текст : непосредственный.

144. Третьякова, Е. А. Перевод в диахронии (на материале одновременных переводов поэмы Дж. Мильтона «Paradise Lost») / Е. А. Третьякова. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2012. – № 149. – С. 87–95.

145. Устуньер, И. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности : 10.02.20 / Устуньер Ильяс. – Екатеринбург, 2004. – 172 с. – Текст : непосредственный.

146. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. – Москва : Альта-Принт [и др.], 1998. – 1239 с. – Текст : непосредственный.

147. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. – 5-е издание. – Санкт-Петербург : Филологический факультете СПбГУ ; Москва : Издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с. – Текст : непосредственный.

148. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор. – Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – Москва : Прогресс, 1988. – С. 52–92.

149. Харитоновна, Е. В. Перевод русской лагерной лексики на английский язык: семантико-стилистические и лингвокультурологические аспекты : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Харитоновна Елена Вячеславовна. – Москва, 2007. – 250 с. – Текст : непосредственный.

150. Хасибулина, Д. А. Модели фразеологических трансформаций в произведениях А. И. Солженицына и их переводах на английский язык : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Хасибулина Диана Альбертовна. – Казань, 2017. – 243 с. – Текст : непосредственный.

151. Хахалова, С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры : монография / С. А. Хахалова. – 2-е изд. – Иркутск : Иркутский государственный лингвистический университет, 2011. – 292 с. – Текст : непосредственный.

152. Хвесько, Т. В. Фразеологизмы как проявление культурного кода / Т. В. Хвесько, О. В. Нагель, Н. Ю. Басуева. – Текст : непосредственный // Язык и культура. – 2021. – № 54. – С. 81–93.

153. Чалмаев, В. А. Александр Солженицын: жизнь и творчество / В. А. Чалмаев. – Москва : Просвещение, 1994. – 285 с. – Текст : непосредственный.

154. Чекалов, П. К. А. И. Солженицын: штрихи к творческому портрету / П. К. Чекалов. – Невинномысск : НГТИ, 2002. – 205 с. – Текст : непосредственный.

155. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с. – Текст : непосредственный.

156. Шабалина, Н. Ю. Когнитивные модели субстандартной семантической деривации : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Шабалина Наталья Юрьевна. – Тюмень, 2007. – 22 с. – Текст : непосредственный.

157. Шапиева, Д. З. Лексико-стилистические средства выражения оценки в англоязычном политическом дискурсе : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.04 / Шапиева Диляра Залимхановна. – Москва, 2014. – 18 с. – Текст : непосредственный.

158. Шаталов, Д. Г. Эквивалентность перевода метафорических выражений / В. Г. Шаталов. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 1. – С. 154–159.

159. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – Москва : Наука, 1988. – 215 с. – Текст : непосредственный.

160. Шевченко, О. Г. Стилистические трансформации как средство достижения адекватности в художественном переводе (на материале рассказа Мюриэл Спарк «Портобелло Роуд») / О. Г. Шевченко. – Текст : непосредственный // Научный диалог. – 2018. – № 10. – С. 224–241.

161. Шенкал, Г. Образная лексика и фразеология русского языка в аспекте межъязыковой и межкультурной эквивалентности : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01, 10.02.20 / Шенкал Гексель. – Томск, 2017. – 182 с. – Текст : непосредственный.

162. Шешунова, С. В. Национальный образ мира в русской литературе (П. И. Мельников-Печерский, И. С. Шмелев, А. И. Солженицын) : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.01.01 / Шешунова Светлана Всеволодовна. – Дубна, 2006. – 42 с. – Текст : непосредственный.

163. Шиндель, С. В. Александр Солженицын и Генрих Белль: диалог культур : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата

культурологии : 24.00.01 / Шиндель Светлана Владимировна. – Саранск, 2010. – 22 с. – Текст : непосредственный.

164. Яковенко, Т. И. Имплицитный смысл онима в тексте (на материале русского и английского языков) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Яковенко Татьяна Игоревна. – Ростов-на-Дону, 2013. – 18 с. – Текст : непосредственный.

165. Bayley, J. The Gulag Archipelago / J. Bayley. – Текст : непосредственный // The Listener. – 1974. – February 14. – P. 193–196.

166. Black, M. Models and Metaphors (Studies in language and philosophy) / M. Black. – Ithaca ; New York : Cornell University Press, 1962. – 267 p. – Текст : непосредственный.

167. Black, M. More about metaphor / M. Black. – Текст : непосредственный // Metaphor and thought. – Cambridge, 1993. – P. 19–42.

168. Blake, P. The Gulag Archipelago / P. Blake. – Текст : непосредственный // The New York Times Book Review. – 1975. – October 19.

169. Bond, A. A Study of the English and the German Translations of Alexander I. Solzhenitsyn's The Gulag Archipelago. Volume I / A. Bond. – Frankfurt am Main ; Bern ; New York : Peter Lang, 1983. – 320 p. – Текст : непосредственный.

170. Curtis, J. M. Solzhenitsyn's traditional imagination / J. M. Curtis. – Athens : University of Georgia press, 1984. – 214 p. – Текст : непосредственный.

171. Deignan, A. Teaching English Metaphors Using Cross-Linguistic Awareness Activities / A. Deignan, D. Gabrys, A. Solska. – Текст : непосредственный // ELT Journal. – 1997. – No. 51 (4). – P. 352–261.

172. Dijk, T. A. van. Cognitive discourse analysis / T. A. van Dijk. – University of Amsterdam ; Universitat Pompeu Fabra ; Barcelona, 2000. – 274 p. – Текст : непосредственный.

173. Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 231 p. – Текст : непосредственный.

174. He, K. On Obstacles of Metaphor Translation from Perspective of Culture / K. He. – Текст : непосредственный // English Language and Literature Studies. – 2017. – Vol. 7, no. 1. – P. 126–130.
175. Hong, W. The Cognitive Turn in Metaphor Translation Studies: A Critical Overview / W. Hong, C. Rossi. – Текст : непосредственный // Journal of Translation Studies. – 2021. – No. 5 (2). – P. 83–115.
176. Klimoff, A. Translating Solzhenitsyn: The Gulag Archipelago / A. Klimoff, J. B. Dunlop et al. – Текст : непосредственный // Aleksandr Solzhenitsyn: Critical Essays and Documentary Materials. – New York : Collier Books ; London : Collier MacMillan Publishers, 1975. – P. 636–649.
177. Kovecses, Z. Metaphor in culture: Universality and variations / Z. Kovecses. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 314 p. – Текст : непосредственный.
178. Langacker, R. W. Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar / R. W. Langacker. – New York : Mouton de Gruyter, 2002. – 395 p. – Текст : непосредственный.
179. Leezenberg, M. Contexts of metaphor / M. Leezenberg. – Amsterdam : Elsevier, 2001. – 321 p. – Текст : непосредственный.
180. Maalej, Z. Translating metaphor between unrelated cultures: a cognitive perspective / Z. Maalej. – Текст : непосредственный // Sayyab Translation Journal. – 2008. – Vol. 1. – P. 60–77.
181. MacCormac, E. R. Metaphor and Myth in Science and Religion / E. R. MacCormac. – Durham, N.C. : Duke University Press, 1976. – 167 p. – Текст : непосредственный.
182. Mandelblit, N. The Cognitive View of Metaphor and its Implications for Translation Theory / N. Mandelblit. – Текст : непосредственный // Translation and Meaning. Part 3. – Maastricht, 1995. – P. 483–495.
183. Newmark, P. A Textbook of Translation / P. Newmark. – Harlow : Pearson Education Limited, 2008. – 292 p. – Текст : непосредственный.

184. Nolan, R. Cognitive practices: human language and human knowledge / R. Nolan. – Cambridge, 1994. – 142 p. – Текст : непосредственный.
185. Peturnig, A. Einige Gedanken zur Übersetzungsarbeit an Solschenizyns ‘Archipel Gulag’ / A. Peturnig. – Текст : непосредственный // Osteuropa (Aachen). – 1975. – No. 3. – P. 151–161.
186. Ricoeur, P. The rule of metaphor. The creation of meaning in language / P. Ricoeur. – London ; New York : Taylor & Francis, 2003. – 454 p. – Текст : непосредственный.
187. Schäffner, Ch. Metaphor and Translation: Some Implications of a Cognitive Approach / Ch. Schäffner. – Текст : непосредственный // Journal of Pragmatics. – 2004. – No. 36. – P. 1253–1269.
188. Schäffner, Ch. Metaphor in Translation: Possibilities for Process Research / Ch. Schäffner, M. Shuttleworth. – Текст : непосредственный // Target 25. – 2013. – No. 1. – P. 23–106.
189. Searle, J. R. Metaphor / J. R. Searle. – Текст : непосредственный // Pragmatics. – New York ; Oxford : Oxford University Press, 1991. – P. 519–539.
190. Soskice, J. M. Metaphor and religious language / J. M. Soskice. – Oxford : Clarendon Press, 1985. – 348 p. – Текст : непосредственный.

Список лексикографических источников

1. БАС – Большой академический словарь русского языка. – Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2004–2021. – Т. 1–27. – URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/dictionaries/344> (дата обращения: 12.12.2024). – Текст : электронный.
2. Зендлингер, А. Большой немецко-русский словарь: 55000 слов / А. Зендлингер, Я. Иордан. – Киев и др. : Арий и др., 2013. – 600 с. – Текст : непосредственный.
3. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – Москва : Русский язык. Медиа, 2005. – 944 с. – Текст : непосредственный.

4. МАС – Малый академический словарь. – Москва : Русский язык, 1999. – Т. 1–4. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 12.12.2024). – Текст : электронный.
5. Мюллер, В. К. Большой англо-русский словарь: 350000 слов и словосочетаний с двусторонней транскрипцией / В. К. Мюллер. – Москва : Хит-книга, 2016. – 958 с. – Текст : непосредственный.
6. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Москва : Издательство «Март», 1993. – 1248 с. – Текст : непосредственный.
7. Wahrig Deutsches Wörterbuch. – Gütersloh : Bertelsmann Lexikon Verlag, 1994. – 1420 s. – Текст : непосредственный.
8. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – New-York ; Avenel ; New Jersey : Gramercy Books, 1993. – 1448 p. – Текст : непосредственный.

Таблица 1

Взаимная соотнесенность приемов передачи метафор
в контексте различных классификаций

Я. И. Рецкер	В. Н. Комиссаров	П. Ньюмарк	Л. К. Латышев
Эквивалентное соответствие (зафиксировано в словаре)	Перевод с идентичным образом (зафиксировано в словаре)	Сохранение образа	
Калька	Дословный перевод		Калькирование
Вариантное соответствие	Перевод с иным схожим образом	Замена образа	Подбор лексически неадекватного переводческого соответствия
Трансформация		Замена образа. Сохранение образа с экспликацией смысла. Передача метафоры сравнением. Передача метафоры сравнением с экспликацией смысла	Функционально-адекватная замена
		Неметафорическое объяснение	Передача смысла без образа
		Отказ от метафоры и ее смысловой экспликации	

Количественный сопоставительный анализ приемов
перевода всех типов метафор (543 единицы)

Образ сохранен	Перевод Т. Уитни	Наименование приема	Перевод А. Петурниг	Образ сохранен
59,8%	22,38%	подстановка переносного значения	18,56%	53,49%
	18,42%	калька прямого значения	17,56%	
	17,62%	калька переносного значения	16,77%	
	1,39%	перевод сравнением	0,6%	
Изменен				Изменен
23,37%	6,73%	вариантное соответствие	6,59%	33,73%
	15,84%	функциональная замена	23,35%	
	0,79%	перевод фразеологизмом	3,79%	
Исчез				Исчез
16,83%	15,05%	деметафоризация	11,98%	12,78%
	1,78%	опущение	0,8%	